

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Перспективы

Электронный журнал

№ 1

2023

CENTER FOR RESEARCH AND ANALYTICS,
FOUNDATION FOR HISTORICAL OUTLOOK

PERSPECTIVES AND PROSPECTS

E-JOURNAL

№ 1

2023

Фонд исторической перспективы

Центр исследований и аналитики

Foundation for Historical Outlook

Center for Research and Analytics

Рецензируемый научный сетевой журнал «Перспективы. Электронный журнал». №1 (32)
E-journal «Perspectives and prospects». №1 (32)

journal.perspektivy.info

Издается с 2015 г. Выходит 4 раза в год
Published since 2015. Published 4 times a year

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Е.А. Нарочницкая — канд. ист. наук, руководитель Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, ведущий научный сотрудник Отдела страновых исследований Института Европы РАН

Ответственный секретарь

А.В. Щербина — канд. фил. наук, сотрудник Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы

Члены редколлегии

Н.А. Нарочницкая — д-р ист. наук, президент Фонда исторической перспективы; иностранный член Сербской академии наук и искусств, член Общественной палаты РФ.

Е.Н. Рудая — канд. ист. наук, руководитель научно-просветительских и культурных программ Фонда исторической перспективы.

В.Г. Федотова — д-р филос. наук, профессор, главный научный сотрудник Сектора социальной философии Института философии РАН.

Л.Н. Шишелина — д-р ист. наук, заведующая Отделом исследований Центральной и Восточной Европы Института Европы РАН.

П.П. Яковлев — д-р экон. наук, главный научный сотрудник Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

Editorial Board:

Editor in chief

Ekaterina Narochnitskaya — Ph.D. in History; Head of the Center for Research and Analytics, Foundation for Historical Outlook; Leading Researcher, Department of country studies, Institute of Europe RAS

Executive secretary

Anna Scherbina — Ph.D. in Philology, expert of the Center for Research and Analytics, Foundation for Historical Outlook

Members of the editorial board

Natalia Narochnitskaya — Doctor of History, President of the Foundation for Historical Outlook; Foreign Member of the Serbian Academy of Sciences and Arts, Member of the Civic Chamber of the Russian Federation

Elena Rudaya — Ph.D. in History, Head of Scientific, Educational, and Cultural Programs, Foundation for Historical Outlook

Valentina Fedotova — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy RAS

Lyubov Shishelina — Doctor of History, Head of the Department of Central and Eastern European Studies, Institute of Europe, RAS.

Petr Yakovlev — Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of Latin America, RAS; Professor, Plekhanov Russian University of Economics

Содержание:

Россия и мир: прошлое, настоящее, будущее

Наталья НАРОЧНИЦКАЯ. Россия и Сербия в эпоху перемен.
III. Сербия и русские в социальных экспериментах и геополитических катаклизмах
XX столетия 7

Иван САФРАНЧУК. Закат американской гегемонии:
особенности переходного состояния мировой системы 21

Вадим ТРУХАЧЕВ. Россия — Швеция: тупик отношений? 27

Европейские страны в региональных и глобальных процессах

Петр ЯКОВЛЕВ. Может ли Испания стать мотором экономического роста Евросоюза?
(К итогам 53-го форума в Давосе) 47

Элла ЗАДОРЖНЮК. Во власть под знаменем гавелизма 61

Американские досье

Наталья ТРАВКИНА. Нарастающий кризис американской семьи 74

Цивилизационные исследования

Яков ШЕМЯКИН. Постколониальные проблемы межкультурного диалога 93

Authors 109

Abstracts and Keywords 110

Contents:

Russia in the World: Past, Present, Future

Natalia NAROCHNITSKAYA. Russia and Serbia in a Time of Change. III. Serbs and Russians in the Social Experiments and Geopolitical Cataclysms of the Twentieth Century	7
Ivan SAFRANCHUK. The Decline of American Hegemony: Characteristics of the Global System in Transition	21
Vadim TRUKHACHEV. Russia — Sweden: a Deadlock in Relations?	27

European Countries in Regional and Global Developments

Petr YAKOVLEV. Could Spain become the engine of economic growth in the European Union? (On the results of the Davos Forum 2023)	47
Ella ZADOROZHNYUK. Coming into Power under the Banner of Havelism	61

American Dossiers

Natalia TRAVKINA. The Developing Crisis of the American Family	74
---	----

Civilization Studies

Yakov SHEMYAKIN. Postcolonial Problems of Inter-Civilizational Dialogue	93
--	----

Authors	109
----------------------	-----

Abstracts and Keywords	110
-------------------------------------	-----

**РОССИЯ И МИР:
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ**

DOI 10.32726/2411-3417-2023-1-7-20

УДК 94; 327

Наталия Нарочницкая

Россия и Сербия в эпоху перемен. III. Сербы и русские в социальных экспериментах и геополитических катаклизмах XX столетия

Аннотация. Рассмотрение ключевых вех истории последнего столетия демонстрирует взаимосвязь между устремлениями и судьбой сербов, других балканских народов, европейской геополитикой и ролью России. Геополитические процессы как прошлого, так и настоящего показывают невозможность для Сербии избежать втягивания в узлы западно-российского противостояния. Британия еще более века назад взяла курс, продолженный США, на столкновение Германии с Россией и противодействие формированию однородных славянских государств, грозящему, с точки зрения англосаксов, попаданием «латинских» народов в германскую, а православных — в российскую орбиту. Национальные чаяния сербов подлежали осуждению и сдерживанию. С распадом СФРЮ Сербию и вовсе обрекли на фрагментацию — примечательная параллель с судьбой исторической российской государственности и русского народа. Новый западный постмодернистский технократический концепт будущего исключает продолжение самостоятельной культурно-исторической жизни народов и угрожает смыслообразующему ядру как русской цивилизации, так и сербства. Сербская нация вновь находится в центре событий мирового значения, подтверждая связь судьбы поствизантийского пространства с положением России.

Ключевые слова: Сербия и Россия, сербская государственность, европейская геополитика начала XX в., Боснийский кризис 1908 г., сербская нация, сербство СФРЮ.

Геополитические устремления и проекты как кануна Первой мировой войны, так и нашего времени наглядно демонстрируют невозможность для Сербии избежать втягивания в узлы противостояния Европы и России. В англосаксонской стратегии еще в начале XX в. сложился последовательный курс на ослабление германского потенциала через столкновение его с Россией, что Лондон наряду с Вашингтоном продолжает делать с успехом и сегодня. Британский подход к организации Балкан строился на противодействии формированию однородных славянских государств, грозившему, с точки зрения англичан, попаданием «латинских» народов в германскую, а православных — в российскую орбиту. В предстоявшем распаде Османской Турции Англию больше всего тревожил шанс возникновения большого сербского государства. И сегодня сербам отказано в праве объединиться в едином государстве.

Сведения об авторе: НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна — президент Фонда исторической перспективы, иностранный член Сербской академии наук и искусств, член Общественной палаты РФ, доктор исторических наук, nn@stoletie.ru.

Стоит хотя бы бегло остановиться на судьбе наследия Илии Гарашанина — идеолога собирания сербских земель, в разное время министра иностранных дел и премьер-министра Сербии, одного из трех самых знаменитых сербских деятелей второй половины XIX — начала XX вв., наряду с Йованом Ристичем и Николой Пашичем. Гарашанин в середине XIX столетия выступил с новой концепцией исторической стратегии и внешней политики Сербии, изложенной им в программе «Начертание» (1844 г.). Целью предложенной им стратегии были свержение власти Турецкой империи над южными славянами и их объединение под эгидой монархической Сербии, которой надлежало собрать все сербские земли [Никифоров «Начертание»... Его же. Сербия...]. Сильная независимая Сербия должна была, по замыслу Гарашанина, помешать любым великим державам, прежде всего Австрии, Англии, Франции, но также и России, занять позиции Турции на Балканском полуострове. Заметим, что Гарашанин вовсе не одобрял одностороннюю ориентацию на Россию и даже вызвал неудовольствие Николая I желанием наладить отношения с западноевропейскими дворами. Однако, когда князь Александр Карагеоргиевич после поражения России в Крымской войне превратился в явного австрофила и попал под исключительное влияние австрийского консула в Белграде, Гарашанин как член Государственного совета выступил против такого курса.

Идеи И. Гарашанина о руководящей роли Сербии в борьбе за освобождение и объединение южных славян становились все более популярными на фоне оживления национально-освободительного движения против Османской империи, формирования вооруженных «чет» в Болгарии, Фессалии, Эпире, Македонии и других землях. В центре этого движения стояла Сербия, давно добивавшаяся вывода турецких гарнизонов из сербских крепостей. На пике карьеры Гарашанина сербское правительство реально рассчитывало объединить все антиосманские силы на Балканах для всеобщего восстания, освобождения славянских народов от владычества Турции и создания Великой Сербии. Гарашанин, реализуя свою концепцию, создал Балканский союз 1866–1868 гг., заключив договоры с Грецией, Румынией и Черногорией.

Но надежды избежать всемерного вмешательства великих держав в процессы распада Османской империи и дальнейшую судьбу балканских славян, а тем более объединить южных славян под эгидой Сербии, в конечном итоге оказались иллюзорными, хотя на определенном этапе способствовали росту авторитета и значения Сербии. С тех пор сама идея Великой Сербии — даже в ограниченном варианте естественного и правомерного объединения сербских земель — стала нарицательным клише «сербского великодержавного национализма». В XX в. этот термин приобрел уже однозначно негативный оттенок как в титовской Югославии, так и на Западе, что рельефно проявилось в отношении к судьбе сербов в момент и после распада СФРЮ.

Но и в XIX столетии европейские политики усматривали в сербских планах опасность складывания на Балканах нового территориального и цивилизационного статус-кво, не контролируемого западными державами. Сербская национальная идея, соединенная с целью независимости от Турции, неизбежно программировала выход также из-под австрийского владычества и сулила нежелательные для западных держав сдвиги.

Помимо сугубо геополитических потенциальных потерь в стратегически важном регионе, Европу тревожила перспектива возрождения и обретения политического потенциала «ойкумены Ромеев» с ее иной, отличной от западноевропейской, цивилизационной идентичностью.

Сама Западная Европа уже прошла стадию формирования национальных государств, а в конце XIX в. завершилось объединение «железом и кровью» Германии под эгидой Пруссии. Но «что дозволено Юпитеру, не дозволено быку». Как большая Сербия, так и потенциальная Болгария неизбежно предполагали российское присутствие и участие в их судьбе, что, безусловно, не входило в планы ни Австро-Венгрии, ни других западноевропейских держав, предпочитавших иные сценарии предстоявшего переустройства Балкан, без России, ослабленной по итогам Крымской войны. Р. Сетон-Уотсон выразил это в завуалированной форме так: «Миссия представлять западную культуру на Балканах лежит на Австро-Венгрии», которую, «если бы ее не было, надо было бы создать» [Seton-Watson, p. vii, 337].

Однако у программы И. Гарашанина сразу нашелся и другой оппонент: революционная космополитическая мысль и проекты крупных интернациональных федераций, где национальная государственность теряла значение в пользу социального переустройства. Это было время «Манифеста Коммунистической партии» и быстрого распространения левых идей. Проекты национальной консолидации сразу столкнулись с иным видением будущего балканских славян.

Так, в 1866 г. в городе Нови Сад возникла «Омладина» — молодежная политическая организация как национально-либеральных, так и леворадикальных революционно-космополитических кругов, находившихся под влиянием идей Первого Интернационала. Леворадикальное социалистическое крыло «Омладины» и его лидер Святозар Маркович, учившийся в Петербургском университете и попавший еще там под влияние революционных идей, отвергли концепцию И. Гарашанина как неинтернационалистскую и «великосербскую». Сознание революционной интеллигенции в Европе и России прекрасно иллюстрирует тот факт, что во время боснийского восстания 1875–1876 гг., вызвавшего в России широкий общественный подъем в поддержку сербов, народники-марксисты в журналах «Вперед» и «Набат» называли национально-освободительный порыв славян борьбой «старого мира» за «ложные идеалы», утверждая, что «единственная независимость, за которую следует бороться, есть независимость труда от всех стесняющих его хищнических элементов» [Нарочницкая Л.И. Россия и национально-освободительное... С. 36]. (Подобным образом, в конце XX — начале XXI в. сопротивление сербов их государственному расчленению, как и русских в Крыму, вызывало лишь раздражение у европейских и российских либералов, считавших единственным противоречием в мире противоречие между демократией и тоталитаризмом.)

Однако «Омладина» в целом, стоявшая на умеренно национальных позициях и даже сербские революционно-демократические круги, часто критиковавшие правительство царской России, резко отрицательно восприняли проавстрийский крен в политике

сербского князя Михаила Обреновича в конце его правления (в 1867–1868 гг.) и отказ от тесных связей с Россией [Нарочницкая Л.И. Россия и отмена... С. 134–144].

Вполне логично, что и в образованной в XX в. Югославии бдительно следили за «сербским национализмом», а С. Маркович, за сто лет до И.Б. Тито, выступавший за создание на Балканах федерации равноправных демократических республик, почитался как выдающийся деятель, революционный демократ, зачинатель и вождь социалистического движения в Сербии [Карасев]. Спустя век левые интернационалистские и радикально космополитические идеи на южнославянских землях сыграли роковую роль в судьбе именно сербов, не завершивших ранее национально-государственную консолидацию. Проекты строительства югославской многонациональной федерации закрепляли раздробленность сербской нации. А в конце XX в. крах левой идеологии принес с собой распад социалистических федераций по их искусственным внутренним границам.

Сложнейшие перипетии европейской политики, дипломатической борьбы и балканских конфликтов, достигшие апогея перед Первой Мировой войной, не обходились без расхождений интересов и чаяний Сербии, с одной стороны, и приоритетов и возможностей России. Одна из драматических для сербов страниц прошлого связана с аннексией Австро-Венгрией Боснии, которую Россия не предотвратила, да и не могла предотвратить

В начале XX в. геополитические противоречия между Англией и Германией уже завязали узел противоречий, которые неизбежно втягивали Россию. К Первой мировой войне стратегические устремления главных соперников прямо затрагивали морские рубежи России на Балтике, судьбу Балкан на юге Европы и будущее Проливов. Англия не могла допустить обретения кайзеровской Германией ведущей роли в Европе от Балтики до Средиземного моря и Ближнего Востока с его нефтью, к чему привела бы реализация германских амбиций завладеть «ключами от Проливов» и стать их «привратником» вместо Турции, как метафорично сформулировал эту цель российский министр иностранных дел России (1910–1916) С.Д. Сазонов. Строительство железной дороги Берлин-Багдад также грозило серьезно обесценить безраздельный морской контроль Англии над регионом и Суэцким каналом, который она имела после оккупации Египта в 1882 г.

Проекты в отношении России и Балкан открываются в разработках рейхсканцлера Б. фон Бюлова, депутата рейхстага Ф. Науманна, выступившего с идеей геополитической «Mitteleuropa» [Naumann Mitteleuropa; Его же. Was wird aus Polen?] — германского супергосударства от Балтийского до Черного моря, с втягиванием в его орбиту всего геополитического пояса от Балтийского до Средиземного моря — Польши, Прибалтики и Балкан. Такая геополитическая задача, похоже, неизменна для любой силы, стремящейся консолидировать Европу и вовлечь ее в реализацию своих амбиций к востоку от «берлинского меридиана». Эта цель преследуется с переменным успехом в течение всего XX в. и, что особенно очевидно, после краха СССР консолидированным «Запа-

дом» независимо от того «чья звезда его ведет» (А.С. Пушкин) — нацистская Германия или Вашингтон и Лондон с подчиненным им Брюсселем.

В начале Первой мировой войны были рассекречены досье за 10 лет из канцелярии министра и Ближневосточного отдела, и в них «открылась вся картина русской политики в этом кардинальном пункте», в том числе «планы Извольского и Чарыкова получить Константинополь, хотя бы в виде «нейтрализованного и свободного города», никому не принадлежащего, но с русскими пушками на Босфоре в обмен на согласие с австрийской аннексией Боснии и Герцеговины», а также проекты «сепаратного соглашения с Турцией наподобие Ункяр-Искелесийского 1833 г.» [Михайловский, с. 85].

Все последующие события подтвердили, что вопрос о Константинополе оставался «самым больным местом» русско-английских отношений, что не сулило даже в перспективе какого-либо обоюдодоприемлемого и прочного решения. Так, после соглашения Сайкса — Пико 1916 г., по которому по завершении Первой мировой войны России передавался контроль над Проливами, Константинополем, Западной Арменией и Северным Курдистаном, из Британии стали поступать средства большевикам, дабы ускорить русскую революцию, которая освободила бы Лондон от подписанных обязательств. Об этом факте, на основании архивных источников, пишет австрийская исследовательница Э. Хереш [Heresch, S. 119, 188, 229].

Возвращаясь к Боснийскому кризису 1908 г., спровоцированному Дунайской империей, следует признать, что А.П. Извольский, министр иностранных дел России в 1906–1910 гг., действительно готов был торговать Боснией, вообразив получить согласие Австрии и Англии на некие новые позиции России в Константинополе. Его скрытые даже от царя, предпринятые по собственной инициативе тайные переговоры с главой австрийского МИД А. Эренталем в Бухлау были заведомо обречены на неудачу, ибо Австрия была уверена в своем успехе и без всяких уступок Петербургу в вопросе Проливов и Константинополя. Сопровождаемая почти скандалом, когда обольстивший посулами, но обманувший Извольского Эренталь¹ объявил о российской поддержке аннексии, и общественным порицанием в России, дипломатия Извольского была и непопулярной, и непродуктивной. Английский министр Э. Грей не откликнулся в ходе Боснийского кризиса ни на одну из предлагаемых А.П. Извольским комбинаций и отказал России в совместном демарше против захвата Боснии. Информированная об этом Вена была уверена, что ее акт не вызовет противодействия ни других западных держав, ни оставшейся в одиночестве России («Я знаю Россию как собственный карман, — изрек тогда Эренталь. Она, безусловно, не пойдет на войну» [цит. по: Conrad von Hötzendorf]).

Следует добавить, что ко времени Боснийского кризиса в результате заговора офицеров белградского гарнизона в 1903 г. в Сербии вновь сменилась династия: был убит последний представитель Обреновичей, чья династия на этом пресеклась, и скупщина

---

1 Министр финансов В.Н. Коковцев горько иронизировал, что в ходе гостеприимных обедов в Бухлау Эренталь разыграл с Извольским басню «Ворона и лисица».

единогласно призвала на престол Карагеоргиевича. Новый монарх, коронованный как Петр I Карагеоргиевич, начал налаживать прочные связи с Россией, что было совершенно не в интересах Австро-Венгрии, которая поспешила реализовать свой боснийский план до того, как Россия окрепнет после Русско-японской войны и сможет более смело вести себя на Балканах.

Австрия действовала уверенно и бесцеремонно по отношению к интересам России, имея за спиной недвусмысленную военную поддержку Берлина. Кайзеровская Германия подталкивала Вену в давно лелеемом германцами «дранг нах зюден». После объявления об аннексии Боснии, австрийский генеральный штаб получил из Берлина секретное подтверждение, что в случае военного выступления России в защиту Боснии «для Германии наступит казус федерис» [Там же].

Не вполне состоятельны иллюзии сербской исторической памяти в отношении позиции Франции в Боснийском кризисе. Как пояснял впоследствии А.П. Извольский в письме своему преемнику С.Д. Сазонову, в самый критический момент аннексии Боснии ему была передана через французского посла официальная позиция Парижа: «Французское общественное мнение не потерпит, чтобы Франция была вовлечена в войну из-за сербских вождедений» [АВПРИ. Оп. 910... Л. 174–182].

В хранящемся в Архиве внешней политики Российской Империи всестороннем анализе международной обстановки тогдашний русский посланник в Сербии Г.Н. Трубецкой говорит о «бездарной дипломатической кампании» России в Боснийском кризисе, но «главной виновницей» попустительства австрийской аннексии Боснии называет Англию и лично Э. Грея, «торпедировавшего любые согласования» поправками, делавшими все предлагаемые документы «недействительными» [АВПРИ. Политархив... С. 22]. Подтверждение находим в «Записках» Г.Н. Михайловского — в годы Первой мировой войны главы международно-правового отдела российского внешнеполитического ведомства: именно Англия «расстроила своим сопротивлением русские планы... как в 1908 г., так и в эпоху 1912–13 годов» [Михайловский, с. 85].

В анализе Г.Н. Трубецкого, по большей части не введенном еще в научный оборот, охвачен значительный период русской политики на Балканах в целом с разбором неверных акцентов и расчетов, неоправдавшихся и ложных иллюзий, которые, среди прочего, ненамеренно вели не к разрешению противоречий между балканскими нациями, а к их усложнению, с неизбежным вовлечением в них великих держав. Особенно это относится к нараставшему столкновению интересов Сербии и Болгарии — двух самых перспективных и сильных православных государств на Балканах, с древней историей. Русофобия политической элиты современной Болгарии, неожиданная для русских, ее амбиции и антисербские настроения, участие на стороне кайзеровской и гитлеровской Германии в двух мировых войнах имеют давние корни, восходящие, в частности, к той эпохе.

Позиционирование в течение уже полутора веков освобожденной русской кровью Болгарии — результат многих факторов, не в последнюю очередь хитросплетений ин-

тересов держав. Можно указать и на неоправданную идеализацию в 1878 г. будущей ориентации независимой Болгарии русским послом в Константинополе Н.П. Игнатьевым, который фанатично и искренне видел в Болгарии главную опору России, уповая на благодарность населения, встречавшего русскую армию с «неистовым восторгом». Г.Н. Трубецкой же полагает ошибочной и недальновидной позицию России в период Сербско-болгарской войны 1885 г., лишь стимулировавшую амбиции Болгарии и подкрепившую «нерусский» вектор болгарской стратегии.

Анализируя неудачи России к 1917 г. за более чем два десятилетия, Г.Н. Трубецкой признает ошибки прошлого: «Нашими уполномоченными был проявлен чрезмерный и недостаточно обоснованный фаворитизм по отношению к Болгарии, в то время как Сербия была ими совершенно обездолена». Русская дипломатия «в 1878 г. положила начало исключительным притязаниям Болгарии», что породило после неудач в Балканских войнах «русофобию» [АВПРИ. Политархив... С. 20, 24]. Участие Болгарии на стороне Центральных держав было predetermined не только желанием «отомстить». В случае победы Антанты Россия бы утвердилась в Константинополе, а Сербия, даже с уступкой Македонии, увеличилась бы больше чем вдвое за счет Австрии. Царю Болгарии Фердинанду Саксен-Кобург-Готскому, который опирался на Австро-Венгрию еще до войны и избрание которого Россия в числе других держав сначала не признавала, пришлось бы проститься со своей заветной мечтой — гегемонией на Балканском полуострове и собственным утверждением в Константинополе.

Итоги Первой мировой войны радикально изменили карту Европы, но англосаксонская часть Антанты — создательница нежизнеспособной Версальской системы и новых государственных образований на месте Австро-Венгрии — заложила зерно Второй мировой войны. Великая Победа СССР в мае 1945 г. заставила Запад в течение почти 50 лет соблюдать конфигурацию и баланс, согласованные в Ялте, и отложить в долгий ящик неизменную цель отгородиться от России по линии Балтика — Средиземное море. Но после крушения СССР главные геополитические сценарии разыгрывались в тех же самых регионах, которые были объектом передела в Первой и Второй мировых войнах. Сюжеты Восточного вопроса XIX в. разворачивались не только в дипломатических баталиях 1945–1946 гг. В. Молотова и Э. Бевина по Дунаю и Додеканезским островам, но и в Балканском кризисе 1990-х. Заложенные в начале XX в. конфликты возродились в конце столетия, причем цели остались прежними.

В 1995 г. в Дейтоне англосаксы категорически не желали присутствия России на Балканах и сильного сербского национального государства — также как за 50 и 100 лет до этого. Вспомним, как в 1943 г. в Тегеране У. Черчилль в ответ на все требования И. Сталина открыть второй фронт в Западной Европе, упорно предлагал «правофланговое наступление на Балканы», спеша установить свой контроль в регионе. Вспомним, как он вмешался в дела Греции, где победа левых сил угрожала изменением политики Греции и ослаблением британских стратегических позиций в зоне Проливов. Однако в Сербии — в отличие от Греции — Великобритания сочла выгодным поставить на коммуниста И.Б. Тито, который, понимая британские мотивы и приоритеты, в письме Черчиллю

разъяснил свою цель — «создать союз и братство югославских народов, которые «не существовали до войны», «создать федеративную Югославию [Черчилль, с. 459, 460].

Британия после этого перестала поддерживать Д. Михайловича (который вполне мог за свои заслуги потребовать Великой Сербии), предпочтя ему коммуниста И.Б. Тито. Замыслы Тито вписывались в британские схемы для Юго-Восточной Европы, нацеленные со времен распада Оттоманской империи на сдерживание и хорватов, и сербов, и словенцев, и албанцев, что должно было препятствовать укреплению как прогерманского вектора балканских «австрославистов», так и пророссийского вектора православных славян.

Создание югославянской федерации вполне соответствовало и проекту «Дунайской конфигурации», очерченному Черчиллем в Тегеране. Британская стратегия исходила из того, что Черноморские проливы, Юго-Восточная Европа, Балканы и православные славяне ни в коем случае не должны попасть в орбиту России. Преемственность этой британской линии в Восточном вопросе отчетливо проявлялась на переговорах «большой тройки». Как пишет М. Гилберт, автор многотомной биографии Черчилля, в которой воспроизведен огромный массив личных деловых записок самого Черчилля, в Тегеране британский премьер, заговорив о послевоенном устройстве, выразил «ощущение, что Пруссия... должна быть изолирована и уменьшена, а Бавария, Австрия и Венгрия могли бы сформировать широкую, мирную... конфедерацию» [Gilbert, p. 575]. По словам самого Черчилля, он предлагал «отделить Баварию, Вюртемберг, Пфальц, Саксонию и Баден», чтобы эта группа земель «вросла в то, что он назвал бы Дунайской конфедерацией» [Черчилль, с. 392, 393, 394].

Сталин же, отмечала немецкий историк Рената Римек, воспротивился плану «вовлечь Южную Европу, прежде всего балканских славян, в силовой ареал Запада... не потому, что хотел сделать Южную Европу коммунистической, а потому что, как любой русский государственный деятель и любой русский царь, он был обязан противостоять таким западным устремлениям» [Riemeck, S. 177]. Не исключено, что Сталин сразу после войны почувствовал необходимость бдительно следить за контактами югославянских деятелей с Западом, что сеяло и укрепляло недоверие между ним и Тито.

И.Б. Тито вел свою большую игру, опираясь на интересы Британии и США и их поддержку. У. Черчилль, «немедленно ответив» ему 5 февраля 1944 г., пообещал «поддержку правительства Его Величества» усилиям «создать условия для образования подлинно демократической и федеративной Югославии» [Черчилль, с. 459, 460]. Дж. Кеннан, в свою очередь, также пришел к выводу, который выразил вполне откровенно: «Тито — наш самый драгоценный приз в борьбе за ослабление и остановку русской экспансии. Надо предоставить ему самому возможность по-своему трудиться над тем, чтобы Восточная Европа стала самостоятельной» [Екмечић, с. 652–654].

Сербский академик М. Экмечић (в посмертно изданном в 2022 г. полном собрании его трудов, включая ранее не опубликованные) пишет даже об интригах И.Б. Тито с ру-

ководством США, Британии, об обмене секретными визитами и переговорах высокопоставленных югославских военных и политиков в 1951 г. (визиты британского генерала Генри Уилсона в Белград в январе 1951 г., главы югославского парламента Милована Джиласа в Лондон в феврале, начальника Генерального штаба Югославской армии генерала Кочи Поповича в Париж в мае того же года), о «тайной военной конференции» американских и британских военных чинов с югославскими военными «в Словении в июле 1951 г.». Все это — достаточно сенсационные сведения, которые не афишировались в СФРЮ. Результатом, как пишет Экмечич, стало согласие И.Б. Тито заключить с Грецией и Турцией «Балканский пакт» в качестве юго-восточного дополнения к НАТО, что предусматривало участие СФРЮ в «отражении» возможной агрессии СССР. Однако эти нереализованные планы, по всей видимости, были скорее пробными эскизами, которые не смогли найти поддержку в югославском партийном и государственном руководстве и тщательно скрывались, о чем косвенно свидетельствует факт немедленного отстранения от должности посвященного в эти планы высокопоставленного чиновника, возразившего против их осуществления.

Югославия стала мировым игроком, найдя для себя иную роль. И.Б. Тито смог реализовать свои политические амбиции не в присоединении в той или иной форме к конфигурациям одной из сторон биполярного миропорядка, а на поле менее рискованном, став противовесом как западному, так и советскому блокам. СФРЮ и сам Тито выступили вдохновителями Движения неприсоединения и успешно его использовали. Символично, что и заключительная для эпохи холодной войны и Югославии как единого социалистического государства конференция неприсоединившихся стран состоялась в 1989 г. в Белграде — там же, где начиналась активная история Движения неприсоединения. После этого в столице СФРЮ был взят курс на сближение с Западом, который не спас Югославию.

Драматический парадокс заключался в том, что стержнем строительства Югославии — как бы это ни обрамлялось в космополитические левые социальные проекты и формулы — была сербская история, не запятнанная ни в Первую, ни во Вторую мировые войны, в которых и хорваты, и албанцы находились на стороне побежденного противника. Сербский народ неоспоримо считался одним из наиболее пострадавших в войне (если не самым пострадавшим — с учетом жертв на душу населения), и до сих пор в энциклопедиях фигурирует понятие «геноцид сербов 1941–1945», признаваемое и западными историками [Балканский узел... С. 160–164; Nation, p. 98]. Именно с сербской историей, известной на Западе несколько веков, именно с Сербией — государством-участником крупных событий — в сознании мира так или иначе ассоциировалась преемственность Югославии в ее звездные часы. Роль хорватов — союзников Гитлера и Муссолини, запятнанных геноцидом сербов и антисемитизмом, по политическим причинам оставалась в тени, а другие югославские народы, получившие квазигосударственные институты, ранее не имели своей государственности. Однако именно сербская идея должна была быть принесена в жертву интернациональным задачам, именно сербская история нивелировалась в самой Югославии. И это очень похоже на судьбу русских в СССР, созданном из «великой и неделимой России» — многовековой

исторической работы русского народа, объединившего еще до всяких марксистских идей сотни народов.

В социалистической Югославии именно в сербской историографии требовали настаивать тезис, что у сербов и других югославских народов больше нет отдельной истории. В то же самое время в Хорватии и Словении с этим открыто не соглашались. Когда идеологический контроль ослабел, в кругах сербской интеллигенции возникло национальное течение, которое олицетворяли крупные историки, подготовившие в 1985 г. так называемый Меморандум Сербской академии наук и искусств.

В этом фундаментально документированном тексте о положении сербской нации в СФРЮ сербские ученые впервые открыто, хотя и робко, с экивоками, свойственными воспитанию в пролетарском интернационализме, поставили вопросы о разделенном положении сербской нации в федерации, о последовательных установках на развитие производства преимущественно вне Сербии, вывод из нее промышленности, перераспределение национального дохода в пользу других субъектов федерации, административную и финансовую дискриминацию в области культуры, с сохранением в основном на плечах Сербии государственного долга. Было указано и на нарушения прав человека в Косово, откуда сербов систематически вытесняли. В ответ обрушился шквал обвинений со стороны хорватов, албанцев, словенцев и западных комментаторов [Mihailovic, Krestic].

Все эти выводы, подкрепленные данными статистики, и их судьба очень напоминают заключения и судьбу подобных исследований в позднем СССР, например, известного правоведа и правозащитника, д.ю.н. Галины Литвиновой, основателя нового направления — социальной демографии. Г. Литвинова на статистических данных показала, что, начиная с середины 1930-х годов установленные еще в 20-е годы преференции национальным окраинам вели к последовательному систематическому разорению родового гнезда русского народа, особенно Нечерноземной зоны, перераспределению бюджета в пользу национальных республик, дискриминации в области государственного управления и культуры. (Так, по количеству дипломов и ученым степеням на душу населения казахи и узбеки к 1980-м годам во много раз опережали русских, украинцев и белорусов.) Но труды Г. Литвиновой перестали публиковать; ее работа «Национальные интересы русского народа и демографическая ситуация в России» была издана уже в 1997 г. Институтом мировой литературы РАН (!) — в сборнике Ассоциации по комплексному изучению русской нации (АКИРН) [Национальные интересы...].

Титовская же Югославия, лишь формально объединявшая сербский потенциал, но на деле консервировавшая его фрагментацию, после крушения СССР просуществовала ровно столько, сколько в ней был заинтересован Запад. При этом именно сербский дух и Югославская народная армия стали в 1990-е годы объектами идеологической диффамации и стратегии расчленения. Судьба сербского народа, его интересы, национальная идея, объединение фрагментированных сербов вновь были расценены на Западе как «крамольные» темы. Примечательно, как мало изменилось за целое столе-

тие — с двумя мировыми войнами и колоссальными сдвигами в мировой политике — отношение к самому праву сербов на какие-либо национальные чаяния.

«Ложность» и «опасность» сербских «вождедений», восходящих к идеям И. Гарашанина, к «фантазиям историков-дилетантов», была сурово осуждена еще в далеком 1913 г. в докладе Фонда Карнеги. Особое внимание уделялось там и македонскому вопросу, который осложнял взаимоотношения между потенциально крупными, главными субъектами балканской политики — Сербией, Болгарией и Грецией. Фонд предлагал придерживаться стратегии, которая на деле предполагала поддержание постоянной конфликтности между Сербией, Болгарией и Грецией через поощрение, в том числе, деятельности Внутренней македонской революционной организации (ВМРО) [Синадиновски; Златна книга], сыгравшей свою роль и в антисербском направлении процессов в распадающейся Югославии конца XX столетия.

В 1993 г. при переиздании того же доклада такая же оценка сербства была повторена в предисловии Дж. Кеннана, который прямо призывал «навязать на Балканах новый статус-кво и заставить его соблюдать» [The Other Balkan Wars... P. 16]. А лидеры ВМРО в 1990-е годы вышли на политическую сцену новой Македонии, объявив главным врагом сербский «империализм» извне и албанизацию внутри, что не мешало им блокироваться с албанцами против сербов на выборах. Создание «титовской» СФРЮ, якобы отдавшее македонцев «под иго сербского великодержавия», лидеры ВМРО резко осуждают, хотя этот исторический этап только и сделал возможным независимость Македонии¹. Отношения между македонскими структурами и Белградом в СФРЮ изначально были непростыми [Македония...], а македонская эмиграция пестовалась в том числе под эгидой американского Государственного департамента и Совета по международным отношениям, о чем говорят архивные документы [АВПР. Ф. 0512...Л. 13, 16]. Все это дало результаты в переориентации македонской политической элиты в сторону Запада и НАТО².

По итогам своего существования СФРЮ принесла независимый государственный статус Хорватии, Словении, Македонии, Боснии и Герцеговине, вообще никогда не имевшим собственной исторической государственности. Сербия же — возникшее еще в раннем средневековье независимое государство балканских славян — оказалась обречена на фрагментацию, ибо многие населенные сербами земли отошли бывшим частям социалистической Югославии. В этом новейшая сербская история очень схожа с судьбой исторической российской государственности и русского народа. Новоиспеченные постсоциалистические и постсоветские государства, имеющие на своей территории сербские или русские анклавы, неизбежно опасаются ирреденты и начинают

1 В 1996 г. автор данной статьи имела в Македонии беседы с лидерами Внутренней македонской революционной организации по широкому кругу международных проблем. Радикальная националистическая верхушка ВМРО отрицательно относилась к итогам Русско-турецкой войны 1877–1878 г. и линии Сан-Стефано, «предавшей» македонскую нацию, и не менее жестко оценивала как Версальскую, так и Ялтинско-Потсдамскую системы.

2 Нова Македония. 5 сентября 1996 г.

проводить в разной форме политику ассимиляции, подавления языка, культуры, исторической памяти, возможностей к самоорганизации, соответственно, сербского и русского населения. Яркий трагический пример — судьба русскоязычного востока Украины, ненависть к нему галицийских униатов.

После всех экспериментов, соблазнов и исторических катаклизмов сербы, как и русские, оказались разделенным народом. Но судьба исторического сербства как в полуторавековой ретроспективе, так и сегодня, когда оно находится во враждебном окружении, драматична гораздо более, чем судьба России — все еще огромной, самодостаточной геополитической величины, вооруженной ядерными средствами сдерживания.

* * *

Исторические и геополитические устремления сербов, славянства, балканских народов, испытавших на себе двойное завоевание и подчинение со стороны Запада и Востока, всегда были разнообразны и порой противоположны. Это имеет разные истоки — от религиозной розни на стыке католицизма, православия и мусульманства до сугубо национальных чаяний, от местнических амбиций до исторических обстоятельств. Во все времена эти присущие всей человеческой истории явления использовались сменяющимися друг друга ведущими европейскими державами как инструмент собственных геополитических интересов в стратегическом южном подбрюшье Европы, что препятствовало более раннему оформлению однородных славянских государств и сохранило балканские противоречия до XXI в.

Историческое сербство помещено историей на стыке соперничающих геополитических систем, где независимая внешняя политика малых стран едва ли возможна, что подтвердилось в несбывшихся надеждах И. Гарашанина, а в наше время — в радикальной переориентации Восточной и Южной Европы на рубеже XXI вв. Впрочем, не все стремятся к дорогостоящей во всех смыслах и невечной самостоятельности, и это их право. Однако в момент острейшего противостояния, от исхода которого зависит будущая политическая конфигурация мира и, прежде всего, будущее направление истории христианской цивилизации, политическое и мировоззренческое самоопределение для небольших наций становится историческим императивом. Этим самоопределением они решают собственное национальное и государственное будущее.

Познав в XX–XXI столетии и успехи, и поражения, и упадок воли, и взлет национального духа, сербская нация вновь находится в центре мировых событий, что повторяет судьбу русских, подтверждая связь судьбы поствизантийского пространства с положением России. Исторический и духовный опыт сербов, готовность никогда не сдаваться без боя и самопожертвования даже многократно более сильному противнику, давшие им способность не только выстоять и выжить, но и сохранить себя как историческую нацию перед экспансией с Запада и с Востока, подвергается новому испытанию, новому искушению — выбору политического будущего и цивилизационного пути.

Вновь от Балтики через всю Восточную и Южную Европу формируется не скрывающий своей враждебности Сербии, России и осознавшей цену лавирования Белоруссии меридиональный фланг, весьма похожий на проект санитарного кордона от Балтики до Средиземного моря, лелеемый с XVI в. и бывший составной частью проектов Муссолини и Гитлера. Эта стратегия вновь не обходит стороной Балканы и сербов.

Опыт Сербии с Дейтонскими соглашениями, после которых сербского президента С. Милошевича — гаранта подписанного статус-кво — западные партнеры выкрали и поместили в застенки Гаагского трибунала, не оставляет места иллюзиям. Пример России не менее назидателен: мощная богатая Россия с ее ресурсами и ядерным оружием была обманута и обворована. Попраны «священные коровы» западного мира — договоры и договоренности, правовые нормы и принципы, которыми Европа долго привлекала незападные миры. Сама Европа стремительно утрачивает роль и суверенитет, становясь, в ущерб себе и своей экономике, инструментом американского доминирования. Своей подчиненностью англосаксонской исторической стратегии, Евросоюз сам себя ввергает в социально-экономические катаклизмы, уже давно забытые в «цветущем саду» Ж. Борреля. Но эти проблемы заслоняют куда более тревожную неопределенность самой европейской цивилизации, ее великой культуры и образа жизни, наконец, места Европы в глобальном политическом и цивилизационном соперничестве. Пример античного Рима с его гедонизмом, разрушенного вестготами, несмотря на все техническое и социально-экономическое превосходство римлян, весьма назидателен.

Постмодернистский технократический концепт будущего, с пугающей быстротой реализуемый на поле европейской цивилизации, уже порвавшей со своими христианскими истоками и не дорожащей памятью о былом расцвете, ставит под сомнение продолжение самостоятельной культурно-исторической жизни и угрожает самому смыслообразующему ядру русской и сербской истории. В новом (анти)европейском проекте первыми растворятся малые нации. В постмодернистской Европе отброшена собственная великая европейская культура, главным нервом которой был нравственный выбор. Тем более незавидна судьба славянства, с его кириллицей, языком, содержащим нравственную оценку в самой лексике, с его героической летописью выстояния между католиками и мусульманами, между тевтонами и турками: останется мертвый экспонат в витрине этнографического музея.

Православная цивилизация и государственность, завещанные Сербии князем Лазарем («*Земальско је за малена царство а небеско увек и до века*») чужды либертарианской, апостасийной доктрине брюссельской элиты еще более, чем западноевропейской мысли кануна Первой мировой войны. Уже тогда для Запада сохранение сербской цивилизации, ее «триумф» воспринимались как «удар по прогрессу и современному развитию» [Seton-Watson, p. vii, 337]. В XXI в. сохранение в Европе очагов православной культуры и семейно-бытовых основ жизни — это препятствие «триумфу» постмодернизма, философии «конца истории» человеческого духа, «культуры гендерного равенства», «культуры отмены» — отмены всего, что создало славу некогда великой Европе.

Русский мир и Сербство, защищая себя и свое место в истории, одновременно, осознанно или неосознанно, служат сохранению и продолжению общеевропейского христианского цивилизационного наследия — достойная и вдохновляющая историческая миссия.

Литература

- АВПР. Ф. 0512. Оп. № 4, № 221. Папка 25.
АВПРИ. Оп. 910. Д. 194. Ч.1.
АВПРИ. Политархив 1917 г. Оп. 482. Д. 1783.
Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке. М. 2005.
Екмечић М. Сабрана дела. Књига 5. Дуго кретање између клања и орања. Историја Срба у новом веку (1492–1992).
Златна книга. 100 години ВМРО. Скопје. 1993.
Карасев В.Г. Сербский революционный демократ Светозар Маркович. 1953.
Македония. Путь к самостоятельности. Документы. М. 1997.
Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. В двух книгах. Книга 1. Август 1914 — октябрь 1917. М. 1993.
Нарочницкая Л.И. Россия и национально-освободительное движение на Балканах. 1875–1878 гг. М. 1979.
Нарочницкая Л.И. Россия и отмена нейтрализации Черного моря 1856–1871. К истории Восточного вопроса. Изд. 2-ое. М. 2022.
Национальные интересы русского народа и демографическая ситуация в России. Сборник статей. / Ассоциация по комплексному изучению русской нации (АКИРН). М. 1997.
Никифоров К.В. «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М. 2015.
Никифоров К.В. Сербия в середине XIX в. (начало деятельности по объединению сербских земель). М. 1995.
Синадиновски Б. ВМРО-ДПМНЕ. Од визији до стварност. Скопје. 1993.
Черчилль У. Вторая мировая война. Том V. Кольцо смыкается. М. 1998.
Conrad von Hötzendorf F. Aus meiner Dienstzeit. 1906–1918. Wien, Berlin. 1921.
Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol.VII. The Road to Victory. 1941–1945. Boston.1986.
Heresch E. Geheimakte Parvus. Die gekaufte Revolution. Wien. 2000.
Mihailovic K., Krestic V. Memorandum of the Serbian Academy of Sciences and Arts. Answers to criticisms. Belgrade, 1995.
Nation R.C. War in the Balkans 1991–2002. Carlisle: U.S. Army War College. 2003.
Naumann F. Mitteleuropa. Berlin. 1915.
Naumann F. Was wird aus Polen? Berlin. 1917.
The Other Balkan Wars. 1913 Carnegie Endowment Inquiry in Retrospect with a New Introduction and Reflections on the Present Conflict by G. F. Kennan. Wash. 1993.
Riemeck R. Bilanz eines Jahrhunderts. Stuttgart. 1997.
Seton-Watson R. The Southern Slav Question and the Habsburg Monarchy. London. 1911.

DOI 10.32726/2411-3417-2023-1-21-26

УДК 327

ИВАН САФРАНЧУК

Закат американской гегемонии: особенности переходного состояния мировой системы

Аннотация: *Иссякают американские возможности для глобального доминирования — реальностью становится многополярность. Мировой порядок остается в переходном состоянии, но качество и суть этого состояния меняются. Ведущие игроки в новом составе формируют правила взаимодействия, и этот процесс не может быть легким, тем более что за игроками стоят разные культуры и разные внутренние системы, которыми они дорожат. Конкуренция приобретает две основные формы: конкуренты пытаются ослаблять друг друга путями непрямого воздействия и проявляют готовность к управляемому столкновению интересов в важных регионах. Все это ведет к постоянной напряженности и затрудняет формирование общих правил и принципов. Но одновременно эта же модальность конкуренции не дает — по крайней мере, пока — даже самым жестким противоречиям принять форму открытой большой войны.*

Ключевые слова: *мировой порядок, мировая система, многополярность, мировые игроки, модальности конкуренции, международное соперничество, конфликты.*

В последние десятилетия США проводили целенаправленную и масштабную работу по прославлению своей победы в холодной войне и созданию за счет этого идеологической основы для «американского века»: своего неоспоримого материального и морального превосходства, долгосрочного господства в мировой системе. Борьба с концепцией многополярности была важным элементом американской политики. Эта борьба Америкой проиграна: многополярность становится реальностью. Однако американские усилия не были совсем пустыми. Выросло поколение политиков, ученых, деловых людей и простых граждан в разных частях мира, для которых немислима жизнь без Америки. «Что думают США?», «как они отреагируют?», «какая их позиция?» можно услышать по всему миру и по самым разным поводам. Неготовность многих к жизни «без Америки» усугубляется еще и тем, что реальная многополярность, то есть международная система без гегемона, сама по себе не является гармоничной, один из главных ее механизмов — это конкуренция, которая может принимать достаточно жесткие формы.

Сведения об авторе: САФРАНЧУК Иван Алексеевич — директор Центра евроазиатских исследований Института международных исследований (ИМИ) МГИМО МИД России, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат политических наук, i.safranchuk@inno.mgimo.ru.

Формирование многополярности как основная характеристика современного мира

Иссякает американский порыв, а главное, возможности для глобального доминирования. Три американских президента подряд избираются с предвыборными обещаниями заниматься домашними делами больше, чем международными. Правда, своих изначальных предвыборных установок они не выполняют. При этом США существенно меняют свою риторику от администрации к администрации, то заявляя о поддержке либерального миропорядка, то переходя к одностороннему военному вмешательству, а то и смещаясь на позиции экономического меркантилизма. Мир не готов колебаться вслед за Соединенными Штатами с такой огромной амплитудой. И это разительно отличается от того, что наблюдалось 30–35 лет назад. Тогда, на излете холодной войны, в США говорили о наступлении долгого периода их абсолютного преимущества [Nye Bound to Lead...]. И значительная часть мирового сообщества была готова принять такое лидерство.

Первые признаки пределов американского превосходства появлялись уже при администрации Б. Клинтона. Нельзя было не заметить несправедливость и предвзятость при решении сложнейших региональных конфликтов. В начале 2000-х годов пределы американского доминирования и единоличного диктата уже были достаточно полно осмыслены учеными (в том числе и апологетами «американского лидерства» [Nye The Paradox... Bauman]). В дальнейшем деятельность администраций Дж. Буша-младшего и Б. Обамы показала, что даже при сохранении американского материального военного преимущества их политическое превосходство рассыпается. Это стало необходимым элементом общего осознания мировой системы.

В последние десятилетия ряд государств совершили материальный прорыв. Это, прежде всего, Китай и Индия. После временного ослабления значительно окрепла Россия. Но и другие страны БРИКС и Большой двадцатки сделали заметные шаги вперед в своем развитии.

Завершается период, когда страны могли относительно быстро и кардинально изменить свое материальное положение в мировой системе. После окончания холодной войны и исчезновения тех разделительных линий, которые она создавала, для многих незападных стран открылись новые политические и, главное, экономические возможности. Опыт Японии, а также Республики Корея, «чудо» других «азиатских тигров», быстрый рост в Китае — все это, казалось, говорило о том, что при разумной экономической политике внутри своих границ и интеграции в мировую экономическую систему любая страна, и малая, и крупная, может сделать прорыв в своем развитии. Однако те глобальные политические условия и глобальная экономическая конъюнктура, при которых стало возможно возвышение целого ряда новых мировых игроков, исчезают [How the West...]. Мировая экономика замедляется. Период появления новых значимых мировых и региональных игроков завершен или, по крайней мере, подходит к концу.

При этом трудно не обратить внимание на следующее обстоятельство. Уже почти полвека все постоянные члены Совета Безопасности ООН — это ядерные державы. Круг постоянных членов Совбеза был определен по итогам Второй мировой войны, и так сложилось, что постепенно все они стали ядерными державами¹. Формально статус постоянного члена СБ ООН и ядерный статус никак между собой не связаны, но как-то само собой получилось, что они пришли в соответствие. Не менее важно, что на 15 государств Большой двадцатки приходится около 80% всех мировых военных расходов. Списки тех, кто имеет экономическую значимость и военную мощь, в значительной степени совпадают.

Сложился круг стран, которые можно назвать обновленным составом ведущих мировых игроков и значимыми региональными державами. К первым отнесем Россию, США, Китай, Индию, ЕС в целом и отдельных его членов; ко вторым — некоторые европейские государства, Японию, Республику Корея, Турцию, Саудовскую Аравию, Иран, Бразилию, Австралию.

Все вышесказанное дает основания заключить, что мировая система продолжает оставаться в переходном состоянии, но меняется качество и суть этого состояния. Материальная, физическая полицентричность уже сложилась, но, если пользоваться компьютерной аналогией, это пока hardware с очень слабым software. Без адекватных правил материальная полицентричность не работает в полную силу и не раскрывает всех своих потенциальных возможностей.

Теперь переходное состояние характеризуется не тем, что меняется состав ведущих игроков мира (возвышение одних и относительное ослабление других), а тем, что ведущие мировые игроки в обновленном составе формируют правила взаимодействия между собой и в мире. Этот процесс не может быть легким. Хотя бы потому, что некоторые из сегодняшних значимых игроков никогда не были в «первой лиге» мировой политики и экономики, а иные — например, Китай — выпадали из нее на продолжительное время.

Но главное, за игроками первого уровня стоят разные культуры и разные внутренние системы, которыми они дорожат и уникальность которых все в большей степени осознают. Вера США в свою исключительность общеизвестна [McDougal]. Но и Россия, и Индия, и Китай, и ЕС все больше дорожат своей особенностью, отличностью от других, своим уникальным историческим опытом. Их различия в условиях жесткой конкуренции пока затрудняют формирование общих новых правил.

Особенности конкуренции в современном мире

По всей видимости, прямое военное столкновение между ключевыми соперниками по-прежнему является если не полностью невозможным, то достаточно маловероятным.

---

1 К КНР, обладавшей ядерным оружием с 1964 г., право представительства в ООН и Совбезе перешло от Республики Китай (Тайвань) в 1971 г.

Во всяком случае, ни один из ведущих игроков не рассматривает такое столкновение как разумный вариант конкуренции. Однако тяготение к конкуренции, причем жесткой, чрезвычайно сильно. Возможно, это временное явление — пока ведущие игроки исследуют свои новые возможности, «играют мускулами»; когда же они узнают пределы своей мощи, ситуация станет более спокойной. Но возможно также, что установка на жесткую конкуренцию станет на обозримую перспективу перманентной для нового состава ведущих мировых игроков.

Так или иначе, сейчас конкуренция приобретает две основные формы. Конкуренты пытаются ослаблять друг друга путями непрямого воздействия и проявляют готовность к управляемому столкновению интересов в важных регионах, когда масштабы и интенсивность конфронтации не выходят из-под контроля и не получают «независимую» динамику эскалации.

Обратим внимание, что все современные ведущие мировые игроки имеют внутренние проблемы экономического и социального порядка. На современном этапе переплетаются попытки использовать слабости других и страх перед внешним воздействием с их стороны. Стремление использовать слабости соперников и не дать им надавить на собственные «болевы́е точки» приводит к противоречиям в политике всех ведущих мировых игроков.

На ход и характер соперничества влияет и то, что почти у всех ведущих игроков в регионах их расположения есть недружественные территории, которые могут быть использованы как катализатор их внутренних проблем. Это открывает обширные возможности для «гибридных войн», попыток надавить на слабые места конкурента прежде всего невоенными средствами. Украинский пример хорошо иллюстрирует, что в идеале давление на конкурента/соперника стараются осуществлять не собственными руками, а через недружественную этому конкуренту страну, которая, находясь в географической близости от объекта воздействия и будучи связана с ним, может служить рычагом для передачи и усиления негативного воздействия. Не все ведущие игроки используют «гибридные войны» друг против друга, но для большинства из них это характерно.

Описанная модальность конкуренции ведет к постоянной напряженности между ведущими мировыми игроками. Их отношения запутанны и противоречивы, в них нет симметрии и прямых паритетов. Все это затрудняет формирование общих правил и принципов. Но эта же модальность конкуренции не дает — по крайней мере, пока — даже самым жестким противоречиям принять форму открытой большой войны. Прямая конкуренция между ведущими мировыми игроками приобретает формы не открытой военной конфронтации, а «осады» друг друга с помощью региональных партнеров. Условно говоря, ни один не пытается победить другого, но многие стараются взять своих конкурентов измором.

Одновременно ведущие мировые игроки осуществляют активную политику вне регионов своего расположения. Это связано прежде всего с их экономическими интереса-

ми. Интересы ведущих игроков в разных региональных ситуациях сталкиваются — на Балканах, в Центральной Азии, на Ближнем Востоке, в Африке. В некоторых случаях это столкновение приобретает военные формы, выливаясь в региональные конфликты с той или иной формой участия ведущих игроков, как в Сирии, Ливии, а теперь и на Украине.

Эффективные формы и методы участия в региональных конфликтах ведущие мировые игроки пока еще для себя не вполне определили. Непосредственное и масштабное участие в конфликте не всегда дает желаемый результат. Но опосредованные формы участия тоже не очень эффективны. Можно предположить, что в будущем для ведущих мировых игроков будет крайне важно иметь и использовать военные экспедиционные возможности для непосредственного и эффективного участия в конфликтах за пределами региона своего расположения. Это необходимо для защиты своих интересов и активов. Однако делать это надо таким образом, чтобы не перегружать себя военными обязательствами.

Несмотря на опасность того, что внутренние слабости будут использоваться конкурентами, ни один из ведущих игроков не может закрыться от остального мира и тем самым защитить себя от внешнего воздействия. Модели развития всех ведущих игроков, их экономическое благополучие зависят от внешнего мира. Конкретные проявления зависимости разные: кто-то зависит от внешних рынков, кто-то — от внешних технологий или капиталов, кто-то — от внешнего потребления своего долга. Постоянно можно наблюдать попытки снизить такую зависимость, некоторые из них дают результат. Но очевидно, что связанность всех ведущих игроков с внешним миром по большей части неустранима, а значит и их зависимость от него в той или иной степени неизбежна.

Поэтому ведущие игроки должны одновременно и активно вовлекаться в мировые дела, и пытаться защитить свои уязвимые стороны от внешнего воздействия. Это формирует дилемму: вовлеченность в мир или сконцентрированность на внутренних делах. У такой дилеммы может быть вариант: вкладывать ресурсы в военный потенциал или в экономическое развитие. Ни один из ведущих мировых игроков пока не нашел своего (а универсальное вряд ли возможно в принципе) удовлетворительного решения в рамках этой дилеммы. Но сравнительными преимуществами в отношении конкурентов будет обладать именно тот, чье решение обозначенной дилеммы будет наиболее эффективным.

* * *

США достаточно успешно манипулируют страхами многих малых и средних государств перед отрицательными аспектами многополярности, перед негативными проявлениями жесткой конкуренции. Продвигая концепцию «порядка, основанного на правилах», они апеллируют ко всем, кто боится реальной и самостоятельной жизни, кто не готов жить без американского патронажа. Такие настроения американцами целенаправленно формировались и поддерживались. И теперь это — последний рубеж обороны сторонников американской гегемонии.

Литература

Bauman Z. Europe. An Unfinished Adventure. 2004.

How the West fell out of love with economic growth // The Economist. 22.12.2022. —URL: [economist.com/finance-and-economics/2022/12/11/how-the-west-fell-out-of-love-with-economic-growth](https://www.economist.com/finance-and-economics/2022/12/11/how-the-west-fell-out-of-love-with-economic-growth) (date of access: 15.03.2023).

McDougall W. Promised Land, Crusader State: The American Encounter with the World Since 1776. 1997.

Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. 1990.

Nye J. The Paradox of American Power. Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. 2003.

DOI 10.32726/2411-3417-2023-1-27-45

УДК 327; 329

Вадим Трухачёв

Россия — Швеция: тупик отношений?

Аннотация. Страной-председателем ЕС на первые шесть месяцев 2023 г. стала Швеция, с которой у России имеются давние противоречия и которая уже в наше время сыграла огромную роль в событиях украинского «Евромайдана». Сегодня история отошла на второй план, а на первый вышли геополитика, разногласия по Украине, вмешательство во внутренние дела РФ и намерение шведов войти в НАТО. Внутри шведской политической элиты имеется разброс мнений по вопросам, связанным с Россией, Украиной и членством в НАТО. Наиболее антироссийски и атлантически настроенные «ястребы» не пользуются поддержкой большинства населения, однако нет и ни одной крупной политической силы, выступающей с позиций понимания российских действий. Потому перспективы российско-шведских отношений не выглядят радужными, хотя к первому ряду явных противников России Швецию все же отнести нельзя.

Ключевые слова: шведско-российские отношения, шведские политические партии, отношение к России, Восточное партнерство, НАТО, санкции, Специальная военная операция, Карл Бильдт.

Поток антироссийских новостей

С 1 января 2023 г. страной-председателем Евросоюза стала Швеция. Это событие, в ряду многих других, привлекло внимание к скандинавскому королевству, которое благодаря мощной экономике и дипломатии само по себе играет заметную роль в Европе и мире. Оно стало постоянным поставщиком новостей, так или иначе имеющих отношение к России.

Едва началась Специальная военная операция России на Украине, как пришли сообщения, что в рядах ВСУ и украинских добровольческих батальонов воюет до 400 шведских наемников [Шведские наемники...]. Кроме того, еще до 24 февраля 2022 г. Швеция отметилась в активном вооружении Украины, а за последние месяцы шведские поставки только возросли. И вряд ли это можно считать неожиданностью. Шведский военно-промышленный комплекс является одним из крупнейших в мире. Он производит самолеты Gripen, артиллерийские системы, боеприпасы, средства связи, обмундирование и др.

Сведения об авторе: ТРУХАЧЁВ Вадим Вадимович — доцент факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения РГГУ, кандидат исторических наук, vadimvts@mail.ru.

Еще одно событие — подача Швецией совместной с Финляндией заявки на вступление в НАТО. Поскольку речь идет о стране с крупным военным производством, это само по себе не может не вызывать озабоченность у России. Особое внимание привлекает милитаризация лежащего в центре Балтики шведского острова Готланд, расположенного относительно недалеко как от Петербурга, так и от Калининграда. Естественно, что Россия вынуждена принимать ответные меры [Трухачев].

Парламентские выборы в Швеции, прошедшие 11 сентября 2022 г., повлекли за собой смену шведской правящей коалиции. И поток отрицательных новостей после этого только усилился. Так, еще по воле главы прежнего социал-демократического правительства Магдалены Андерссон Швеция отказалась допустить Россию к расследованию подрывов «Северного потока — 2» [В Швеции описали...]. Сменивший ее правоцентристский кабинет во главе с Ульфом Кристерссоном пошел еще дальше. Власти решили вернуть призыв на военную службу, от которого Швеция ранее отказалась. Военные расходы государства увеличат до 2% ВВП — даже несмотря на то, что из-за позиции Турции путь в НАТО для шведов пока закрыт. Обоснование роста военного бюджета связывалось с украинской темой: «...Учитывая ситуацию с безопасностью, это срочная мера для укрепления общей обороноспособности» [В Швеции решили...].

Наконец, новый премьер-министр Кристерссон не просто дал понять, что при вступлении в НАТО Швеция не собирается выдвигать какие-то особые условия членства в альянсе, но и не исключил размещения на шведской территории американского ядерного оружия: «Несмотря на то, что другие страны Скандинавии считают это маловероятным, мы считаем, что размещать ядерное оружие на нашей территории в мирное время вполне возможно» [Швеция допустила...]. Тем самым действия шведского руководства в ближайшее время способны стать вызовом для России.

Карл Бильдт как «антироссийский мотор»

Нынешний отрицательный характер российско-шведских отношений во многом является следствием деятельности наиболее часто упоминаемого в России шведского политика современности. Речь идет о бывшем премьер-министре (1991–1994 гг.) и министре иностранных дел Швеции (2006–2014 гг.) Карле Бильдте.

К примеру, именно Бильдту приписывают идею появления паспортов «неграждан» для русских и русскоязычных жителей Латвии и Эстонии. В бытность его главой МИД в Швеции работал сайт северокавказских боевиков «Кавказ-центр». Королевство с его подачи чинило препятствия в строительстве газопровода «Северный поток — 1», трубы которого прокладывали в том числе и в шведских водах. Бильдт лично занимался поддержкой российской оппозиции в 2000–2010 гг., и (если верить утечкам WikiLeaks) пытался устраивать интриги в высшем руководстве России [Карл Бильдт...].

Но наиболее ярким фактом противостояния внешней политике России стало поведение шведского политика во время событий в Южной Осетии 2008 г. Так, еще за две

недели до начала боевых действий, 22 июля, Бильдт написал в своем «Живом журнале»: «Мы находимся перед угрозой открытого конфликта. Россия должна понять, что постепенная аннексия (Грузии) создаст угрозу войны... Важно, чтобы сигналы от Запада к Москве были однозначными... Я хотел бы сказать, что Европа на стороне Грузии». По окончании «пятидневной войны» тогдашний глава шведской дипломатии настаивал на введении против России санкций Евросоюза, которые, впрочем, тогда не приняли [Там же].

Бильдт считается главным автором программы ЕС Восточное партнерство, нацеленной на привязывание к Западу шести постсоветских стран: Белоруссии, Украины, Молдавии, Грузии, Армении и Азербайджана. Ее запустили весной 2009 г. — незадолго до начала предыдущего председательства Швеции в Евросоюзе. Именно в рамках данного проекта происходило подписание договоров об ассоциации Украины, Грузии и Молдавии с ЕС. И именно отказ В. Януковича подписать подобный документ стал спусковым крючком для начала событий «Евромайдана».

Сам К. Бильдт, выступая в Риксдаге 19 февраля 2014 г., обвинил Россию в попытке подрвать Восточное партнерство, цели которого он описал в характерном для европейского публичного нарратива духе: «Швеция... и весь ЕС окажутся в выигрыше, если в соседних странах будет стабильность, процветание и безопасность. Для такой открытой и зависимой от торговли страны, как Швеция, откроются новые возможности: торговать и инвестировать в те части континента, которые находятся всего в нескольких часах лета от Стокгольма» [Шведский МИД...]. К слову, первые санкции против России весной-летом 2014 г. ЕС ввел в то время, когда Бильдт стоял во главе шведской дипломатии.

Восточное партнерство как постоянный приоритет

В 2014 г. К. Бильдт, его Умеренная коалиционная партия и вся правоцентристская коалиция потеряли власть, перешедшую к социал-демократам. Однако внимание Швеции к Восточному партнерству не ослабло. И вряд ли могло ослабнуть, учитывая, что к моменту запуска проекта заместителем председателя Еврокомиссии была видная представительница шведских социал-демократов, преемница Бильдта на посту главы МИД Маргот Вальстрем [Celebrating...]. Таким образом, данную программу можно считать постоянным приоритетом шведской внешней политики вне зависимости от того, какая партия или коалиция находится у власти в Стокгольме.

Бывший лидер шведских социал-демократов, премьер-министр Швеции в 2014–2021 гг. Стефан Левен говорил о целях Восточного партнерства в том же ключе евросоюзской риторики: «Для правительства важно, чтобы странам, осуществляющим реформы, можно было предложить больше сотрудничества... Реформы должны принести ощутимые результаты для населения. Особенно важно охватить молодое поколение. Сотрудничество в рамках Восточного партнерства включает в себя укрепление уважения прав человека, содействие демократическому развитию, повышение гендерного

равенства и содействие сильному гражданскому обществу и независимым средствам массовой информации» [Femte toppmötet...].

По состоянию на начало 2022 г., из шведского бюджета на «партнерство» с бывшими советскими республиками выделили около 4,2 млрд крон (порядка 700 млн евро). В МИД оценивали программу следующим образом: «Восточное партнерство... играет центральную роль в углублении отношений ЕС с шестью странами Восточной Европы и Южного Кавказа... Цель состоит в первую очередь в укреплении политической ассоциации и экономической интеграции стран-партнеров с ЕС. Это будет сделано, в частности, посредством широких соглашений об ассоциации, которые включают расширение зон свободной торговли, сотрудничество в различных областях и достижение целей безвизового режима» [Östliga partnerskapet].

Шведские дипломаты признавали, что Восточное партнерство в значительной степени выступало как противовес евразийской интеграции, продвигаемой Россией. И попытки евразийской интеграции та же Швеция восприняла в штыки. «Когда программа Восточное партнерство ЕС была запущена, то Евросоюз уже вел переговоры с Россией о новом соглашении... Потом ситуация изменилась, Россия запустила Евроазиатский экономический союз, выстроила альтернативную модель экономического сотрудничества... И в результате то, к чему стремились изначально, стало намного сложнее только из-за этого» [Восточное партнерство...].

Свидетельством активного участия Швеции в продвижении Восточного партнерства и событиях на Украине в 2013–2015 гг., которое в России расценили как враждебное, стало включение восьми шведских подданных в «черный список» из 89 европейских политиков, которым запретили въезд в РФ. Среди них значились: супруга К. Бильдта, евродепутат Анна-Мария Корацца-Бильдт, евродепутат Гуннар Хекмарк, бывшая глава делегации Швеции в ПАСЕ Мариэтта де Пурбэ Лундин, бывшая министр культуры Лена Адельсон-Лильерут. Кроме них в перечне оказались начальник военной разведки Гуннар Карлссон, военный атташе Швеции при НАТО Одд Верин, представитель службы исполнения наказаний Эва Лидстрем-Адлер и лидер неонацистской организации Шведское движение сопротивления Магнус Седерман [Russische „Visasperrliste“...].

Исторический «реванш за Полтаву»

То, что Швеция оказалась в рядах открытых недоброжелателей России, вряд ли можно считать сенсацией. Исторически у двух государств очень сложные отношения. Достаточно вспомнить о том, что они воевали друг с другом 16 раз. Первым событием подобного рода можно считать столкновения шведов с новгородцами в XII в. Именно благодаря победе над скандинавами в 1240 г. князь Александр Невский получил свое прозвище. Первый пограничный договор между Швецией и Новгородской республикой подписали еще в 1323 г., но шведская экспансия на восток не прекратилась.

Ливонская война (в которой Швеция сражалась против Русского государства в 1570–1583 гг.) и русско-шведская война 1610–1617 гг. знаменовали собой наибольшее продвижение шведов вглубь русской территории. В XVII в. Швеция превратилась в империю, конец которой, по сути, положили Северная война 1700–1721 гг. и победа в ней России с ее союзниками. Случившиеся позднее еще три русско-шведские войны (последняя — в 1808–1809 гг.), закончившиеся для скандинавов неудачей, поставили точку в их великодержавных планах.

Дальнейшие взаимодействия двух стран тоже не всегда были гладкими. Отношение к России в шведской элите оставалось прохладным. Достаточно вспомнить о том, что перед Первой мировой войной Швеция рассматривалась русскими военными как вероятный противник. СССР выражал недовольство отходом шведов от нейтралитета в годы Второй мировой войны, предоставлением убежища прибалтийским коллаборационистам. В период холодной войны, несмотря на то, что Швеция не вошла в НАТО, отношения с ней омрачались шпионскими скандалами и обвинениями во вторжении подводных лодок в воды друг друга [Куликов; Крысин; Рупасов].

Имея в виду сложную историю двусторонних отношений, вполне можно объяснить нынешнее поведение Швеции «реваншем за Полтаву». Юго-восточное направление всегда было одним из главных в шведской внешней политике, и ее интересы веками сталкивались с Россией. Так что и деятельность Карла Бильдта (среди предков которого был премьер-министр Швеции в 1888–1889 гг. Гиллис Бильдт), и в целом активное шведское участие в Восточном партнерстве во многом продолжают многовековую линию северного королевства по утверждению своего влияния на востоке.

Вмешательство в дела России и ее отрицательный образ

Однако следует отметить, что спекуляциями на исторические темы шведские политики особо не занимаются. В центре их публичного нарратива — права человека, свободы и все то, что принято называть современными «европейскими ценностями». МИД Швеции регулярно публикует доклады о положении дел в этой сфере в разных странах мира. В конце 2020 г. очередь дошла и до России. Показательно, что большая часть недовольства российской политикой касалась именно внутренних процессов в РФ, а не ее поведения на международной арене. Резких выражений по поводу внутренней политики России шведские дипломаты не стеснялись: «Россию нельзя считать правовым государством... Ситуация с соблюдением прав человека в России продолжает ухудшаться после волны протестов против фальсификации выборов и коррупции в 2011–2012 гг. Число репрессивных мер значительно возросло, основными инструментами стали законодательство, пропаганда и политизированная правовая система. Число людей, которые, как считается, были осуждены по политическим мотивам, растет» [Mänskliga...].

Из документа становится ясным, какие именно истории из внутрироссийской жизни интересуют скандинавов. Они уделили внимание судьбе деятелей российской прозападной оппозиции. Их очень волновали законы, ограничивающие деятельность ино-

странных НКО или вводящие ответственность за распространение ложных новостей. В качестве примеров отсутствия религиозных свобод приводились аресты адептов секты «Свидетелей Иеговы» и исламистов из «Хизб-ут-Тахрир». России доставалось за неполную отмену смертной казни, за ограничения ЛГБТ-пропаганды, за недостаток внимания к теме насилия над женщинами и детьми [Ibidem].

В документе Россия представлена в крайне неприглядном образе. Шведские власти не скрывают своего намерения бороться за то, чтобы РФ встала на «европейский путь», и готовности вмешиваться в ее внутренние дела: «Правительство Швеции приняло стратегию поддержки демократии в 2020 г., защиты прав человека и окружающей среды в России на период 2020–2024 гг. В общей сложности в течение периода реализации стратегии будет выделено около 389 миллионов шведских крон (примерно 60 млн евро. — *Авт.*)... Швеция должна отстаивать демократические принципы, работать над укреплением демократии в России» [Ibidem].

Россия отвечает Швеции

Вполне естественно, что такая деятельность Швеции расценивается в России как грубейшее вмешательство в ее внутренние дела и вызывает противодействие. Например, зимой 2021 г. из страны выслали шведского дипломата, который принял участие в несогласованной оппозиционной акции в Петербурге. В МИД России заявили по этому поводу следующее: «Такие действия с их стороны являются неприемлемыми и не соответствуют их дипломатическому статусу. Участвовавшие в незаконных акциях дипломаты в соответствии с Венской конвенцией о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 года объявлены «*persona non grata*». Им предписано в ближайшее время покинуть территорию Российской Федерации» [Заявление МИД России...].

Вмешательство Швеции во внутренние дела России стало основной темой телефонного разговора пранкеров Вована и Лексуса (представившихся женой и руководителем штаба Алексея Навального) с (теперь уже бывшей) главой шведского МИД Анн Линде. Министр не скрывала, что Швеция собирается усилить поддержку российской оппозиции. Это вызвало жесткую реакцию внешнеполитического ведомства России и посольства РФ в Стокгольме. «Даже с учетом того, что это был розыгрыш, содержание беседы, к сожалению, в очередной раз убеждает нас в том, что Стокгольм не настроен отступать от избранного конфронтационного курса по отношению к нашей стране и не стремится искать пути оздоровления двустороннего взаимодействия с Россией», — говорится в заявлении МИД РФ [Швеция не собирается...].

Естественным продолжением российских ответов на деятельность шведских правительственных и неправительственных структур стало признание летом 2022 г. нежелательными на территории РФ Шведского агентства международного развития и Шведского института — на том основании, что данные организации «фокусируются на стремлении дестабилизировать российское общество» [МИД запретил...]. Это означает, что едва ли не основным камнем преткновения в российско-шведских отноше-

ях являются даже не разногласия по самому широкому кругу международной повестки дня, а именно вмешательство шведских структур во внутренние дела России.

Между тем глава МИД РФ С. Лавров обратил внимание на то, что несовместимость российских и шведских представлений о жизни проявляется даже на бытовом уровне, и привел достаточно своеобразные детали одного из своих визитов в северное королевство: «Извините меня за подробности. Я спросил, где туалетная комната в перерыве, мне показали дверь с буквами WC. Я спросил: «Это для дам или джентльменов?» Мне сказали: «У нас все общее». Я не поверил! Но это на самом деле было так. Вы не представляете, насколько это не по-людски. Просто не по-людски» [Лавров рассказал...].

Получается, что основа не самого лучшего состояния российско-шведских отношений на современном этапе — не столько непростая их история за долгие века. Куда большее значение имеет несовместимость современных ключевых представлений о политике страны — российский суверенитет против шведского «распространения демократии и ценностей». Шведские власти считают Россию «неправильно устроенным государством», на что в нашей Москве предсказуемо отвечают весьма остро. И даже на бытовом уровне представления о том, как все должно быть устроено, отличаются. Выходит, что России и Швеции вообще трудно найти хоть какие-то точки соприкосновения. И почва для договоренностей почти отсутствует.

Глубоко антироссийские правящие либерал-консерваторы

По итогам выборов в Риксдаг 11 сентября 2022 г. к власти пришло новое правоцентристское правительство Ульфа Кристерссона. Его ядром стала либерально-консервативная Умеренная коалиционная партия (УКП), набравшая чуть более 19% голосов и получившая 68 (из 349) депутатских мест. Именно ее одно время возглавлял вышеупомянутый Карл Бильдт. Эта партия давно была сторонницей членства в НАТО и сближения с США. В ее основополагающей программе 2012 г. прямо говорилось о том, что Швеция должна быть «частью Евросоюза и НАТО, образцом для подражания в политике, окружающей среде, экономике и культуре» [Moderaternas idéprogram]. Естественно, что и в 2022 г. партия высказалась за скорейшее вступление в Североатлантический альянс.

К России УКП относится крайне отрицательно. Так, в 2014 г. бывший премьер Швеции, экс-лидер партии Фредрик Рейнфельдт был недоволен антироссийскими санкциями, введенными Евросоюзом, считая их недостаточными. «Нужно усилить санкции против России — требовал он, — поскольку это единственный для нас способ показать, что нам в Европе нужна такая Россия, которая не вмешивается в дела соседних стран» [Швеция и Финляндия...]. Примечательно, что из восьми шведских подданных, которым РФ запретила въезд на свою территорию в 2015 г., все попавшие в список депутаты и бывшие министры (четыре человека) представляли именно данную политическую организацию¹.

1 Russische „Visasperrliste“ vom RAM.

Нынешний руководитель партии и действующий глава правительства Швеции Кристерссон тоже крайне резко отзывался о России. Так, еще в январе 2021 г. он настаивал на следующем: «Санкционный список ЕС должен быть расширен, а продажа российским олигархам гражданства государств-членов — немедленно прекращена ... Германии необходимо также осознать пагубность «Северного потока-2» и остановить его строительство... ЕС должен поддержать демократические силы в российском обществе» [Ulf Kristersson värd för manifestation...]. Позже он развил свою позицию: «Современная Россия не оправдала ни одной из тех надежд, которые у нас были, ни в вопросе верховенства права, ни как рыночная экономика, ни как миролюбивая страна... Режимы, которые угнетают свой собственный народ, также угрожают своим соседям. Мы видели это снова и снова: Грузия, аннексия Крыма» [Ulf Kristerssons tal på Folk...].

После 24 февраля 2022 г. УКП выпустила заявление, в котором призвала существенно увеличить поставки оружия Украине, срочно вступить в НАТО, увеличить военные расходы Швеции и по возможности разорвать все связи с Россией — прежде всего в области энергетики. «То, что мы сейчас решаем предпринять, чтобы помочь Украине, имеет значение. Мы хотим вырвать энергетическое оружие из рук России и вышвырнуть российских агентов из ЕС. Швеции необходимо укрепить свой оборонный бюджет и открыть дверь в НАТО... Все страны ЕС должны выслать сотрудников российской разведки, которые проживают в наших странах в качестве "дипломатов"» [Vrid energiväpnet...]. Ни о каком сохранении даже остаточного диалога с Россией правящая ныне в Швеции партия даже не упоминает.

Столь же антироссийские либералы и консерваторы

Подходы входящей в правительство либеральной партии («Либералы»), набравшей на последних выборах 4,6% голосов и располагающей 16 депутатскими креслами, тоже отличаются евроатлантизмом и неприкрытой неприязнью к России. В основополагающей внешнеполитической программе либералов прямо говорится: «Возвысьте свой голос против Путина. Мы давно предупреждали о действиях Путина против мирных жителей и соседей России. Швеция была слишком снисходительна к России, которая постоянно нарушает территориальные границы и преследует представителей ЛГБТК, а также нарушает свободу выражения мнений. Вот почему мы выступаем за членство Швеции в НАТО с 90-х годов, вкладываем значительные средства в укрепление шведской обороны и демонстрируем солидарность с такими странами, как Украина» [Utrikespolitik // Liberalerna].

Предвыборный манифест либералов тоже выдержан в глубоко антироссийском духе — без малейшего намека на диалог: «Либералы выступали за вооружение для защиты от путинской угрозы еще более 10 и даже более 20 лет назад... Мы были первой парламентской партией, которая сказала «да» членству Швеции в НАТО... Мы выступаем за то, чтобы защита демократии — даже далеко за пределами границ Европы — всегда составляла основу внешней политики Швеции и ЕС... Мы хотим видеть ассигнования на оборону в размере 2% ВВП к 2025 г. и, таким образом, создать до-

статочные предпосылки для укрепления армии... Швеция должна стремиться к максимально широким глобальным коалициям против России... Украине должна быть оказана усиленная экономическая, политическая и военная поддержка [Maktskifte för ett nytt Sverige].

Еще одной партией правящей коалиции являются консервативные «Христианские демократы», заручившиеся поддержкой 5,3% избирателей и имеющие 19 мест в Риксдаге. В отличие от УКП и либералов, они отрицательно относятся к однополым бракам, и потому России меньше достается по «правозащитной» части. Но это не мешало партии в программе 2019 г. резко выступать как против РФ, так и за проатлантический поворот. «ЕС должен стремиться быть надежным противовесом агрессивной России и экспансивному Китаю... Предложения об общей европейской армии или о создании вооруженных сил ЕС, параллельных НАТО, необходимо отвергать... Мы отстаиваем членство Швеции в НАТО». Кроме присоединения Крыма и действий в Донбассе, шведские консерваторы также обвиняли Россию в подрывных действиях по отношению к Молдавии и Сербии [Europapolitiskt program (2019)].

На начало российской СВО шведские консерваторы отреагировали предельно жестко: «Недемократическое развитие России и ее военная экспансия в XXI в. представляют угрозу не только для Швеции, но и для других соседних стран. В 2008 г. Россия напала на Грузию и до сих пор оккупирует часть ее территории. В 2014 г. она вторглась в Украину, аннексировала Крымский полуостров и развязала кровопролитную войну в восточных районах страны. Полномасштабное вторжение, начатое 24 февраля 2022 г., осуждается всем миром» [Utrikespolitik & bistånd].

Лидер партии Эбба Буш Тур призвала к максимальной военной помощи Украине: «Наш долг — оказать помощь оружием, транспортными средствами и другими материальными средствами, которые могут иметь основополагающее значение для способности Украины защищать себя. Тот факт, что Россия таким образом продвигает свои позиции, является угрозой всему европейскому порядку безопасности. Это угроза безопасности Европы и Швеции» [Stöd Ukraina...]. И снова — нет даже намек на диалог с Россией ни по одному вопросу.

Несколько разные «зеленые»

В Швеции существуют две парламентские партии, считающие экологическую повестку основой своей идеологии. Обе они сегодня находятся в оппозиции, а в 2018–2022 гг. выступали в качестве сил, поддерживавших правительство социал-демократов. Одна из них — более правая Партия центра, получившая на выборах 2022 г. 6,7% голосов и имеющая 23 депутата в Риксдаге. Ранее она не раз входила в коалицию с либеральными и консервативными партиями. Свою идеологию партия считает «зеленым либерализмом». Вторая партия — собственно «Партия зеленых», отличающаяся более социальной программой. Она набрала 5,1% голосов и имеет 18 мандатов.

Центристская партия с 2015 г. настаивала на членстве Швеции в НАТО и на повышении расходов на оборону до целевого показателя НАТО в 2% ВВП. Причем необходимость данного шага объяснялась именно российской угрозой. «В мире растет угнетение, авторитарных лидеров становится все больше, а число полноценных демократий уменьшается... Война России на Украине и угрозы другим странам, включая Швецию, ослабили нашу безопасность. Не Путин должен определять нашу или чужую внешнюю политику и политику безопасности, нам и всем другим странам должно быть позволено делать это самим» [Utrikespolitik // Centerpartiet]. Среди прочего, центристы выступали против подписания Швецией Конвенции ООН о запрещении ядерного оружия — по той причине, что им обладает Россия. «Мы хотим видеть безъядерный мир, но это станет возможным только тогда, когда страны, обладающие ядерным оружием, включая Россию и КНДР, избавятся от всего своего ядерного оружия. И от знания о том, как производить ядерное оружие» [Nedrustning...].

«Зеленые либералы», единственные из всех шведских политических сил, не только обвиняли Россию в нарушении прав человека и выступили за военные поставки Украине, но и объявили, что подозревают Россию в подготовке использования ядерного оружия: «Центристская партия поддержала все решения об отправке оружия, денег и гуманитарной помощи на Украину... Ничто не указывает на то, что война закончится... Атаки, которые Россия неоднократно предпринимала против атомных электростанций в Украине, чрезвычайно серьезны. Речь может идти о ядерном оружии, которое продемонстрировал Путин. Это может быть способом нанести удар по энергоснабжению Украины на предстоящую зиму» [KerstinLundgrens...].

Как и «зеленые либералы», собственно «зеленые» еще с 2014 г. были сторонниками антироссийских санкций [Sanktionerna...]. Однако они выступали против вхождения Швеции в НАТО: «В отсутствие реальных аргументов сторонники НАТО изобретают все более причудливые причины, по которым мы должны срочно присоединиться к возглавляемому США ядерному альянсу. Аргумент о том, что существует скрытая военная угроза нашей стране, при ближайшем рассмотрении оказывается миражом. На самом деле, невозможно назвать ни одного известного эксперта по политике безопасности, который предупреждал бы об изолированном нападении России на Швецию» [Debatt...].

В то же время «зеленые», традиционно много занимающиеся правозащитной повесткой, больше других партий обращали внимание на ограничение деятельности иностранных НКО в РФ и обвиняли российское руководство в стремлении восстановить СССР, утверждая, что «российское гражданское общество рискует быть полностью задушенным» [Peter Eriksson...].

После 24 февраля 2022 г. «зеленые» выступили в общем хоре осуждения действий России. Однако в качестве главной меры реагирования на происходящее они видели не накачивание Украины оружием (хотя против него они не выступили), а отказ от российских энергоносителей по всей Европе: «Правительство Швеции должно, в кон-

тексте борьбы с вторжением в Украину, как можно скорее добиться запрета на импорт российских энергоносителей на уровне ЕС» [Stoppa...]. Параллельно сопредседатель партии Пер Булунд без восторга высказался о вхождении в НАТО, дистанцируясь от этого решения, но не протестуя против него: «Мы утверждаем, что есть альтернативы, отличные от НАТО... В то же время мы с уважением относимся к демократически принятым решениям. И если даже после выборов подавляющее большинство проголосует за членство Швеции в НАТО, мы примем такой исход ... и станем работать в рамках НАТО во имя мира, ядерного разоружения и демократии» [Per Bolund om NATO].

Не столь резкие социал-демократы

Подход к России социал-демократов, победивших на выборах 2022 г. с 30,4% голосов (и получивших 107 мест в Риксдаге), но вынужденных уйти в оппозицию после восьми лет правления, отличается от позиции правоцентристов и «зеленых». Хотя в период нахождения у власти социал-демократов Швеция продолжала придерживаться общеевропейской линии поддержки санкций, при них российско-шведские отношения сохранялись на относительно приемлемом уровне. Так, в Россию приезжали главы МИД Швеции Маргот Вальстрем и Анн Линде [Москва и Стокгольм...]. В 2019 г. с визитом в России побывал премьер-министр Стефан Левен. Основной темой переговоров каждый раз выступало сотрудничество в Арктическом регионе [Встреча...].

То, что диалог со шведскими «левыми» все-таки поддерживался, во многом являлось следствием того, что они до 2022 г. выступали против членства Швеции в Североатлантическом альянсе — хотя и тесно сотрудничали с ним. Бывший премьер Стефан Левен говорил по этому поводу: «Швеция и дальше будет продолжать оставаться вне НАТО. Однако речь может идти о более тесном сотрудничестве с военным блоком» [Премьер Швеции...].

Тем не менее образ врага из России он не лепил. Утверждая, что «действия России в Крыму и на востоке Украины подрывают стабильность в Европе», С. Левен подчеркивал: «Поэтому важно разговаривать и пытаться устранить напряженность. Россия не является прямой угрозой для безопасности Швеции... Нам вместе — России, НАТО и ЕС — нужно стремиться снизить напряженность. Это лучше для всех... ни Швеция, ни Финляндия никаким образом не угрожают России» [В Швеции заявили о желании...].

Со своей стороны, экс-глава МИД Швеции А. Линде в большей степени предъявляла претензии России, причем зачастую они касались российской внутренней политики. Так, она критиковала принятие в России закона об иностранных агентах как «отход от демократии»; выражала неудовольствие по поводу недопуска представителей ОБСЕ на выборы в Госдуму в 2021 г. («Как добрые соседи, мы должны признавать, что есть области, где мы расходимся во мнениях...») [Шведская шпилька].

После начала СВО тон шведских социал-демократов изменился. Премьер-министр Швеции в 2021–2022 гг. Магдалена Андерссон ссылалась на действия России, объ-

ясняя, почему ее партия пересмотрела отношение к Североатлантическому альянсу и членству в НАТО: «Европа, Швеция и шведский народ живут в новой и опасной реальности. В этой реальности Швеция нуждается в официальных гарантиях безопасности, которые дает членство в НАТО... Это решение мы приняли нелегко, после очень тщательного рассмотрения. Мы отходим от политики нейтралитета, которой Швеция придерживалась более 200 лет» [Socialdemokraterna...].

В то же время социал-демократы рассчитывают, что Швеция в рамках НАТО продолжит свою особую линию. «Членство Швеции в НАТО не уменьшит возможности проводить нашу линию, например, в вопросе разоружения, в нашей прогрессивной феминистской внешней политике, в сфере дипломатического посредничества, например, на Ближнем Востоке. Швеция будет продолжать работать в пользу мира без ядерного оружия, и, конечно, социал-демократия будет оставаться силой разоружения и международного диалога» [Vår politik // Socialdemokraterna]. Тем самым относительно умеренная линия социал-демократов сохранилась и в новых условиях конфронтации. Однако восприятие ими России существенно изменилось — разве что их риторика не столь резка, как у других шведских политических сил.

Левые евроскептики — против России, ЕС и НАТО

Левые и правые евроскептики традиционно считаются наиболее лояльными к России политическими силами в Европе. Но это вряд ли можно отнести к Левой партии Швеции, набравшей на выборах 6,7% и имеющей ныне 24 депутата в Риксдаге. Так, еще в 2012 г. она поддержала ту часть левых активистов России, которые участвовали в антиправительственных митингах, и резко осудила «Болотное дело» [Motstånd...]. А спустя два года поддержала введение антироссийских санкций после присоединения Крыма к России. «Линия Левой партии всегда заключалась в том, что нарушения международного права должны иметь последствия. Это то, что мы говорили, когда США вошли в Ирак. Мы говорили об этом, когда Израиль атаковал гражданские объекты в секторе Газа, и само собой разумеется, что сейчас мы говорим то же самое, когда Россия нарушает международное право в Крыму. Действия России тоже должны иметь последствия» [Hans Linde...].

Лидер партии Нуши Дадгостар (политик иранского происхождения) еще до начала СВО требовала от Швеции и Евросоюза отказаться от газопровода «Северный поток — 2», мотивируя это следующим образом: «Как мы можем защитить наши интересы, если Россия обладает таким гигантским оружием?» [Dadgostar...]. Начало специальной военной операции партия резко осудила и призвала к ужесточению санкций — особенно в газовом вопросе: «Сегодня мы все выступаем за независимость Украины... Такого рода агрессия великих держав является вопиющим нарушением принципов мира, разрядки и международного сотрудничества... Поэтому Левая партия приветствует дальнейшие санкции против России... Зависимость Европы от российского ископаемого газа для энергоснабжения уже подорвала нашу способность действовать решительно против России, и чем скорее от этого можно будет отказаться, тем лучше» [Det ryska...].

Несмотря на это, оппоненты порой обвиняют партию в пророссийском подходе. Виной тому — подчеркнутый пацифизм и крайне отрицательное отношение к ЕС и НАТО. В основополагающей программе партии сказано следующее: «Доминирование США не принесло мира и расслабления. Напротив, наше время характеризуется все более агрессивной империалистической экспансией. Поэтому Левая партия работает вместе с единомышленниками в Европе в направлении роспуска НАТО... Мы ратуем за то, чтобы Швеция вышла из ЕС» [Vårt partiprogram // Vänsterpartiet]. И даже 2022 г. в этом плане ничего не изменил: «Швеция должна быть голосом за мир и справедливость, а не за усиление милитаризации. Швеция должна помогать бедным, укреплять ООН и подписать конвенцию о ядерном оружии... Швеция должна отозвать заявку на членство в НАТО» [Vänsterpartiets valplattform 2022].

Кроме того, еще в 2014 г. шведские левые критиковали свое правительство за то, что оно не осудило появление в правительстве Украины неонацистов из «Свободы» (*организация, запрещенная в РФ*): «Украинское правительство пестрое, но в нем четыре министра, которые принадлежат к фашистской партии «Свобода». Тот факт, что у нас сейчас есть крайне правая партия в правительстве европейской страны, неприемлем. То, что Карл Бильдт решил назвать министров «Свободы» убежденными демократами, глубоко провокационно» [Hans Linde...]. Тем самым левые, в отличие от других партий, наряду с критикой России позволили себе хоть в чем-то нелестно отозваться об Украине, что тоже явно выделяет их на общем фоне.

«Шведские демократы»: притянутые обвинения в симпатиях к России

Главной сенсацией выборов 2022 г. стала евроскептическая правая партия «Шведские демократы». Она заняла второе место, получив рекордные для себя 20,5% и 73 места в парламенте. Ее лидер Джимми Окессон даже претендовал на пост премьер-министра, но в итоге партия в правительство не вошла, ограничившись его поддержкой. «Демократы» смогли подняться благодаря проблемам с иммигрантами из стран Ближнего Востока и Африки и на критике мультикультурализма, что годами оставалось для них главными темами. Оппоненты считают их националистами, хотя в их парламентской фракции есть люди с финскими фамилиями и даже выходец из России Денис Дюкарев [Partistyrrelse].

Противники годами пытались навесить на «демократов» ярлык «агентов Кремля». Чаще других в этом обвиняли бывшего депутата Риксдага Кента Экерота, у которого был русский помощник и который появлялся в эфире RT с комментариями о несостоятельности шведской миграционной политики. Но никакие пророссийские заявления из его уст не звучали [Путин использует...]. Обвиняли в пророссийской позиции и евродепутатов Кристину Винберг и Петера Лундгрена. Но они разве что голосовали против ассоциации Украины с ЕС [Шведские демократы...]. Едва ли можно считать «пророссийским голосованием» и факт того, что евродепутаты от партии просто воздержались по вопросу о выделении Украине более миллиарда евро 15 февраля 2022 г. [«Шведских демократов»...]

Другое дело, что «Шведские демократы» скептически относятся как к ЕС (откуда они, в отличие от Левой партии, выходить не собираются), так и к НАТО, куда они традиционно отнюдь не стремились. «Мы считаем себя — в порядке убывания — частью скандинавского, европейского, западного и мирового сообществ... Сотрудничество между государствами обычно не подразумевает какого-либо нарушения столь важных для нас принципов суверенитета... Мы очень скептически относимся к сотрудничеству, которое осуществляется в наднациональных формах... Внешняя политика Швеции должна быть независима и в первую очередь направлена на защиту шведских интересов» [Sverigedemokraterna sprincipprogram 2019].

Правда, весной 2022 г. Окессон призвал пересмотреть отрицательное отношение к членству в НАТО в связи с желанием Финляндии вступить в Североатлантический альянс. «Если Финляндия будет двигаться в сторону НАТО..., тогда вопрос действительно встанет на повестку дня, отметил он. — Тогда мы должны будем, на мой взгляд, также начать этот процесс, и как можно скорее... И моей целью станет обращение к руководству партии с просьбой изменить наше мнение по поводу членства Швеции в НАТО» [В Швеции заявили о готовности...].

Если же говорить об отношении к России, то «Шведские демократы» в Европарламенте голосовали за наращивание научного и технического сотрудничества ЕС и Украины, а также критиковали принятие российских законов, ограничивающих деятельность иностранных НКО. Да и в целом называли Россию «угрозой для Швеции» [SD medger...]. После начала СВО «Шведские демократы» однозначно осудили ее и призвали «добиваться четких санкций против Турции, Белоруссии и России и других стран, нарушающих международные правила игры». Именно в этом контексте они призвали увеличить численность армии и военные расходы и даже «восстановить тотальную оборону и подготовку к войне, воссоздать ополчение» [Sverigedemokraternas Valplattform 2022]. Это совсем не вяжется с образом «пророссийской» партии, который пытаются создать их противники.

Особо стоит отметить, что еще в 2015 г. «Шведские демократы» провели чистку своих рядов от «пророссийских элементов». Так, партию покинул глава ее молодежного крыла Густав Кассельстранн, которому не простили следующие слова: «В Швеции я бы скорее хотел видеть Владимира Путина, чем Барака Обаму» [Путин использует...]. В итоге он вместе с двумя бывшими депутатами Риксдага от «демократов» основали партию «Альтернатива для Швеции», представители которой в 2018 г. посещали Россию [SD-avhoppare...]. Но в программе и этой партии, пока не имеющей поддержки избирателей даже на уровне 1%, нет ни слова о России. Есть лишь желание выйти из ЕС и ограничить иммиграцию [Vår politik // Alternativ för...]. Разве что отсутствие слов о поддержке Украины можно с натяжкой воспринимать как «пророссийскость».

* * *

Отношение Швеции к России было не самым лучшим еще до событий 2022 г. и даже 2014 г. Это отчасти можно объяснить сложной историей, имперским прошлым шведов,

их многовековым вниманием к особо чувствительным для России землям. Во многом следствием политики давних времен можно считать деятельное участие скандинавов в программе ЕС «Восточное партнерство», нацеленной на притягивание к Евросоюзу бывших советских республик. Сегодня двусторонние отношения дополнительно осложнились активным участием Швеции в вооружении Украины, а также ее стремлением (вместе с Финляндией) пополнить ряды НАТО, что создает прямую угрозу северо-западным рубежам России.

В то же время Швеция, в отличие от Польши и ряда других бывших социалистических стран, почти не занимается спекуляциями на исторические темы. Ни одна из парламентских партий не отводит им значимое место в своих программах. Зато при любом правительстве, вне зависимости от его партийной принадлежности, шведы проявляют повышенный интерес к политическим событиям внутри России, оказывая прямую поддержку российской либеральной оппозиции. Данное обстоятельство существенно омрачает отношения Стокгольма и Москвы. Вытекает это из принципиально различных установок российской и шведской политики: суверенитет и невмешательство во внутренние дела — против попыток распространения «европейских ценностей» невзирая на границы.

Неприятным для России обстоятельством является и то, что в Швеции нет ни одной крупной политической силы, которую можно было бы назвать пророссийской или хотя бы более или менее лояльной к РФ. Впрочем, степень неприязни к России у шведских политических партий разная. Откровенными русофобами можно считать две из трех партий нынешней правящей коалиции — Умеренную коалиционную партию премьера Кристерссона и Либеральную партию. Не случайно отношения России с правоцентристскими правительствами до сих пор складывались хуже, чем с левоцентристскими. Сюда же можно отнести и ныне оппозиционную Партию центра. Они отличаются грубыми нападениями на Россию по всем направлениям. В сумме эти партии имеют около 30,5% поддержки избирателей.

Несколько менее жесткими выглядят позиции «Христианских демократов» и «Зеленых», которые хотя бы более умеренны в правозащитной и «атлантической» составляющих своей политической линии. За них на последних общенациональных выборах суммарно проголосовали 10,5% шведов.

На фоне пяти означенных политических сил более умеренными кажутся социал-демократы, Левая партия и «Шведские демократы». При всей их критике в адрес России, они или не высказываются против диалога с Москвой, или же критически относятся к деятельности Евросоюза и НАТО, или в меньшей степени склонны поддерживать Украину. Эти силы в сумме имеют поддержку более половины избирателей (примерно 57,5%). Тем не менее за последний год и они стали выступать с более антироссийских позиций.

Учитывая, что радикально антироссийские силы не набирают на выборах большинства голосов, а историческими спекуляциями шведские политики занимаются мало,

Швецию все же нельзя поставить в один ряд с наиболее оголтелыми противниками России вроде Британии, Польши или стран Прибалтики. Однако особых перспектив улучшения российско-шведских отношений не просматривается даже в том случае, если к власти придут менее антироссийские силы, нежели нынешнее правительство У. Кристерссона. Разногласия между двумя государствами слишком велики и принципиальны.

Литература

- В Швеции заявили о готовности начать поддержку вступления страны в НАТО // РИА «Новости». 09.04.2022. — URL: ria.ru/20220409/nato-1782666617.html?ysclid=lcpzly5qy8497278672 (дата обращения: 01.02.2023).
- В Швеции заявили о желании нормализовать сотрудничество с Россией // ТАСС.04.05.2019. URL: tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6400428?ysclid=lcri4bz22k539256026 (дата обращения: 01.02.2023).
- В Швеции описали вероятный способ подрыва «Северных потоков» // Взгляд.ру. 02.11.2022. — URL: vz.ru/news/2022/12/2/1189246.html (дата обращения: 01.02.2023).
- В Швеции решили возобновить гражданскую службу по призыву // Lenta.ru, 09.01.2023. — URL: lenta.ru/news/2023/01/09/shvezia/ (дата обращения: 01.02.2023).
- Восточное партнерство ЕС ради стабильных соседей // ИноСМИ, 01.12.2015. — URL: inosmi.ru/20151201/234642149.html (дата обращения: 01.02.2023).
- Встреча с Премьер-министром Швеции Стефаном Левеном // Официальный сайт Президента России. 09.04.2019. — URL: kremlin.ru/events/president/news/60254 (дата обращения: 01.02.2023).
- Заявление МИД России. 05.02.2021. — URL: archive.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4553276 (дата обращения: 01.02.2023).
- Карл Бильдт: юбилейный портрет антироссийского шведского «ястреба» // EADaily.com. 12.07.2019. — URL: eadaaily.com/ru/news/2019/07/12/karl-bildt-yubileynyy-portret-antirossiyskogo-shvedskogo-yastreba (дата обращения: 01.02.2023).
- Крысин М.Ю.* «Комитет» и «правительство» эстонских коллаборационистов и шпионов в 1944 — 1949 гг. // Военно-исторический журнал. 2020. № 4. С. 45–54.
- Куликов С.В.* «Главные усилия наши должны быть обращены на обеспечение сухопутной обороны, а не... на флот». Шведские игры русского военного флота в 1907 — 1914 гг. // Военно-исторический журнал. 2022, № 9. С. 16–23.
- Лавров рассказал, от чего ему стало противно во время визита в Швецию // СпортКП. 07.12.2022. — URL: sportkp.ru/drugoe/nid324025_au361auauau_cr361crcrcr_lavrov-rasskazal-ot-chego-emu-stalo-protivno-vo-vremya-vizita-v-shveciyu (дата обращения: 01.02.2023).
- МИД запретил двум шведским госорганизациям работать в России // МИД РФ. 28.06.2022. — URL: mid.ru/ru/press_service/spokesman/official_statement/1819696 (дата обращения: 01.02.2023).
- Москва и Стокгольм — к потеплению отношений // Международная жизнь. 22.02.2017. — URL: interaffairs.ru/news/show/16965?ysclid=lcrhun17gf546179218 (дата обращения: 01.02.2023).
- Премьер Швеции: страна не вступит в НАТО, но контакты с альянсом могут стать более тесны-

- ми // ТАСС. 21.11.2014. — URL: tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1521477?ysclid=lcricqichvz876984680 (дата обращения: 01.02.2023).
- Путин использует «Шведских демократов» в своей европейской информационной войне // ИноСМИ. 05.11.2016. — URL: inosmi.ru/20161005/237969807.html?ysclid=lcpzu5eslp764195893 (дата обращения: 01.02.2023).
- Рупасов А.И. Советско-шведские отношения в конце 1950-х гг. // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 117–135.
- Трухачев В. Швеция как недооцениваемая угроза для России // Взгляд.Ру. 14.09.2022. — URL: vz.ru/opinions/2022/9/14/1176379.html
- Шведская шпилька // Коммерсант. 19.11.2021. — URL: kommersant.ru/doc/5087130?ysclid=lcrj0ytq4z466216543 (дата обращения: 01.02.2023).
- Шведские демократы выступили против соглашения «ЕС — Украина» // Правда.Ру. 17.09.2014. — URL: pravda.ru/news/world/1226792-eurosouz/ (дата обращения: 01.02.2023).
- Шведские наемники покидают Украину // Ruletka.se. 22.03.2022. — URL: ruletka.se/2022/03/22/shvedskie-naemniki-pokidayut-ukrainu/?ysclid=lcrkc94hta246354169 (дата обращения: 01.02.2023).
- Шведский МИД ищет виновных в украинской войне // KP.ru. 19.02.2014. — URL: kp.ru/daily/26196/3083935/ (дата обращения: 01.02.2023).
- Швеция допустила размещение ядерного оружия на своей территории в мирное время // Lenta.ru. 10.01.2023. — URL: lenta.ru/news/2023/01/10/yao_sweden/?ysclid=lcq1042xxe484639720 (дата обращения: 01.02.2023).
- Швеция и Финляндия выступили за расширение санкций против России // Бизнес FM. 30.08.2014. — URL: bfm.ru/news/270991?ysclid=lcrhnhmvvk195095250 (дата обращения: 01.02.2023).
- Швеция не собирается прекращать конфронтацию с Россией, считают в МИД // Профиль. 03.08.2021. — URL: profile.ru/news/abroad/shveciya-priderzhivaetsya-konfrontacii-s-rossiej-schitajut-v-mid-903889/?ysclid=lcrwq960bb878497214 (дата обращения: 01.02.2023).
- «Шведских демократов» обвинили в пророссийской позиции // Regnum. 16.12.2022. — URL: regnum.ru/news/polit/3508628.html (дата обращения: 01.02.2023).
- Celebrating 10 years of the Eastern Partnership // European Council. 10.05.2019. — URL: consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2019/05/10/celebrating-10-years-of-the-eastern-partnership/ (дата обращения: 01.02.2023).
- Dadgostar: Vår elmarknad är ett jättevapen för Putin // Omni. 27.01.2022. — URL: omni.se/dadgostar-var-elmarknad-ar-ett-jattevapen-for-putin/a/qWE5g1 (date of access: 19.01.2023).
- Debatt: Dålig idé att gå med i Nato // Dagens ETC. 23.08.2014. — URL: etc.se/debatt/dalig-ide-att-ga-med-i-nato (date of access: 19.01.2023).
- Det ryska angreppet på Ukraina är fullständigt oacceptabelt // Vänsterpartiet. 24.02.2022. URL: vansterpartiet.se/nyheter/det-ryska-angreppet-pa-ukraina-ar-fullstandigt-oacceptabelt/ (date of access: 19.01.2023).
- Europapolitiskt program (2019) // Kristdemokraterna. — URL: kristdemokraterna.se/download/18.2e2b5b3e18180017d1b407/1656711984033/europapolitiskt%20program%20beslutad%20av%20PF%20slutversion.pdf (date of access: 19.01.2023).
- Femte toppmötet inom Östliga partnerskapet // Regeringskansliet. 23.11.2017. — URL: regeringen.se/artiklar/2017/11/femte-toppmotet-inom-ostliga-partnerskapet/ (дата обращения: 01.02.2023).

- Hans Linde om Ukraina: Värna respekten för folkrätten // Vänsterpartiet. 27.03.2014. — URL: vansterpartiet.se/nyheter/hans-linde-om-ukraina-varna-respekten-for-folkratten/ (date of access: 19.01.2023).
- Kerstin Lundgrens analys kring ukrainakriget och vinterns utmaningar // Centerpartiet. 22 sep 2022. URL: centerpartiet.se/lokal/internationellt/startside/nyheter/nyheter/2022-09-22-kerstin-lundgrens-analys-kring-ukrainakriget-och-vinterns-utmaningar (date of access: 19.01.2023).
- Maktskifte för ett nytt Sverige // Liberalerna. — URL: liberalerna.se/wp-content/uploads/valmanifest-2022.pdf (date of access: 19.01.2023).
- Mänskliga rättigheter, demokrati och rättsstatens principer i Ryssland // Regeringskansliet. 16.12.2020. — URL: regeringen.se/rapporter/2020/12/manskliga-rattigheter-demokrati-och-rattsstatens-principer-i-ryssland/ (date of access: 19.01.2023).
- Moderaternas idéprogram // Moderaterna. — URL: moderaterna.se/app/uploads/2022/01/Idprogram_digitalt_9dec.pdf (date of access: 19.01.2023).
- Motstånd och repression i Putins Ryssland // Vänsterpartiet. 03.12.2014 — URL: vansterpartiet.se/nyheter/motstand-och-repression-i-putins-ryssland/ (date of access: 19.01.2023).
- Nedrustning och Kärnvape // Centerpartiet. — URL: centerpartiet.se/var-politik/politik-a-o/utrikes--och-bistandsfragor/nedrustning-och-karnvapen (date of access: 19.01.2023).
- Östliga partnerskapet // Regeringskansliet. 23.01.2019. — URL: regeringen.se/internationella-organisationer-och-samarbeten/ostliga-partnerskapet/ (date of access: 19.01.2023).
- Partistyreelse // Sverigedemokraterna. — URL: sd.se/partistyreelse/ (date of access: 19.01.2023).
- Per Bolund om NATO. 16.05.2022. — URL: mp.se/just-nu/per-bolund-om-nato/ (date of access: 19.01.2023).
- Peter Eriksson: Ryssland kväser civilsamhället // Miljöpartiet de gröna i EU-parlamentet, 08.07.2015. — URL: news.cision.com/se/miljopartiet-de-grona-i-eu-parlamentet/r/peter-eriksson--ryssland-kvaser-civilsamhallet,c9802962 (date of access: 19.01.2023).
- Russische „Visasperrliste“ vom RAM am 27.5. an EU-Delegation Moskau übergeben// Uutisportaali Yle. 27.05.2015. — URL: yle.fi/tvuutiset/uutiset/upics/liitetiedostot/RUS_Einreiseverbotsliste.pdf (date of access: 19.01.2023).
- Sanktionerna mot Ryssland // Miljöpartiet de gröna. 20.10.2016. — URL: mp.se/just-nu/sanktionerna-mot-ryssland/ (date of access: 19.01.2023).
- SD medger ”problematisk” hållning till Ryssland // Svenska Dagbladet. 22.01.2015. — URL: svd.se/a/e7202670-80f9-3d13-bd90-4c858b8f2b32/sd-medger-problematisk-hallning-till-ryssland (date of access: 19.01.2023).
- SD-avhoppare på resa till Moskva för att möta andra nationalister // Expressen. 04.06.2018. — URL: expressen.se/nyheter/sd-avhoppare-pa-resa-till-moskva-for-att-mota-andra-nationalister/ (date of access: 19.01.2023).
- Socialdemokraterna vill att Sverige ska ansöka om medlemskap i Nato // Socialdemokraterna. 15.05.2022. — URL: socialdemokraterna.se/nyheter/nyheter/2022-05-15-socialdemokraterna-vill-att-sverige-ska-ansoka-om-medlemskap-i-nato (date of access: 19.01.2023).
- Stöd Ukraina med försvarsmateriel // Kristdemokraterna. 2022-02-25. — URL: kristdemokraterna.se/arkiv/nyheter/2022/2022-02-25-stod-ukraina-med-forsvarsmateriel (date of access: 19.01.2023).
- Stoppa Rysslands energimakt // Miljöpartiet de gröna. 04.03.2022. — URL: mp.se/just-nu/mp-stoppa-rysslands-energimakt/ (date of access: 19.01.2023).

- Sverigedemokraternas principprogram 2019 // Sverigedemokraterna. — URL: sd.se/wp-content/uploads/2022/07/sverigedemokraternas-principprogram-2019.pdf (date of access: 19.01.2023).
- Sverigedemokraternas Valplattform 2022 // Sverigedemokraterna. — URL: sd.se/wp-content/uploads/2022/07/sverigedemokraternas-valplattform-2022-april.pdf (date of access: 19.01.2023).
- Ulf Kristersson värd för manifestation för demokrati i Ryssland // Moderaterna. 26.01.2021. — URL: moderaterna.se/nyhet/ulf-kristersson-var-d-manifestation-demokrati-i-ryssland/ (date of access: 19.01.2023).
- Ulf Kristerssons tal på Folk och Försvars Rikskonferens 2022// Moderaterna. 10.01.2022. — URL: moderaterna.se/nyhet/ulf-kristerssons-tal-pa-folk-och-forsvars-rikskonferens-2022/ (date of access: 19.01.2023).
- Utrikespolitik & bistånd // Kristdemokraterna. — URL: kristdemokraterna.se/var-politik/politikomraden/utrikespolitik--bistand (date of access: 19.01.2023).
- Utrikespolitik // Centerpartiet. — URL: centerpartiet.se/var-politik/politik-a-o/utrikes--och-bistandsfragor/utrikespolitik (date of access: 19.01.2023).
- Utrikespolitik // Liberalerna. — URL: liberalerna.se/politik/utrikespolitik (date of access: 19.01.2023).
- Vänsterpartiets valplattform 2022 // Vänsterpartiet. — URL: vansterpartiet.se/wp-content/uploads/2022/07/valplattform-2022.pdf (date of access: 19.01.2023).
- Vår politik // Alternativ för Sverige. — URL: alternativforsverige.se/politik (date of access: 19.01.2023).
- Vår politik // Socialdemokraterna. — URL: socialdemokraterna.se/var-politik/a-till-o/nato (date of access: 19.01.2023).
- Vårt partiprogram // Vänsterpartiet. — URL: vansterpartiet.se/resursbank/partiprogram/ (date of access: 19.01.2023).
- Vrid energivapnet ur händerna på Ryssland// Moderaterna. 01.03.2022. — URL: moderaterna.se/nyhet/vrid-energivapnet-ur-handerna-pa-ryssland/ (date of access: 19.01.2023).

**ЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ
В РЕГИОНАЛЬНЫХ
И ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ**

DOI 10.32726/2411-3417-2023-1-47-60

УДК 339; 338; 327

ПЕТР ЯКОВЛЕВ

Может ли Испания стать мотором экономического роста Евросоюза? (К итогам 53-го форума в Давосе)

Аннотация. 53-й Всемирный экономический форум, прошедший в швейцарском Давосе 16-20 января 2023 г. под девизом «Сотрудничество в разобщенном мире», предрек конец глобализации и десятилетие геэкономических и геополитических потрясений. В числе государств, несущих максимальные потери на переломном этапе в мировом порядке, фигурируют страны Европейского союза, балансирующие на грани экономической рецессии. В настоящее время государства Объединенной Европы сталкиваются с новыми экономическими вызовами и рисками, отражающимися, с одной стороны, изменением в соотношении мировых сил, а с другой — обострением конкурентной борьбы в самом западном лагере. В первом случае речь идет о конфликте с Россией, которую коллективный Запад стремится «выдавить» из глобальной экономики, и углублении противоречий с Китаем, во втором — о формировании зоны торгово-экономических разногласий с США, в том числе в альтернативной энергетике и сфере высоких технологий. В этих условиях Брюссель лихорадочно ищет тех членов ЕС, которые демонстрируют сравнительно высокие темпы роста и могут стать мотором экономического развития Евросоюза. На эту роль, в частности, претендует Испания. Насколько обоснованы такие расчеты брюссельских чиновников?

Ключевые слова: Всемирный экономический форум, Давосский форум — 2023, торможение глобальной экономики, Евросоюз, рецессия, Россия, изменение в соотношении сил, Китай, конкуренция, США, Испания, реформы и модернизация.

Состоявшийся в швейцарском Давосе 53-й Всемирный экономический форум (ВЭФ) прошел на фоне глубоких и разнонаправленных геэкономических и геополитических трансформационных процессов, старт которым был дан сначала коронакризисом, а затем — фронтальным конфликтом между Российской Федерацией и коллективным Западом во главе с США и Евросоюзом. В результате происходящих изменений, зафиксировавших сдвиги в соотношении мировых сил, на глобальном уровне сформировались две главные оси международного соперничества: политического — между Россией и ведущими западными державами, экономического — между Китаем и Соединенными Штатами, в основных чертах поддержанными Европейским союзом. Разумеется, эти глобальные разломы далеко не исчерпывают весьма широкую конку-

Сведения об авторе: Яковлев Петр Павлович — главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук, petrp.yakovlev@yandex.ru.

рентную палитру современного миропорядка, но, безусловно, задают ориентиры всем другим кейсам столкновения стратегических интересов, прежде всего на региональных и межрегиональных уровнях.

Как заметил президент ВЭФ Борге Бренде (бывший министр иностранных дел Норвегии), на встрече в Давосе представители более чем 100 стран не могли абстрагироваться от негативных последствий «самого сложного геополитического и экономического положения за последние десятилетия», которые подогревали ожидания глобальной рецессии, и без того распространенные в большей части мирового бизнес-сообщества [Montes. Los empresarios...]. В этих условиях особую актуальность приобрел поиск резервов ускорения экономического роста, а также государств, способных в силу тех или иных причин стать его мотором.

«Сотрудничество в разобщенном мире» и «эффект черепахи»

Одним из ключевых пунктов повестки 53-го ВЭФ, прошедшего под полуоптимистическим девизом «Сотрудничество в разобщенном мире», стало обсуждение «балканизации» (фрагментации) глобальной экономики, вызванной длинной чередой международных конфликтов и означающей начавшийся центробежный процесс хозяйственного разделения стран мира. Совершенно не исключено, что указанная тенденция будет сопровождаться так называемым «эффектом черепахи» (the turtle effect) — самоограничением внешних экономических, финансовых и торговых связей, технологическим декаплингом и своего рода хозяйственным «замыканием отдельных государств в себе».

Подливая масло в огонь, эксперты Международного валютного фонда (МВФ) подсчитали, что из-за последствий геоэкономической фрагментации отдельные страны, максимально вовлеченные в международные экономические отношения и глобальные цепочки добавленной стоимости, могут потерять до 12% ВВП. Характерно, что такой супералармистский прогноз содержался в докладе МВФ, обнародованном за день до открытия форума в Давосе и получившем широкое распространение в мировых средствах массовой информации [Geo-Economic...].

«Гибельным» для мировой экономики назвал нынешний период влиятельный экономист Нуриэль Рубини, известный своим предсказанием финансового кризиса 2008 г. «Мрачный доктор» (Doctor Doom), как его называют в прессе (сам он предпочитает именовать себя «Доктор реалист»), еще в октябре 2022 г. говорил о «мегаугрозах» системе современных мирохозяйственных связей и предупреждал о «надвигающейся лавине» глобальных несчастий [Megathreats]. Развивая эти идеи, Н. Рубини сформулировал апокалиптический тезис о «столетии мегаугроз», а 19 января 2023 г. в интервью газете The Financial Times поставил все точки над *i* и заявил, что мир — это «поезд, который медленно движется к крушению», поскольку из-за многочисленных новых и старых (непреодоленных) вызовов глобальную экономику ожидает даже более глубокая рецессия, чем та, которая потрясла человечество в период между двумя мировыми войнами [Nouriel Roubini...].

Особенно негативный подтекст отмечаемые экспертами тренды на деглобализацию и нарастающие риски экономической рецессии имеют для многих европейских стран, в максимальной степени зависящих от экспорта своих товаров и услуг, в частности, на рынок США. Не случайно многие выступавшие в Давосе высокопоставленные представители государств-членов Евросоюза, включая канцлера Германии Олафа Шольца и председателя правительства Испании Педро Санчеса, призвали сделать все, чтобы избегать торгово-экономических конфронтаций с Вашингтоном и добиваться взаимоприемлемых соглашений между главными союзниками по западному блоку [Sánchez Las reformas...].

Между тем не вызывают сомнения снижение динамики экономического развития стран Евросоюза в 2022 г. и более чем пессимистичные прогнозы на 2023 и 2024 г. Европейские государства, включая крупнейшую пятерку (Германию, Францию, Италию, Испанию и Нидерланды), в течение ближайших двух лет продемонстрируют самые низкие темпы прироста ВВП, в несколько раз уступающие среднемировым показателям (табл. 1).

Таблица 1

Динамика ВВП (изменение в % к предыдущему году)

Регион, страна	2020	2021	2022	2023	2024
Весь мир	-3,2	6,0	3,1	2,5	3,1
Развитые страны	-4,1	5,6	2,7	0,9	1,8
США	-2,8	5,9	1,8	0,7	1,7
Япония	-4,6	1,7	1,7	1,6	1,2
Страны Евросоюза	-6,7	5,4	3,3	0,3	1,6
Страны Зоны евро	-6,1	5,3	3,2	0,3	1,5
Германия	-3,7	2,6	1,6	-0,6	1,4
Франция	-7,8	6,8	2,6	0,4	1,5
Италия	-9,0	6,7	3,8	0,3	1,1
Испания	-11,3	5,5	5,2	1,1	2,0
Нидерланды	-3,9	4,9	4,6	0,6	1,3
Развивающиеся страны	-2,5	6,3	3,4	3,8	4,3
Китай	2,2	8,1	3,4	4,5	4,7
Индия	-6,6	8,3	6,9	6,0	6,3
Бразилия	-3,9	4,6	2,5	0,8	1,0

Источник: European Commission. Autumn 2022 Economic Forecast: The EU economy at a turning point. Statistical Annex. URL: economy-finance.ec.europa.eu/system/files/2022-11/ip187_statistical-annex_1.pdf (date of access: 12.01.2023).

Отмечаемое подавляющим большинством международных экспертов торможение роста европейской экономики, ставшее уже «новой нормальностью» Объединенной Европы, вызвано рядом причин, включая как отмеченные выше, так и общие для всех государств геоэкономические и геополитические эффекты, о которых уже ряд лет пи-

сали российские ученые [Яковлев. Риски...]. Но сегодня главная из этих причин, по авторитетному мнению комиссара ЕС по экономике Паоло Джентилони, высокие (по сравнению с другими регионами) цены на основные энергоносители, что является фундаментальной «конкурентной слабостью европейской промышленности» и априори ставит местные предприятия (особенно с энергоемкими производствами) в уязвимое положение [Montes. Las élites...].

Замедление хозяйственного развития Евросоюза проявилось в снижении всех ключевых макроэкономических индикаторов, адекватно отразив ту сложную хозяйственную ситуацию, в которой оказались практически все страны-члены Евросоюза в результате происходящих глобальных и региональных процессов. На фоне минимального прироста населения (цифры на грани статистической погрешности), что нередко характеризуется как «демографическая бомба» и также является сдерживающим фактором, топчется на месте показатель душевого ВВП. В 2023 г. ожидается стагнация практически всех видов капиталовложений, включая инвестиции в основной капитал, не вырастет трудовая занятость, на прежнем уровне останутся частное и государственное потребление, минимально увеличится оборот внешней торговли. Вместе с тем сохранится высокая инфляция, что неизбежно снизит реальные доходы большинства населения (табл. 2).

Таблица 2

Макроэкономические показатели Евросоюза (изменение в %)

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024
Население	0,1	-0,1	0,8	0,5	0,1
Душевой ВВП	-5,7	5,5	2,5	-0,2	1,4
Валовые инвестиции	-5,4	3,6	3,0	0,5	2,3
Капитальные инвестиции	-10,8	8,9	3,7	0,1	2,9
Инвестиции в строительство	-3,4	5,1	2,8	0,2	1,9
Частное потребление	-7,1	4,1	3,7	0,1	1,5
Государственное потребление	1,0	4,1	1,3	0,3	0,8
Трудовая занятость	-1,4	1,4	1,8	0,0	0,4
Инфляция (%)	0,7	2,9	9,3	7,0	3,0
Экспорт товаров и услуг	-8,4	10,5	6,3	2,1	3,4
Импорт товаров и услуг	-7,9	9,0	6,7	1,9	3,5

Источник: European Commission. Autumn 2022 Economic Forecast: The EU economy at a turning point. Statistical Annex. URL: economy-finance.ec.europa.eu/system/files/2022-11/ip187_statistical-annex_1.pdf (date of access: 16.01.2023).

Приведенные данные свидетельствуют о сокращении поля для экономического маневра (инвестиционного, внешнеторгового) европейских стран. Это не в последнюю очередь связано с тем обстоятельством, что в силу известных причин Россия вышла из европейской системы торгово-экономических и финансовых координат. Иначе говоря,

традиционно широкие экономические связи Евросоюза с Российской Федерацией последовательно сокращаются и, по сути, отмирают, что на пространстве Европы создает принципиально новую хозяйственную ситуацию [Яковлев. Российская...]. Вопрос, насколько реалистично и адекватно это оценивают в руководящих органах Европейского союза и какие делают выводы.

Выступая в Давосе, председатель Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен изложила позицию Брюсселя по наиболее острым вопросам развития европейской и мировой политики и экономики. Прежде всего она выразила готовность ЕС продолжать оказывать значительную финансовую помощь Украине, пакет которой в 2023 г. должен составить 18 млрд евро. Было также подтверждено решение Еврокомиссии и дальше минимизировать торгово-экономические связи с Россией и сводить на нет еще недавно сильную зависимость европейских стран от российских энергоносителей. Россию, подчеркнула У. фон дер Ляйен, «ждет десятилетие регресса, а ее индустрия будет страдать без современных критических технологий». Нашло подтверждение и намерение Евросоюза перестроить европейскую промышленность и к середине текущего столетия осуществить переход к климатически нейтральной зеленой («чистой») экономике. «В течение следующих десятилетий, — подчеркнула У. фон дер Ляйен, — мы увидим величайшую в истории индустриальную трансформацию» [Special Address...].

Показательно, что обещанный «беспрецедентный промышленный переход» мыслится руководством ЕС в контексте дальнейшего «выяснения отношений» не только с Россией, но и с двумя крупнейшими мировыми экономиками — США и КНР. В отношениях с Вашингтоном Брюссель не устраивает курс администрации Джозефа Байдена на «перетягивание экономического одеяла на себя» — создание в Соединенных Штатах условий, стимулирующих европейские компании переносить производственную деятельность за океан, где несравненно ниже расходы на энергоносители. Например, как подчеркивал хозяин Белого дома, производство зеленого водорода — один из флагманских экономических проектов, на который в Евросоюзе делают ставку в рамках широко разрекламированного энергетического перехода, — обходится в США вдвое дешевле, чем в Европе [Segovia]. В качестве ответного шага комиссар Евросоюза по вопросам внутреннего рынка Тьерри Бретон озвучил намерение Брюсселя выделить 350 млрд евро на развитие европейских промышленных предприятий, выпускающих оборудование для генерации зеленого водорода [Vidal-Folch].

Еще тревожнее для стран-членов Евросоюза складывается положение с импортом редкоземельных металлов, которые используются в ряде критически важных высокотехнологических отраслей: атомной энергетике, радиоэлектронике, приборостроении, машиностроении, химической промышленности и т. д. Проблема в следующем: 98% закупаемых Европой редкоземельных металлов поступает из Китая, что воспринимается Еврокомиссией как недопустимо высокий уровень зависимости от единственного экспортера. Похожая ситуация наблюдается с импортом лития — ключевого сырья для батарей электропитания, прежде всего для электромобилей, выпуск которых на европейских заводах является одним из генеральных направлений модернизации ав-

томобильной промышленности. Об этом также говорилось в Давосе представителями Евросоюза [Special Address...].

Таким образом, в настоящее время государства Объединенной Европы сталкиваются с новыми экономическими вызовами и рисками, отражающими, с одной стороны, возросшую роль КНР в системе мирохозяйственных связей, а с другой — неизбежное обострение конкурентной борьбы в самом западном лагере «за место под солнцем».

В этих условиях (особенно с учетом возможной рецессии в ряде европейских стран, включая крупнейшие) актуальной задачей становится поиск и поддержка тех членов Евросоюза, которые в ближайшие годы способны продемонстрировать пусть и умеренный, но сравнительно устойчивый экономический рост и тем самым сыграть роль мотора европейского хозяйственного развития. Одной из таких стран, по мнению экспертного сообщества, является Испания.

Испанский модернизационный проект

В настоящее время Испания переживает крайне ответственный период экономической модернизации, комплексного реформирования существующих хозяйственных структур, формирования новых контуров современной технологической модели роста. Этот курс в непростых внутривнутриполитических и динамично меняющихся международных условиях проводит правительство во главе с генеральным секретарем Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) П. Санчесом [Яковлев, Яковлева].

В соответствии с планами властей и принятыми правительственными постановлениями, процесс реформирования испанской экономики призван сфокусироваться на решении трех главных задач: а) создать современный рынок рабочей силы и тем самым нарастить человеческий капитал; б) модернизировать системообразующий энергетический сектор путем приоритетного развития возобновляемых видов энергоносителей и акцентировать рост высокотехнологичных промышленных производств; в) с помощью цифровизации повысить качество национального бизнес-сообщества, в частности, поощряя увеличение числа технологических стартапов. Как подчеркнул в Давосе П. Санчес, начатые в стране структурные реформы обеспечат крупнейшую за много десятилетий трансформацию испанской экономической системы [Sánchez. Las reformas...].

Согласно имеющимся оценкам, положительные эффекты этих реформ, рассчитанные специалистами по моделям REMS и QUEST, должны обеспечить существенный прирост ВВП и инвестиций в основной капитал, стимулировать рост занятости в технологических отраслях, обеспечить повышение производительности труда и конкурентоспособности испанских товаров и услуг, способствовать значительному увеличению экспорта продукции высоких переделов, а также улучшению других наиболее важных макроэкономических показателей [España 2050...].

Закрепление этих трендов может, по мнению руководителей Евросоюза, деловых кругов и представителей международного экспертного сообщества, ощутимо повысить роль Испании в европейском экономическом пространстве и степень ее геоэкономической автономности, вызвать цепную реакцию позитивных перемен и в конечном итоге стать фактором предотвращения сползания стран-членов ЕС в рецессию. С учетом стоящих перед Евросоюзом масштабных хозяйственных и технологических проблем и трудностей, максимальную значимость имеют те направления испанской модернизации, результаты которых способны указать путь к региональной консолидации (более плотному взаимодействию) передовых секторов европейской промышленности [Díaz Guijarro].

Речь прежде всего идет о конкретных шагах, направленных на последовательный переход энергетического сектора на максимальное использование возобновляемых энергоносителей в рамках стратегического курса на сокращение использования ископаемого сырья. Для решения этой проблемы правительство Испании одобрило планы расширения мощностей по регазификации ввозимого в страну сжиженного природного газа (СПГ), освоения производства зеленого водорода и строительства новых трансграничных трубопроводов. Задачей, как это видится в Мадриде, является превращение Испании в крупного экспортера экологически чистых видов энергоносителей. Как неоднократно подчеркивал П. Санчес, выход Испании на европейский рынок в роли поставщика зеленого водорода — «беспроигрышная экономическая ставка» [Sánchez llama...].

Общеввропейское значение приобретает так называемый проект H2Med — строительство трансграничного трубопровода для перекачки зеленого водорода из Португалии и Испании во Францию. Бизнес-план этого знакового начинания был одобрен руководителями трех стран и Еврокомиссией, которая приняла на себя обязательство профинансировать 50% общей стоимости трубопровода, предварительно оцениваемого в 2,5 млрд евро. Наиболее проблемный участок H2Med протяженностью 455 км (его прокладка планируется на 2025 г.) пройдет по дну Средиземного моря от Барселоны до Марселя. После ввода трубопровода в строй в 2030 г. он будет прокачивать 2 млн т зеленого водорода ежегодно или порядка 10% суммарного потребления этого энергоносителя в государствах Евросоюза [López de Benito].

Совместная реализация проекта H2Med стала элементом франко-испанского экономического взаимодействия и политико-стратегического сближения, что материализовалось в заключении 19 января 2023 г. двустороннего Договора о дружбе и сотрудничестве. Этот документ, подписанный П. Санчесом и Э. Макроном в ходе XXVII испанско-французского саммита в Барселоне, стал первым такого рода соглашением в истории двух стран. Его особенность состоит в том, что он ориентирован на совместные действия Испании и Франции в таких, помимо энергетики, приоритетных сферах, определяющих вектор испанской и европейской модернизации, как научно-техническое, инновационное и промышленное сотрудничество. Кроме того, в договоре предусматривается синхронизация усилий Мадрида и Парижа в развитии дорожной

инфраструктуры на юге Европы (расширение сети так называемых Атлантического и Средиземноморского транспортных коридоров) и углублении производственной кооперации предприятий военно-промышленного комплекса [Sánchez y Macron...].

Тем самым французское руководство признало возросшую активность Испании в делах Евросоюза и продемонстрировало готовность к упрочению двусторонних франко-испанских связей, усматривая в этом возможности повышения экономического потенциала и политической роли южной части европейского континента в ее многолетнем соперничестве с традиционно более богатым севером.

Другим магистральным направлением испанской модернизации явилась цифровизация национальной хозяйственной системы, ставшая «безусловным приоритетом экономической деятельности кабинета П. Санчеса». Как указывается в правительственных документах, с помощью цифровизации должно быть обеспечено информационно-технологическое наполнение модернизационного процесса. Кроме того, цифровизация должна содействовать наращиванию производственных возможностей испанской экономики, способствовать ее реиндустриализации на современной научно-технической основе. Поставленные цели диктуют проведение мероприятий, нацеленных на профессиональную переподготовку индустриальных рабочих и части безработных для обеспечения технологических отраслей промышленности необходимым количеством квалифицированных кадров. Без этого, считают в правительстве, не удастся справиться с задачей повышения места индустрии в структуре испанской экономики [Pedro Sánchez apuesta...].

В центре внимания программы реформ — цифровизация малых и средних предприятий (составляющих свыше 99% всех испанских компаний), как правило, отстающих от крупных корпораций в использовании инноваций и цифровых технологий. Данное обстоятельство негативно сказывается на общей конкурентоспособности испанской экономики, а потому его исправление входит в число приоритетных задач процесса модернизации. Эффективным механизмом включения малого и среднего бизнеса в цифровую экономику явилась так называемая программа Kit Digital, на реализацию которой правительство направило 3 млрд евро. В рамках этой программы компании-участники могут получить субсидии для решения проблем цифровизации своей производственной деятельности. Как заявила министр экономики Надиа Корвиньо, инициатива вызвала значительный интерес, и к середине декабря 2022 г. заявки на присоединение к программе Kit Digital подали более 230 тыс. малых и средних предприятий [Calviño].

Ключевую роль в процессе модернизации призваны сыграть технологические стартапы — вновь создаваемые компании, связанные с инновациями и обладающие потенциалом динамичного роста. В рамках этой бизнес-модели наиболее успешные компании способны сравнительно быстро превратиться в стартапы-«единороги», чей капитал превышает 1 млрд долларов. Трудность заключается в том, что Испания отставала от стран-лидеров по числу стартапов и, тем более, «единорогов». Чтобы исправить это положение, испанские власти приняли в декабре 2022 г. Закон о развитии

экосистем формирующихся компаний, больше известный как Закон о стартапах, поскольку он создает стимулы для роста именно таких компаний. В числе прочего, закон вводит для новых стартапов на четыре года пониженный корпоративный налог на прибыль (15% вместо обычных 25%), в ряде случаев снижает размеры социальных взносов, предоставляет некоторые другие фискальные послабления и упрощает существующие административные процедуры. Власти рассчитывают, что Закон о стартапах поможет создать в Испании передовую предпринимательскую экосистему и ускорить процесс модернизации [Ministerio de asuntos...].

Наконец, важным звеном процесса модернизации является создание новых для Испании высокотехнологичных отраслей промышленности (или качественное перевооружение и расширение уже существующих), продукция которых ориентирована как на внутренний, так и на внешний рынки. Примером такого рода могут служить совместные усилия правительства и бизнес-сообщества по развитию в стране фармацевтической отрасли, которая до последнего времени не находилась в фокусе внимания властей и не играла заметной роли в национальной экономике.

В декабре 2022 г. П. Санчес, а также министры промышленности (Рейес Марото), здравоохранения (Каролина Дариас) и науки (Диана Морант) встретились с руководителями семи национальных и 14 иностранных фармацевтических компаний. В их числе были высшие менеджеры глобальных лидеров отрасли — Astellas Pharma, Boehringer Ingelheim, Johnson & Johnson, Merck, MSD, Novartis, Sanofi, UCB, — чья деятельность во многом определяет ситуацию на мировом рынке медикаментов. На встрече представители бизнеса продемонстрировали заинтересованность в развитии частно-государственного партнерства и выразили готовность в течение трех лет инвестировать 8 млрд евро в развитие испанской фармацевтической индустрии (4,3 млрд — в сферу НИР, 2,7 млрд — в расширение производства, 1 млрд — в цифровизацию отрасли) [Ruiz-Tagle].

Подобные факты и складывающиеся благоприятные макроэкономические тенденции дают Мадриду и Брюсселю повод считать, что экономика Испании находится на старте перспективного модернизационного процесса, результаты которого принесут дивиденды не только этой стране, но и в целом Европейскому союзу. Как подчеркивал накануне форума в Давосе П. Санчес, в тот момент, когда глобальный мир находится в «тумане экономической неопределенности» и балансирует на грани рецессии, Испания демонстрирует «экстраординарную прочность своей хозяйственной системы» [El presidente...].

Такого рода заявлениями испанский лидер явно хотел внести толику оптимизма в повсеместно царящий в большинстве европейских стран пессимистический настрой. Однако реальное положение дел в экономике Испании в ряде ключевых аспектов представляется весьма сложным, далеко не однозначным и не столь оптимистичным. И в этом отношении оно мало чем отличается от экономической ситуации во многих других государствах-членах Евросоюза.

Трудности и риски экономической перезагрузки

Испанский модернизационный проект осуществляется в непростых внутренних и внешних условиях, проходит через плотные слои постоянно меняющейся национальной, европейской и глобальной реальности, находится под возрастающим влиянием противоречивых и зачастую негативных геоэкономических и геополитических факторов.

Несмотря на то, что основные макроэкономические показатели Испании на 2022 — 2025 гг. выглядят несколько лучше, чем у большинства членов ЕС (отсюда — тезис о ее роли в предотвращении европейской рецессии), прогноз развития испанской экономики является сравнительно умеренным (табл. 3). Это продиктовано наличием значительного числа сложных проблем, с которыми сталкивается Испания в ходе своей модернизации.

Таблица 3

Испания: макроэкономический сценарий (изменение в %)

Показатель	2021	2022	2023	2024	2025
ВВП	5,5	4,5	1,0	2,0	1,8
Инвестиции в основной капитал	15,7	11,1	5,9	2,8	2,7
Инвестиции в интеллектуальную собственность	5,5	17,5	7,4	4,6	4,8
Инвестиции в строительство	-2,8	5,2	8,6	3,2	2,2
Потребление	4,2	3,5	2,6	1,5	1,1
Инфляция (%)	3,0	8,5	4,8	2,3	-
Экспорт	14,7	7,8	6,2	6,3	4,4
Занятость	6,6	3,0	1,7	1,8	1,5
Безработица (%)	14,8	12,7	12,7	12,6	9,6
Бюджетный результат (% ВВП)	-6,9	-5,0	-3,9	-3,3	-2,9
Государственный долг (% ВВП)	118,4	115,2	112,4	110,9	109,7

Источник: составлено автором на базе испанской официальной статистики.

Из таблицы 3 видно, что в ближайшие годы следует ожидать ухудшения индикаторов экономического развития Испании. Например, произойдет снижение темпов прироста ВВП, трудовой занятости и потребления, замедлится увеличение экспорта. В 2024–2025 гг. наращивание инвестиций в основной капитал и интеллектуальную собственность сократится. При этом не удастся ликвидировать бюджетный дефицит, а государственный долг и безработица сохранятся на уровне, значительно превышающем средний показатель для стран Евросоюза.

В основе трудностей роста и реформирования испанской экономики лежат в первую очередь внутренние факторы. В том числе:

- Резкий инфляционный скачок потребительских цен, спровоцированный значительным удорожанием углеводородных энергоносителей (главным образом природного газа и СПГ), а также продовольственных товаров. В середине 2022 г. был

зафиксирован максимальный рост цен — 10,8%, а по итогам года инфляция составила 8,5%. Последний раз такой взлет цен наблюдался в Испании в 1986 г. [Datos históricos...]. Инфляционный шок 2022 г. отрицательно сказался на реальных доходах населения и вынудил правительство потратить 38,5 млрд евро с тем, чтобы несколько снизить для потребителей цены на электроэнергию (в целом страны Евросоюза в течение года направили на эти цели 674 млрд евро) [García P.]. Именно экстренные расходы на стабилизацию положения на энергетическом рынке помешали Мадриду радикально сократить бюджетный дефицит. Кроме того, инфляция ухудшила ценовую конкурентоспособность испанских товаров и услуг, в стоимость которых производители должны закладывать фактор инфляционных ожиданий.

- Финансовое положение правительства П. Санчеса серьезно осложнено обычной в стране практикой уклонения от уплаты налогов. Только наиболее крупные из действующих в Испании местных и иностранных компаний ежегодно недоплачивают в бюджет более 4 млрд евро. Как отмечают многие эксперты, названная сумма представляет собой лишь небольшую часть тех ресурсов, которые регулярно недополучает государство [Sempere]. Помимо этого, налоги не платят миллионы занятых в неформальном секторе испанской экономики, составляющем свыше 20% ВВП. Все это заставляет власти время от времени увеличивать размеры фискальных платежей и постепенно повышать налоговую нагрузку на бизнес. Отсюда — критика действий правительства со стороны деловых кругов и оппозиционных партий, которые, намеренно драматизируя ситуацию, характеризуют ее как «испанский налоговый ад» [Bernal].
- Судьбы модернизации во многом решаются в критически важной области научно-технических разработок (НИР). В деловых и властных кругах Испании существует понимание того, что сфера НИР — важнейший ресурс реформирования и реиндустриализации национальной экономики, но до сегодняшнего момента страна не вышла на требуемый уровень фондирования науки и технологий. В планах правительства на 2023 г. предусмотрены инвестиции в НИР в размере примерно 16 млрд евро (1,3% ВВП). Достаточен ли этот уровень? Факты показывают, что далеко не достаточен. В одобренной кабинетом министров в 2020 г. Стратегии развития науки, технологий и инноваций ставилась цель к 2027 г. довести объем финансирования НИР до 35 млрд евро в год, или свыше 2,1% ВВП [ЕЕСТИ]. Сегодня ясно, что эта цель недостижима. Тем самым один из главных инструментов модернизации — форсированное наращивание инвестиций в НИР — используется лишь частично.

Значительные проблемы для успешного осуществления экономической перезагрузки и модернизации национальных производственных структур лежат и в социальной сфере испанского государства.

Власти Испании традиционно уделяют повышенное внимание вопросам социального обеспечения и защиты материальных интересов граждан, что, безусловно, является существенным позитивным фактором, в том числе и с точки зрения расширения внутреннего потребительского рынка. Особенно последовательная социальная поли-

тика присуща правительствам левых сил во главе с представителями ИСРП, которые руководили страной в 1982–1996 гг., 2004–2011 гг. и с июня 2018 г. (в общей сложности — 26 лет). В частности, с момента прихода нынешнего правительства к власти в июне 2018 г. и по июнь 2022 г. (всего за четыре года) минимальная заработная плата увеличилась на 36% — с 859 до 1167 евро в месяц, что потребовало крупных дополнительных ассигнований со стороны государства [SMI de España].

Тугой и запутанный узел проблем образовался в сфере пенсионного обеспечения. В период 2005–2022 гг. число пенсионеров выросло с 7,3 до 9 млн человек (на 23%), средняя месячная пенсия — с 605 до 1094 евро (на 81%), расходы бюджета на выплату пенсий — с 79,2 до 171,2 млрд евро (на 116%), задолженность фонда социального страхования — с 18,3 до 106,2 млрд евро (рост в 5,8 раза) [García J.]. В настоящее время на выплаты всех видов пенсий направляется более 37% государственного бюджета, и это далеко не предел, поскольку в 2023 г. данная статья расходов возрастет на 11,4% и превысит 190 млрд евро [Presupuestos]. Главным макроэкономическим последствием сложившейся ситуации является то, что испанское государство вынуждено брать на себя покрытие задолженности фонда социального страхования, формируемого из взносов экономически активного населения, которые необходимо постоянно увеличивать. Такова оборотная сторона в целом прогрессивной социальной политики.

* * *

Подобного рода примеры можно множить. Все они указывают на наличие большого числа неоднозначных, зачастую прямо противоположных эффектов, характеризующих текущее состояние и тенденции развития хозяйственной системы испанского государства. Данное обстоятельство, на наш взгляд, ставит под вопрос способность Мадрида в ближайшей перспективе ощутимо нарастить свой вес и влияние в Евросоюзе как очень значимой финансово-экономической величины и сыграть заметную роль в ускорении развития европейской экономики.

Отнюдь не принижая реальные достижения Испании на пути модернизации, подчеркнем, что торгово-экономическая судьба Объединенной Европы будет решаться в двух измерениях, о чем и шла речь на форуме в Давосе. На глобальном уровне — в зависимости от того, насколько европейцам удастся (или не удастся) урегулировать спорные вопросы в отношениях с США и Китаем. Ну а в региональном пространстве самым болезненным вопросом остается конфликт с Россией и связанные с этим турбулентные явления на энергетических, сырьевых и продовольственных рынках. И в том, и в другом случае ведущая роль в Евросоюзе в обозримом будущем не перейдет к Мадриду, а останется за большой тройкой: Берлином, Парижем и Римом.

Литература

Яковлев П.П. Риски мировой рецессии в условиях кризиса глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 2. С. 5-14.

- Яковлев П.П. Российская экономика в условиях меняющегося мироустройства: вызовы и ответы // Перспективы. Электронный журнал. 2022. № 3 (30). С. 27–42. — URL: https://www.perspektivy.info/upload/iblock/c25/3_2022_27_42.pdf (дата обращения: 19.01.2023).
- Яковлев П.П., Яковлева Н.М. Испания на переходе к стрессоустойчивой модели роста // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 12. С. 40–49.
- Bernal M. El infierno fiscal español // El Economista. 12.01.2023.
- Calviño N. Las PYMES en la nueva economía digital // El Economista. 14.12.2022.
- Datos históricos del IPC en España — URL: invertirenbolsa.info/historico-ipc-espana/datos-historicos-del-ipc-en-espana.htm (date of access: 19.01.2023)
- Díaz Guijarro R. Sánchez y el Ibex apuestan por la autonomía de Europa y la defensa de su industria // Cinco Días. 17.01.2023.
- EECTI. Estrategia Española de Ciencia, Tecnología e Innovación 2021–2027. — URL: ciencia.gob.es/InfoGeneralPortal/documento/e8183a4d-3164-4f30-ac5f-d75f1ad55059 (date of access: 18.01.2023).
- El presidente del Gobierno destaca las “extraordinarias fortalezas” de la economía española ante la incertidumbre // La Moncloa. 12.01.2023. — URL: lamoncloa.gob.es/presidente/actividades/paginas/2023/120123-sanchez-foro-financiero-investors-day.aspx (date of access: 20.01.2023)
- España 2050. Fundamentos y propuestas para una Estrategia Nacional de Largo Plazo. — URL: lamoncloa.gob.es/presidente/actividades/Documents/2021/200521-Estrategia_Espana_2050.pdf (date of access: 13.01.2023).
- García J. La Deuda de la Seguridad Social supera por primera vez los 100.000 millones de euros // Cinco Días. 17.01.2023.
- García P. Las ayudas anticrisis le cuestan a Europa 674.000 millones // Cinco Días. 12.12.2022.
- Geo-Economic Fragmentation and the Future of Multilateralism // International Monetary Fund. 15.01.2023. — URL: imf.org/en/Publications/Staff-Discussion-Notes/Issues/2023/01/11/Geo-Economic-Fragmentation-and-the-Future-of-Multilateralism-527266 (date of access: 19.01.2023).
- López de Benito J. El H2MED presenta su candidatura Proyecto de Interés Común de la Unión Europea // Hidrogeno Verde. 16.12.2022. — URL: hidrogeno-verde.es/el-h2med-opta-a-ser-proyecto-de-interes-comun-de-la-union-europea/ (date of access: 12.01.2023)
- Megathreats by Nouriel Poubini — an avalanche of coming disasters // The Financial Times. 12.10.2022.
- Ministerio de asuntos económicos y la transformación digital. Start ups. — URL: portal.mineco.gob.es/es-es/digitalizacionIA/Paginas/Start-ups.aspx (date of access: 17.01.2023)
- Montes L. Las élites de Davos advierten de que la descoordinación entre la política monetaria y fiscal podría elevar el déficit y la deuda pública // El Economista. 18.01.2023.
- Montes L. Los empresarios admiten en Davos que prevén un deterioro de la economía en 2023 // El Economista. 16.01.2023.
- Nouriel Roubini: “I hope I didn’t depress you too much” // The Financial Times. 19.01.2023.
- Pedro Sánchez apuesta por transformación digital que reafirme la autonomía estratégica de Europa y las capacidades industriales de España // La Moncloa. 08.07.2022. — URL: lamoncloa.gob.es/presidente/actividades/Paginas/2022/080722-sanchezdigital2026.aspx (date of access: 19.01.2023).
- Presupuestos Generales del Estado. España: Pensiones. — URL: datosmacro.expansion.com/estado/presupuestos/espana (date of access: 18.01.2023).

- Ruiz-Tagle J.* La industria farmacéutica invertirá 8.000 millones en el proximo trienio // El Economista. 21.12.2022.
- Sánchez: “Las reformas estructurales que hemos puesto en marcha suponen la mayor transformación de la economía española en décadas” // La Moncloa. 17.01.2023. — URL: lamoncloa.gob.es/presidente/actividades/Paginas/2023/170123-sanchez-country-strategy-dialogue.aspx (date of access: 20.01.2023)
- Sánchez llama a hacer de la península ibérica el mayor proveedor de hidrógeno verde: “Es una apuesta ganadora” // Cinco Días. 26.11.2022.
- Sánchez y Macron firman un Tratado de Amistad y Cooperación que refuerza el vínculo entre España y Francia. // La Moncloa. 19.01.2023. — URL: lamoncloa.gob.es/presidente/actividades/Paginas/2023/190123-sanchez-cumbre-hispano-francesa.aspx (date of access: 21.01.2023).
- Segovia C.* Biden rompe la Carrera del hidrógeno: ofrece que producirlo en EEUU cueste la mitad que en España // El Mundo. 20.11.2022.
- Sempere P.* España pierde más de 4.000 millones al año por la elusión fiscal de las grandes empresas // Cinco Días. 16.12.2022.
- SMI de España. — URL: datosmacro.expansion.com/smi/espana (date of access: 19.01.2023).
- Special Address by President von der Leyen at the World Economic Forum // European Commission. 17.01.2023. — URL: ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_23_232 (date of access: 19.01.2023).
- Vidal-Folch X.* Thierry Breton: “La UE movilizará 350.000 millones para su industria energética verde” // El País. 16.01.2023.

DOI 10.32726/2411-3417-2023-1-61-72

УДК 94(437)

Элла Задорожнюк

Во власть под знаменем гавелизма

Аннотация. С конца 2021 г. в Чехии правят силы, в чьих действиях и речах зримо или незримо присутствует дух гавелизма. Гавелизм — наследие Вацлава Гавела — можно трактовать как сочетание антироссийских установок во внешней политике с манипулированием абстрактными ценностями демократии и «добра» при отстраненности от конкретных проблем чешского социума в политике внутренней. Такое двуединство было присуще Гавелу и проявляется у его последователей. Уже при своем зарождении гавелизм представлял собой сугубо постмодернистский проект, построенный на установке: не быть, а казаться. Это также стиль с элементами драмы абсурда и политического шутовства, который восприняли некоторые лидеры сегодняшней Европы. Особенно сильное негативное влияние современный вариант гавелизма оказывает на сферу отношений с Россией и международной политики в целом.

Ключевые слова: гавелизм, чешская политика, Россия, Чехия, чешско-российские отношения, коалиционное правительство, демократические ценности, постмодернизм.

1 января 2023 г. Чехия отпраздновала 30 лет со времени своего появления на карте мира. Готовившийся к уходу со своего поста чешский президент Милош Земан и занимающий с декабря 2021 г. пост премьер-министра Петр Фиала в своих речах не связывали напрямую это событие с именем Вацлава Гавела, при президентстве которого страна в сердце Европы разделилась на две — Чехию и Словакию. (Возможно, Гавел ощущал какие-то сожаления по поводу распада Чехословакии, но присущая ему система идейных взглядов и предпочтений как раз способствовала разделению.) Но, так или иначе, в недавних выступлениях и М. Земана, и П. Фиалы прослеживались существенные черты того, что стало именоваться гавелизмом. 26 декабря 2022 г., за пять дней до юбилея образования Чешской Республики, М. Земан в своем Рождественском обращении к чехам утверждал: «Что касается актуальных событий, то самым значимым из них, бесспорно, стала русская агрессия по отношению к Украине. Я всегда был сторонником корректных экономических отношений с Российской Федерацией, в первую очередь из-за поставок относительно дешевого энергетического сырья...» [Dokument: Vánoční poselství...]. Выступление подразумевало, что Гавел, с его негативным отношением к России, был прав, а гавелизм, ранее не одобрявшийся Земаном — политическим

Сведения об авторе: ЗАДОРЖНЮК Элла Григорьевна — ведущий научный сотрудник, заведующая Отделом современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН, доктор исторических наук, elzador46@mail.ru.

оппонентом первого президента Чехословакии и затем Чехии — теперь выглядит в его глазах релевантным.

В свою очередь, П. Фиала в новогоднем обращении к гражданам страны 1 января 2023 г. сказал: «Вооруженное нападение России на Украину продемонстрировало, что наша безопасность не является само собой разумеющейся... Мы столь же интенсивно работаем сейчас и над проблемой комплексных изменений в нашей энергетике. Мы не можем себе позволить быть односторонне зависимыми от восточных поставок и подвергаться из-за этого экономическому шантажу» [Petr Fiala...]. Это заявление В. Гавел одобрил бы в еще большей мере, тем более что оно прозвучало из уст того, кто чаще других клянется в преданности его идеям.

Вернемся на год и три месяца ранее 30-летия нынешней Чешской Республики (ЧР) и процитированных речей президента и премьер-министра с апологией гавелизма. 6 октября 2021 г. в Чехии отмечалось 85-летие со дня рождения Вацлава Гавела, а 18 декабря того же года — 10-летие со дня его кончины. Сказать, что эти даты прошли с широким размахом, нельзя, а вот разговоры о гавелизме на фоне жесткого противостояния накануне очередных выборов в Палату депутатов (ПД) становились все громче. Именно этот отрезок времени (октябрь — декабрь 2021 г.) явился неким победным рубежом для тех чешских политиков, которые в конце 2021 г. сформировали новое коалиционное правительство, подчеркнуто опирающееся на гавелизм во внешней политике.

Победителями прошедших 8–9 октября 2021 г. парламентских выборов в основном стали сумевшие консолидироваться правые политические силы страны. Так, коалиция «Вместе», куда вошли Гражданская демократическая партия (ГДП), Христианско-демократический союз — Чехословацкая народная партия (ХДС — ЧНП) и партия «Традиция, ответственность, процветание 09» (ТОП 09), получила 27,79% голосов избирателей.

На втором месте, с незначительным отставанием от коалиции «Вместе», оказалось противостоявшее ей центристское политическое движение «Акция недовольных граждан 2011» (АНГ), которое поддержали 27,12% чешского электората. Следует обратить внимание на минимальный разрыв между победителями и побежденными, составивший всего 0,67% голосов, что продемонстрировало резко усилившуюся поляризацию чешского общества. Напомним, что АНГ находилось у власти в коалиции с Чешской социал-демократической партией (ЧСДП) в период 2017–2021 гг.; правительство возглавлял тогда создатель АНГ и его бессменный лидер Андрей Бабиш.

Третье место досталось правоцентристской коалиции «ПирСтин» (Чешская пиратская партия — Пираты и движение Старосты и независимые–Стин), которую поддержали 15,62% избирателей. Четвертым прошедшим в ПД политическим актором, позиционирующим себя в центре между левыми и правыми [Politický dlouhodobý...], было политическое движение «Свобода и прямая демократия» (СПД), получившее 9,56% голосов электората.

Катастрофическими стали итоги выборов для левоцентристской ЧСДП и левой Коммунистической партии Чехии и Моравии (КПЧМ), впервые в истории Чешской Республики не получивших мест в нижней палате парламента (соответственно, 4,65 и 3,6% голосов электората). Они не смогли соединить свои усилия, а чешское общество лишилось левой части политического спектра в Палате депутатов (что было особо примечательно на фоне электоральных побед левых сил в соседней Германии).

Триумфаторы выборов, лидеры коалиции «Вместе» и «ПирСтин», подписали 8 ноября 2021 г. коалиционное соглашение о деятельности на период 2021–2025 гг. и сформировали новый правящий кабинет — своего рода «коалицию коалиций» во главе с лидером ГДП П. Фиалой. В коалиционном соглашении, где излагались приоритеты внутренней и внешней политики объединившихся победителей, просматривались не только дух идей Гавела, но и конкретные установки трансформирующегося гавелизма, что затем сказалось и в политическом курсе действующего чешского правительства.

В первую очередь, этот документ декларировал цель сохранять и углублять основные параметры функционирующего «свободного общества», акцентируя внимание на том, что Чешская Республика является «прочной составной частью евроатлантического цивилизационного пространства, где правят подлежащее исполнению право (*vymahateľné právo*) и неписаные правила (*nepsaná pravidla*)» [Koaliční...]. А в разделе «Ориентация на ЕС и НАТО» констатировалось: «Чешская Республика должна быть активным членом Европейского союза и НАТО, отстаивающим интересы своих граждан. Внешняя политика будет иметь бесспорную евроатлантическую ориентацию, сделает акцент на стабильном партнерстве с демократическими странами во всем мире и защите прав человека и демократии. Членство в ЕС считаем ключевым и полезным для ЧР, мы готовы успешно справиться с председательством в Совете ЕС во 2-м полугодии 2022 г.» [Koaliční...]. В документе просматриваются призывы Гавела и едва ли не его изощренная стилистика — в пассаже о соотношении права и правил.

Следует отметить, что коалиционное соглашение победивших в 2021 г. сил не содержало во внешнеполитическом плане ничего экстраординарного по сравнению с официальными установками предшествующего коалиционного кабинета во главе с А.Бабишем. Пришедшее к власти в 2017 г. правительство Бабиша также заявляло о неизменности евроатлантического вектора во внешней политике и не было ориентировано на поддержку конструктивных чешско-российских связей [Задорожнюк. Внешнеполитические приоритеты...]. Но все же в его ключевых документах было гораздо меньше пафоса в гавеловском духе.

Есть достаточно оснований утверждать, что преемственность с наследием Гавела в полной мере была реализована именно командой «коалиции коалиций» во главе с ее идейным вдохновителем П. Фиалой. Впервые с момента возникновения Чешской Республики в официальном документе был использован термин «гавелизм». «Поддержка демократии, прав человека и гражданского общества, — читаем в коалиционном соглашении, — нравственно правильна, но вместе с тем она является выгодной для

нашего государства. В прошлом наша политика в сфере прав человека и трансформации сумела обеспечить [нам] место в центре европейской политики. Обновим же традиции **«гавелизма»** (выделено мной. — Э.З.) во внешней политике, включая поддержку сотрудничества в области развития и трансформации. Будем добиваться принятия закона, вводящего санкции против грубых нарушений прав человека (так наз. закон Магницкого)». Чешско-российские отношения удостоились в соглашении буквально нескольких слов: «Проведем ревизию отношений с Россией и Китаем» [Koaliční...].

То, что чешско-российские отношения будут подвергнуты «ревизии» в сторону их ухудшения, мало у кого вызывало сомнения; и курс на такую ревизию подтвердился в ходе последующих событий. Конечно, никакой чешский политический деятель, включая А. Бабиша, в борьбе за премьерство не стал бы открыто отрешиваться от «заветов Гавела», но первое слово в их утверждении и продолжении оказалось за П. Фиалой. Именно оно вызвало нужную реакцию со стороны приверженцев «бесспорной евроатлантической ориентации» на НАТО и ЕС — институтов для Гавела основополагающих.

И все же относительно как самого В. Гавела, так и гавелизма некоторые политики проявили здоровый скептицизм. Так, одной из первых реакций в чешских СМИ на процитированное коалиционное соглашение стала опубликованная 15 ноября 2021 г. статья бывшего заместителя министра иностранных дел Петра Друлака «Гавела создали США. Гавелизм Фиалы? Плохо закончат». Он подчеркнул, что США еще с 1970-х годов активно работали над репутацией В. Гавела как образцового героя. Сегодня же гавелизм тесно связывается со службой чужим интересам и жонглированием поверхностными фразами при неспособности решать реальные проблемы. «Гавеловскую внешнюю политику, — говорится в статье, — можно охарактеризовать двумя заветами: отождествлением чешских интересов с интересами США и морализаторским дилетантизмом. Во внешней политике Вацлава Гавела оба эти элемента прекрасно дополняли друг друга. Первый постноябрьский президент был всегда готов морально защищать любые шаги американской внешней политики и через их призму смотреть на других. Он поддерживал американскую интервенцию на Балканах и на Ближнем Востоке и оригинально обогатил политический дискурс защитой «гуманитарных бомбардировок»» [Profesor Drulák... Komentář: Návrat k Havlovi...]. Поворот к гавелизму — это, по мнению П. Друлака, следование древнему изречению «Что позволено Юпитеру, не дозволено быку». Гавел опирался на него вчера, подразумевая под Юпитером США, гавелисты будут делать то же самое сегодня — к такому выводу подводил опытный чешский политик и известный политолог.

П. Друлак проявил немалую смелость, публично отождествляя гавелизм со служением чужим интересам. Но еще первый англоязычный биограф Гавела Дж. Кин утверждал (впоследствии это повторяли современные чешские биографы), что гавелизм является собой классический постмодернистский проект, суть которого коренится в уставке: не быть, а казаться [Keane... Беляев...]. Это четко проявилось в сфере международных отношений, особенно чешско-российских. Соответствующая ситуация складывалась еще перед приходом новых гавелистов к власти, но с началом их правления

она усугубилась: отношения с Россией вводились в ступор по заранее намеченному «гавелистскому» вектору.

Как появился сам термин «гавелизм» и что он означает? Считается, что его ввел второй президент Чешской Республики Вацлав Клаус в статье «Выхолащенная политика — шанс для гавелизма», опубликованной 16 ноября 2009 г. в газете «Mladá Fronta Dnes». Он обратил внимание на то, что чешская политика «спустя 20 лет после ноябрьской революции идейно выхолащена. А освободившееся место могут занять другие, опасные идеи» [Klaus. Vyprázdněná politika...]. И касалось это политики внутренней в не меньшей степени, чем политики внешней (способ сокрытия неудач первой за счет преувеличения «успехов» второй). Статья не прошла незамеченной, а в том же году в своей книге «Где начинается будущее» (переведена на русский язык в 2011 г.) Клаус дал развернутую интерпретацию термина.

«Гавелизм, — писал он, — вышел из диссидентского движения, из привнесенных из эпохи коммунизма навыков, из такой степени отрицания коммунистической партии, что считал недопустимым вообще любые партии, из недоверия к политикам, из неведения в рынок (который отождествлялся с малодуховным торгашеством), из экстремальной веры в самих себя и собственную исключительность, из притязаний править страной благодаря заслугам в деле свержения коммунизма, из фактического непонимания коммунизма (а поэтому и всего, что могло после него последовать), из обществоведческого невежества, из веры в некую исключительную роль элитарной культуры и в исключительность представителей этой культуры, из отождествления России с коммунизмом (и любого современного русского с Брежневым) и т.д., и т.д.» [Клаус. Где начинается... с. 101]. Даже при первом взгляде на это определение нельзя не обратить внимание на то, что В. Клаус ухватил сущностную связь между установками внешней и внутренней политики в апологии «собственной исключительности». Позднее, в 2014 г., уже после ухода с поста президента, В. Клаус подчеркивал: «Гавелизм не был способен создать политическую программную альтернативу. Он хотел проповедовать, поучать, позволять себя прославлять. Он был способен разрушать, но ни в коем случае не созидать» [Klaus. Havel byl...]. Клаус отметил также, что Гавел «принципиально отрицал рыночную экономику, хотя, как я полагаю, лично он был ей только благодарен» [Klaus. Havel byl...]. (Действительно, в итоге рыночных реформ Гавел получил немалую долю наследства своих родителей, владевших капиталами в докоммунистический период).

Разберем достаточно меткую и в целом справедливую оценку В. Клауса подробнее.

Итак, *элемент первый*: гавелизм вышел из диссидентства и отрицания коммунистической партии. В общем это верно, однако следует добавить несколько уточнений и соображений. Прежде всего, политики из диссидентских кругов не только не стяжали однозначной поддержки у граждан своих и сопредельных стран, но и оцениваются многими с возрастающей долей критики. В Чехии это вынуждены констатировать даже апологеты Гавела — к примеру, его пресс-секретарь и советник М. Жантовский [Жантовский. Гавел... с. 460].

Кроме того, отвергаемые на уровне деклараций коммунисты «пригодились» диссиденту Гавелу не только в декабре 1989 г., в момент единогогласного избрания его главой государства коммунистическим парламентом, но и позже, когда депутаты от КПЧМ отказались, к его выгоде, от участия в голосовании в ходе выборов президента 1993 и 1998 гг. Если бы они скооперировались тогда с социал-демократами, Гавелу было бы весьма трудно занять пост главы государства, но этому всячески препятствовала Чешская социал-демократическая партия. (Такого рода маневры — неустраняемая часть того, что нами именуется чешской нанополитикой [Задорожнюк. Четверть века...].)

Гавел твердил о своем неверии не только в коммунистическую, но и в любую другую партию, апеллируя к идее «неполитической политики». А это уже признак недостаточной политической компетентности. Правда, гавелисты, особенно нынешние, в этом плане гораздо прагматичнее в конструировании межпартийных блоков и в некоторых отношениях подвергают ревизии отстраненность Гавела от партийных комбинаций. Вместе с тем, если Гавел все же находил общий язык с чехословацкими и чешскими коммунистами в поддержке своих властных амбиций, то сегодняшние гавелисты подвергли форсированному идеологическому остракизму не только коммунистов, но заодно и социал-демократов.

Второй элемент гавелизма: неверие в рынок. Сегодня инвективы Гавела о «газовом порабощении» Европы Россией дополнились требованиями его последователей приобретать американский сжиженный газ, несмотря на дороговизну. При этом чешские власти не стремятся учитывать предпочтения чехов в сфере энергетической политики — П. Фиала и его соратники предпочитают витать в эмпиреях обличения «малодуховного торгашества». Впрочем, сегодня они меньше говорят о поставках газа и нефти из России, пока еще полностью не свернутых, а больше — о поставках вооружений на Украину.

Третий элемент: вера в собственную исключительность. Она, с одной стороны, предполагает одобрение контактов с самыми самобытными персоналиями (например, такими как далай-лама или правители Саудовский Аравии) как носителями высоко значимых политических акций, а с другой — навешивание ярлыков на серьезных политических акторов внутри страны и за ее рубежами. «Исключительность» при этом выливается в избирательность в вопросах прав человека и демократических ценностей.

Четвертый элемент: противопоставление элитарной культуры (а фактически — ее носителей, нередко экзотических) некоему апатичному демосу. Это в итоге оборачивалось и оборачивается подрывом национально-культурной идентичности, против чего постоянно выступал В. Клаус. Современные гавелисты в этом плане не столь элитарны, особенно при осуществлении своих прагматически ориентированных планов в духе нанополитики [Задорожнюк. Четверть века...]. Они успешнее мимикрируют под запросы обычных граждан, призывая их быть «вместе», оставаться скромными — как это постоянно делает Фиала, а в приведенной ниже своей инаугурационной речи также новый президент Чехии П. Павел.

Наконец, *пятый* элемент — это стигматизация России, в частности через софистическое отождествление ее с коммунизмом. В том, что из этого корня выросла нынешняя русофобия значительной части чешской политической элиты, особенно рельефно проявляющаяся после парламентских выборов 2021 г., сомневаться не приходится.

Вышеупомянутый М. Жантовский резко критически отнесся к суждениям В. Клауса о гавелизме, отмечая, что тот обладал немалым даром окарикатуривания, поэтому придумывал всевозможные «-измы», которые умел «продавать» публике [Жантовский. Гавел... с. 468]. Он писал: «После поражения своей бывшей ГДП на выборах в Палату депутатов в октябре 2013 г. Клаус объяснял такой результат тем, что партия пропиталась «гавелизмом»» [Жантовский. Гавел... с. 470].

Термин «гавелизм» то появлялся, то исчезал, новым светом он засиял лишь в 2021 г. в ходе парламентской избирательной кампании. Мощные процессы, потрясавшие страну, в первую очередь пандемия коронавируса и русофобские интенции во внешней политике, усилили спрос как раз на идеологию подобного рода. Настало время для выхода на сцену обновленного гавелизма, которому в той или иной мере привержены партии, представленные в нынешнем правительстве «коалиции коалиций».

Особую роль в этом сыграл премьер-министр, лидер коалиции «Вместе», председатель праволиберальной Гражданской демократической партии П. Фиала. Нужно отметить, что под руководством этого «интеллектуала в политике» (П. Фиала — один из основателей чешского варианта политологической науки, бывший ректор Университета им. Т.Г. Масарика в Брно). ГДП обновилась именно в духе В. Гавела, а не своего основателя В. Клауса.

2 января 2022 г, накануне парламентских слушаний перед голосованием о доверии только что сформированному правительству П. Фиалы, газета «Mladá fronta dnes» (считающаяся подконтрольной А. Бабишу) задала вопрос: «Новое правительство Петра Фиалы в коалиционном соглашении обещает возродить традиции гавеловской внешней политики. Должны ли мы рукоплескать возврату назад в совершенно другой мир, мир 1990-х годов?». Отвечая на него, чешский социолог В. Войта подчеркнул: «Проблема нашей страны коренится в перманентной избирательной кампании, когда чешские политики неизбежно становятся актерами большого шоу для СМИ и для избирателей. Это политическое реалити-шоу не принимает во внимание возможное нанесение вреда международным отношениям» [Komentář: Havlovské retro...].

Можно заметить, что в программной декларации правительства П. Фиалы, в основу которой легло коалиционное соглашение, термин «гавелизм» был заменен термином ««гавеловская» внешняя политика»; при этом оба взяты в кавычки. Так, в декларации, в остальном дословно повторявшей уже процитированные в начале статьи внешнеполитические принципы коалиционного соглашения, говорилось: «...Обновим традиции **«гавеловской» внешней политики...** (выделено мной. — Э.З.)» [Dokument: Programové prohlášení...]. Изменяла ли эта терминологическая замена что-либо в со-

держании внешнеполитических установок новых чешских властей? Разумеется, нет, и об этом свидетельствовало, например, выделенное в отдельный параграф — как особо важное — обязательство подготовить до конца 2023 г. законопроект о санкциях за «грубые нарушения прав человека («закон Магнитского)» [Dokument: Programové prohlášení...].

Выступая перед депутатами, П. Фиала не только отметил это обязательство, но и сопроводил его комментарием: «Мы убеждены, что тем самым будет дан четкий сигнал относительно того, что именно наше правительство намерено делать во внешней политике. Это является и подтверждением предпринимаемых нами конкретных шагов в направлении того, что мы назвали гавеловской традицией нашей внешней политики». Фиала заявил о приверженности евроатлантизму, об ухудшении ситуации в сфере безопасности (ссылаясь при этом на «ситуацию на восточных границах Украины» и о намерении «увеличивать расходы на оборону нашей страны в соответствии с нашими обязательствами перед альянсом, чтобы они достигли двух процентов валового внутреннего продукта уже в бюджете на 2025 г.» [Žadost vlády...Fiala]. Все это вписывалось в гавеловскую традицию.

Представители оппозиционных сил — АНГ и партии «Свобода и прямая демократия» — подвергли тогда программную декларацию нового правительства жесткой предметной критике; при этом депутаты от АНГ сосредоточили внимание в основном на внутривластных, а депутаты от «Свободы и прямой демократии» — на внешнеполитических аспектах документа. Они сразу же дали понять, что голосовать за доверие кабинету не станут. Фактически они обрушились с критикой на гавеловский формат программы, подчеркивая, что она устраивает далеко не всех граждан. Так, лидер партии Томио Окамура заявил, что идеологией правящего кабинета и пробрюссельской элиты является «усечение чешского суверенитета и еще большее подчинение Брюсселю в сфере политики и экономики и Вашингтону — в военной сфере». «Редко какой стране свойственно настолько лакейское отношение к Брюсселю и НАТО, — добавил он. — Задача правительства — еще больше усилить это лакейство» [Žadost vlády... Okamura].

Разумеется, прения завершились вынесением вотума доверия правительству, поскольку партии созданной по итогам выборов 2021 г. «коалиции коалиций» располагали в Палате депутатов абсолютным большинством (108 мест из 200). (В голосовании приняли участие 193 присутствовавших на заседании депутата, за доверие высказались 106, против — 87). Одобренная в итоге программная декларация в духе гавелизма указала четкий вектор внешней политики страны, и ее разработчики тут же приняли ее к исполнению.

Немногим более года спустя курс на обновленный гавелизм был поддержан и на президентском уровне. Следует заметить, что М. Земан особым пиететом в отношении Гавела и гавелизма не отличался; кроме того, к нему в конце его президентства особо не прислушивались. А вот Петр Павел, победивший прагматика А. Бабиша во втором

туре президентских выборов 28 января 2023 г. — этот генерал в отставке, первым из бывших социалистических стран занявший высший военный пост в НАТО (председателя Военного комитета НАТО), — главной угрозой для Европы привычно называл Россию. В его инаугурационной речи 9 марта 2023 г. нет ни термина «гавелизм», ни формулировки ««гавеловская» внешняя политика». Однако тень гавелизма в этой речи незримо присутствует — в частности, в пассаже о том, что «правда снова победила!» (Лозунг Гавела: правда и любовь должны победить ложь и насилие). Остальные гавеловские слова Павел заменил другими, пообещав народу такие ценности, как «достоинство, уважение и порядочность».

«Наша страна, — провозглашал П. Павел, — средней величины с уникальным положением в центре Европы. Благодаря этому нам присущ более умеренный взгляд на мир по сравнению со странами с властными амбициями. Вот почему во внешней политике мы можем быть ярким игроком, объединяющим партнеров с подобным местоположением и мыслями. В Европе таких большинство». За этим следовали призывы помогать Украине и противостоять силе агрессии. «Мы, — сказал Павел, — должны сохранять смирение, но это не значит, что у нас нет решимости, идеи и видения. Следование им я был бы рад видеть у нас на родине и желал бы, чтобы они стали видимыми и во всем мире» [Inaugurační projev...]. «Смирение» — слово не из лексикона Гавела, а вот желание быть «видимыми» во всем мире — его.

Павел назвал неправдой утверждения о том, что чешское общество «слишком разделено». «Скорее, это мы сами привыкли больше говорить о том, что нас разделяет. Мы наталкиваемся на острые препятствия и обращаем внимание на проблемы, которые между нами вбивают клин. При этом нам нужно было бы больше говорить о том, что нас объединяет, — призывал он. — Мы управляем одной страной, говорим на одном языке. Мы жаждем безопасности, ценим свободу и демократию... Мы все граждане этой прекрасной страны» [Inaugurační projev...].

Риторика в духе все того же гавелизма, правда, не столь агрессивного, как у премьер-министра. Возможно, потому что звучавшие за год до этого заверения Фиалы оказались трудно осуществимыми, генерал проявил осмотрительную сдержанность. Но сомневаться во внешнеполитическом курсе в духе гавелизма со стороны бывшего чиновника НАТО не приходится. О трудно решаемых во внутренней политике проблемах новый президент практически не говорил.

Заверения П. Павела чехов не успокоили. 11 марта 2023 г., всего через три дня после инаугурации, в центре Праги состоялась трехчасовая многотысячная антиправительственная демонстрация, прошедшая под лозунгом «Чехия против бедности». Демонстранты несли на Вацлавской площади и прилегавших к ней улицах транспаранты: «Позор», «В отставку», «Мы хотим мира», «Стоп НАТО» и др.

Организатор акции — внепарламентская партия «Право, уважение, профессионализм», созданная в июне 2022 г. Ее лидер Й. Райхл отметил: «Мы собрались вместе,

чтобы выступить против бедности. Чтобы в нашей стране больше никогда не правили интересы наднациональных корпораций, чтобы нас возглавляло правительство, для которого приоритетными станут интересы граждан Чешской Республики» [Mlčet nebudeme...].

* * *

Так что же такое гавелизм сегодня, когда Чешская Республика вступила в четвертое десятилетие своей истории? По нашему мнению, он сводится, с одной стороны, к сочетанию русофобской интенции во внешней политике с апелляциями к абстрактным ценностям, а с другой — к изощренному манипулированию во внутренней политике при отстраненности от решения конкретных проблем реального социума. Это двуединство характерно как для самого В. Гавела, так и для гавелистов в прошлом и настоящем. Без церемониальных поклонов Гавелу не обходится большинство чешских политиков; более того, гавелизм — стиль, который восприняли и политики Европы. Это элементы драмы абсурда и даже политического шутовства; они просматривались в активности Б. Джонсона, а сегодня видны, например, у Э. Макрона или лидера Партии зеленых в Германии А. Бербок.

Такой стиль проявился, кроме прочего, в поиске самых изощренных способов противостояния Российской Федерации. Сам В. Гавел, по свидетельству М. Жантовского и других приверженцев и почитателей, Россию признавал, но по-своему — артистически и политико-абсурдистски. «Гавел любил Россию, но никогда не относился к ней с сентиментальностью... Путину и его «управляемой демократии» он не доверял и сомневался, что стоит заискивать перед Россией в надежде, что это поможет налаживанию дружеских отношений», — конкретизирует автор [Жантовский. Гавел... с. 383]. Но как раз такая русофобская «любовь», по мнению столь разных людей, как словенский философ-неомарксист С. Жижек, американский психолингвист и анархо-синдикалист Н. Чомский или британский журналист Т. Джадт, не убеждает. Не случайно они называли Гавела «полезным идиотом» американского империализма [Жантовский. Гавел... с. 500].

В духе гавелизма было выстроено председательство Чехии в Европейском союзе во второй половине 2022 г., сопровождаемое призывами преодолеть «антиевропейские» (антибрюссельские) сомнения и активно обороняться от кремлевской угрозы. Постоянно звучали лозунги о борьбе против агрессии России на Украине. Обосновывалась необходимость ускоренно не только достичь планки военных расходов в 2%, но и превысить ее. Приводить подобного рода заявления премьер-министра и членов его кабинета — все равно что лишний раз перечитывать русофобские эскапады В. Гавела.

Во внутренней же политике линия правительства современных гавелистов характеризуется неопределенностью в обеспечении темпов экономического роста «чешского капитализма». Исторически он был в значительной мере социально ориентированным, и чрезмерные упования на полную свободу рынка здесь не всегда оказывались кон-

структивными. Поэтому, хотя многие представители политической элиты Чехии клянутся именем Гавела, с экономическими трудностями они справляются нелегко. Время от времени на улицах Праги и других городов Чехии появляются плакаты с призывом «Верните Бабиша». Приверженцы гавелизма не могут не догадываться, что их клятвы для многих рядовых чехов звучат как пустые декларации.

Отсутствие же левой альтернативы, столь утешившее правящую элиту, лишь усугубляет ситуацию. Сам В. Гавел допускал признание некоторых идей социал-демократического толка, сегодняшние же гавелисты последовательны в их отвержении за «грехопадение» социал-демократов — их вхождение в правительство А. Бабиша.

В силу этой и ряда других причин уже лето и осень первого года четвертого десятилетия Чешской Республики окажутся непростыми для ее граждан, со все большей критичностью оценивающих обновленный гавелизм.

Литература

Беляев И. Вацлав Гавел: Жизнь в истории. М. 2020.

Жантовский М. Гавел. Перевод с чешского. М. 2021. С.383, 460. 468-469, 470, 500.

Задорожнюк Э.Г. Внешнеполитические приоритеты чешских парламентских партий (по итогам выборов 2017 года) // Славянский мир в третьем тысячелетии. М. 2018. Т. 13. № 1–2. С. 144–159.

Задорожнюк Э.Г. Четверть века политической истории Чехии: стабильность через «осмотрительную» нанополитику //Перспективы. Электронный журнал. 2020. № 3 (23). С. 81–95. — URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/1a3/3_2020_1_81_95.pdf (дата обращения: 09.02.2022).

Задорожнюк Э.Г. Вацлав Гавел, Россия и НАТО //Перспективы. Электронный журнал. 2020. № 4 / 2021. № 1. С. 166–180. — URL:http://perspektivy.info/upload/iblock/23e/4_01_2021_10_166_180.pdf (дата обращения: 09.02.2022).

Земанек Л. Перестройка или катастрофка? Радикализация чешской либеральной политики в международном контексте // Перспективы. Электронный журнал. 2022. № 3. С. 67–79. DOI 10.32726/2411-3417-2022-3-67-79. — URL: https://www.perspektivy.info/upload/iblock/6de/3_2022_67_79.pdf (дата обращения: 22.02.2023).

Клаус В. Где начинается будущее. М. 2011. С. 101.

Dokument: Vánoční poselství prezidenta republiky Miloše Zemana. iDNES. 26.12.2022. — URL:idnes.cz/zpravy/domaci/dokument-vanocni-poselstvi-prezidenta-republiky-milose-zemana.A221226_132848_domaci_jan (date of access: 12.01.2023).

Dokument: Programové prohlášení vlády Petra Fialy. iDNES. 01.01.2023. — URL: idnes.cz/zpravy/domaci/programove-prohlaseni-vlady-petra-fialy.A220107_113254_domaci_jan9#space-a (date of access: 11.01.2022).

Inaugurační projev nového prezidenta Petra Pavla. Ceskatelevize. 9.03.2023. — URL: ceskatelevize.cz/2687429-projev_inaugurace.pdf (date of access: 12.03.2023).

Keane J. Vaclav Havel. A Political tragedy in six acts. London, 1999.

Klaus V. Vyprázdněná politika je příležitost pro «havlismus». iDNES. 16.11.2009. — URL:idnes.cz.

- cz/zpravy/domaci/vyprazdnena-politika-je-prilezitest-pro-havlistmus-rika-vaclav-klaus. A091115_200740_domaci-vel (date of access: 04.12.2021).
- Klaus V. Havel byl vlastně reformní komunista. Zpravy. iDNES. 01.11.2014. — URL: zpravy.idnes.cz/rozhovor-klaus-havel-byl-reformni-komunista-f39-/domaci.aspx?A141031_173934_domaci_wlk (date of access: 09.02.2022).
- Koaliční smlouva. 2021-2025. KDH.8.11.2021. — URL: kdu.cz/getattachment/spolu21/koalicni-smlouva-a-program/spolu-pirstan-koalicni-smlouva.pdf.aspx (date of access: 15.11.2021).
- Komentář: Havlovské retro a dobrý pocit. Co z toho Česko bude mít doopravdy. iDNES. 02.01.2022. — URL: idnes.cz/zpravy/domaci/vlada-fiala-premier-havel-zahranicni-politika-vojta-komentar. A211216_165013_domaci_mkop (date of access: 14.01.2022).
- Komentář: Návrat k Havlovi, či fraška? Zahraniční politika nové vlády s otazníky. iDNES. 15.11.2021. — URL: idnes.cz/zpravy/domaci/komentar-drulak-havel-havlistmus-zahranicni-politika-vlada.A211114_171036_domaci_albe (date of access: 28.11.2021).
- Mlčet nebudeme, přitvrdíme, hrozily vládě na Václavském náměstí tisíce lidí. iDNES. 11 března 2023. — URL: idnes.cz/zpravy/domaci/demonstrace-vaclavske-namesti-cesko-proti-bide-strana-pro.A230311_140707_domaci_idvs (date of access: 14.03.2023).
- Petr Fiala: Novoroční projev předsedy vlády. 01.01.2023. — URL: pfiala.cz/actualita/23907/ (date of access:20.01.2023).
- Politický dlouhodobý program SPD. SPD. 2022. URL:spd.cz.(date of access:21.07.2022).
- Profesor Drulák: Havla stvořily USA. Fialův havlistmus? Zle dopadnou. Parlamentní listy. 15.11.2021. — URL: parlamentnilisty.cz/arena/monitor/Profesor-Drulak-Havla-stvorily-USA-Fialuv-havlistmus-Zle-dopadnou-683558 (date of access: 5.12.2021).
- Volby do Poslanecké sněmovny Parlamentu České republiky konane ve dnech 8-9.10.2021 // Český statistický úřad. — URL: volby.cz/pls/ps2021/ps?xjazyk=CZ (date of access: 13.11.2021).
- Žadost vlády České republiky o vyslovení důvěry.12.01.2022 // Parlament České republiky. Poslanecká sněmovna. 2021 — Stenoprotokoly. Stenografický zápis 6. schůze, 12 ledna 2022. PSP. 12.01..2022. — URL:psp.cz/eknih/2021ps/stenprot/006schuz/s006035.htm– Fiala (date of access: 28.02.2022).
- Žadost vlády České republiky o vyslovení důvěry. 12.01.2022 // Parlament České republiky. Poslanecká sněmovna. 2021 — Stenoprotokoly. Stenografický zápis 6. schůze, 12 ledna 2022. PSP. 12.01.2022. — URL:psp.cz/eknih/2021ps/stenprot/006schuz/s006046.htm — Okamura (date of access28.02.2022).

АМЕРИКАНСКИЕ ДОСЬЕ

DOI 10.32726/2411-3417-2023-1-74-91

УДК 314/316; 323/324; 94

НАТАЛЬЯ ТРАВКИНА

Нарастающий кризис американской семьи

Аннотация. В статье анализируются тенденции нарастающего кризиса института семьи в современном американском обществе. Эволюция семейных отношений на протяжении последних 70 лет прослеживается как последовательный отход от модели «идеальной» многодетной семьи, возглавляемой двумя родителями, в направлении бездетных семей и семей с родителями-одиночками. В 1970-е годы основную роль в этой эволюции сыграли социально-экономические факторы, однако впоследствии «отходу от брака» был придан статус «новой нормальности» экстремистской гендерной идеологией, которая казуистически подменила биологическое понятие пола социально детерминированной категорией гендера.

Ключевые слова: нуклеарная семья, поколение «бэби-бумеров», демография, коэффициент рождаемости, семейные ценности, женская рабочая сила, индивидуализм, гендерная идеология, изменение функции семьи, однополая семья, брак и религия.

Преобразование США после Второй мировой войны в глобализирующуюся сверхдержаву, военно-техническое, политико-идеологическое и социально-экономическое соперничество с СССР предопределили активное использование «картинок» американского образа жизни, тиражируемых по всему миру американскими средствами массовой информации. Пропагандирование ценностей и атрибутов американского образа жизни получило название «мягкая сила». И эта сила прекрасно работала, поскольку в первые послевоенные десятилетия Америка, на территорию которой в прямом смысле не упало ни одной бомбы или снаряда и которая вышла из Второй мировой войны с окрепшей экономикой, демонстрировала населению европейских стран, жившему в условиях послевоенных лишений и трудностей, самый высокий жизненный уровень.

В 1950-е годы США стали постепенно смещать фокус идейного противостояния двух противоположных социально-экономических систем с «военных технологий на современные предметы повседневного быта, то есть в сферу безусловного американского превосходства» [Castilli, p. VIII]. Как указывал в этой связи голландско-британский исследователь, проф. Лейденского университета (Нидерланды) Дж. Скотт-Смит, на определенном этапе соперничества между СССР и США «культура повседневной жизни

Сведения об авторе: ТРАВКИНА Наталья Михайловна — главный научный сотрудник, руководитель Центра внутривнутриполитических исследований Института США и Канады РАН, доктор политических наук, uspolitika@gmail.com.

стала основным полем сражения между различными идеологиями капитализма и коммунизма» [Scott-Smith, p. 28].

Идиллическая американская семья 1950-х годов

В 1950-е годы на фронте «бытовой холодной войны», пожалуй, самым завораживающим был мыслеобраз собственного дома или коттеджа в пригороде крупного американского города. Отец обитавшего в этом доме многодетного семейства неустанно трудился, обеспечивая неуклонный рост семейного благополучия и счастья, а мать — «профессиональная» домохозяйка — не покладая рук отдавала все свои силы, знания и женские таланты воспитанию подрастающего поколения, видя в этом свое предназначение и смысл жизни. Эта идиллическая картина была даже не столько ориентирована вовне США, сколько воплощала идеал и цель социально-экономического развития американского общества.

Как указывают в этой связи американские историки и социологи, в 1950-е годы «американское общество пронизывало чувство единообразия». Оно проистекало из стремления к стабильности после потрясений Великой депрессии и жертв, понесенных в ходе Второй мировой войны. В послевоенное десятилетие наметился возврат к традиционным ценностям, в рамках которого основным социальным институтом выступили семья и семейные отношения. Именно в системе семейных отношений мужчины выполняли роль кормильцев, а женщины, даже если они и работали, считали своим предназначением дом. В тот период широкое распространение телевидения «способствовало утверждению в американском обществе конформизма как господствующей нормы общественной жизни; при этом телевидение стало форумом для молодых и старших американских поколений, где они могли приобщиться к возможности получить универсальный опыт бытовой жизни, отражающий общепринятые социальные модели» [The Culture...].

Стремление обеспечить экономическую безопасность, исходя из хорошо известного англосаксонского принципа «мой дом — моя крепость», который в свое время нашел воплощение в 14-й поправке к Конституции США [Hafetz, p. 175], породило в Америке 1950-х годов не только стремление иметь собственное домовладение, но и феномен так называемых нуклеарных семей, т. е. супружеских пар (разумеется, гетеросексуальных) и их детей. Идиллическая модель семейных отношений в эти годы опиралась не только на устойчивый экономический рост, но и на принципиально новое содержание семейных отношений. Как подчеркивают американские социологи, родители стали уделять самое пристальное внимание воспитанию детей, а «дети впервые стали эмоциональным, а не экономическим активом, они стали центром семьи». Более того, родители начали вплотную изучать психологию и физиологию развития своих детей, с тем чтобы «они стали успешными во взрослой жизни. Детство впервые превратилось в особенный период в жизни подрастающего поколения» [The Evolution of American...].

Период с 1946 по 1964 г. прочно вошел в историю США как время появления в американском обществе поколения бэби-бумеров, когда американцы в прямом смысле были заняты «производством детей», как одной из важнейших социально-экономических целей своей жизни. В 1946 г. в США родилось 3,4 млн младенцев — рекордный показатель за всю предыдущую американскую историю. На протяжении последующих 18 лет ежегодно рождалось от 3 до 4 млн человек [Smith]. Всего с 1946 по 1964 г. в США на свет появилось 76 млн детей — это был самый высокий показатель рождаемости за всю предыдущую и последующую историю страны в расчете на примерно равные отрезки исторического времени [Fry].

Кроме того, в 1960 г. в США был зафиксирован рекордный после 1940 г. суммарный коэффициент рождаемости, равный 3,58 ребенка, который показывает количество детей, рожденных в среднем женщиной в детородном возрасте (от 15 до 49 лет) [O'Neill]. В дальнейшем он неуклонно снижался до отметки 2,03 ребенка в 1975 г., и с тех пор достаточно устойчиво находился на этом уровне и даже ниже.

Американские демографы и социологи отмечают, что представители поколения бэби-бумеров, рожденные в «идиллических семьях» в первые два послевоенные десятилетия, имеют ряд отличительных социокультурных черт. Среди них выделяются такие особенности, как ориентация на семейные ценности и наличие сравнительно большого числа друзей и знакомых. Представители этого поколения — целеустремленные, уверенные в своих силах и способностях люди. Модель идиллической семьи способствовала тому, что бэби-бумеры были воспитаны на идее осуществимости «американской мечты». Помимо этого, они люди творческие и изобретательные, поскольку первые послевоенные десятилетия прошли в США под знаменем великих научно-технических достижений, включая овладение ядерной энергией, начало освоения космического пространства, создание многих прототипов современных изобретений и видов техники, в том числе компьютеров и реактивной авиации [Smith].

Вместе с тем модель идиллической семьи породила ряд проблем, главной из которых следует считать консервацию ролевого поведения девочек и девушек в семейных отношениях. Им следовало проживать со своими родителями до замужества, а затем они «должны были стать домохозяйками, а не образованными профессионалами в какой-либо сфере» [The Evolution of American...].

Нельзя не отметить, что хотя модель идиллической нуклеарной семьи по определению служила идеалом, реальность далеко не в полной мере этому идеалу соответствовала. Социально-экономическое наследие 1930-х и 1940-х годов давало о себе знать. Оно, в частности, выразилось в том, что «менее 60% американских детей в 1950-х годах жили в нуклеарных семьях: отец — кормилец, мать — домохозяйка. Более того, многие семьи жили в нищете, так как уровень бедности тогда был почти в два раза выше, чем в последующие десятилетия. Высоким оставался и уровень подростковой беременности, хотя большинство беременных молодых женщин выходило замуж именно по причине беременности. В 1950-е годы также не очень

афишировались факты широко распространенного алкоголизма и насилия в семьях» [Sociology, p. 554].

Доля семейных пар с детьми до 18 лет в общем количестве семей достигла своего максимального значения в 1960 г., когда она составила 44,3%. Следует подчеркнуть, что эта доля оставалась примерно на данном уровне на протяжении предыдущих 20 лет; в частности, в 1940 г. она составляла 42,9%. Однако в 1980 г. она опустилась до 30,7%, а в 2020 г. составила 20,2% [Jacobsen, p. 3]. Модель идиллической семьи, при всей ее привлекательности и неотразимости, оказалась неустойчивой, что породило дебаты среди американских социологов, экономистов и демографов о глубинных причинах ее недостатков и уязвимых черт.

Большая часть экспертов и аналитиков сошлись во мнении, что основными факторами, способствовавшими фундаментальному изменению отношения американцев к «производству детей» как основной целевой функции семейных отношений в 1960-е и 1970-е годы, явились экономические причины. Три экономических кризиса (1969–1970 гг., 1973–1975 гг. и 1980 г.) в сочетании с аномальным периодом стагфляции, когда показатели годовой инфляции, измеряемой индексом потребительских цен, составили в период с 1970 по 1980 г. в среднем почти 8,0%, и уровнем безработицы в 6,5% [Рассчитано по: Amadeo], привели к тому, что темпы роста цен на жилье и стоимость высшего образования стали превышать темпы роста реальных доходов большей части рабочей силы, в том числе кормильцев семьи. Реальные средние годовые доходы американских семей с конца 1960-х годов по начало 1980-х годов стагнировали, оставаясь на уровне примерно 60 тыс. долл. (в постоянных ценах 2012 г.) [Chartbook...], в то время как средняя стоимость покупки нового дома (коттеджа) возросла (с учетом инфляции) со 147 тыс. долл. в 1970 г. до 211 тыс. долл. в 1979 г., или почти в 1,5 раза [Csiszar]. Еще более быстрыми темпами росла стоимость получения высшего образования, которая в целом по США в период с 1969–1970 гг. по 1979–1980 гг. выросла почти в два раза — с 2,6 тыс. в год до 5,0 тыс. долл. в год [Hanson].

Эти дисбалансы обернулись тем, что женщины стали все активнее выходить на рынок труда — естественно, за счет снижения рождаемости и замещения времени, проводимого дома. Вплоть до середины 1950-х годов доля женщин в составе рабочей силы США не превышала 35%, однако к середине следующего десятилетия она достигла отметки 40%, а к середине 1970-х годов, в период глубокого социально-экономического кризиса 1973–1975 г., вышла на уровень 45%. К концу 1970-х годов доля женской рабочей силы стала устойчиво превышать 50%, на рубеже XX и XXI в. достигла отметки в 60%, затем начала снижаться и в начале 2020-х годов устойчиво составляла 56–57% от общей численности занятых [Labor Force...].

В 1990-е годы, когда модель идиллической семьи постепенно сошла на нет, среди американских социологов развернулась дискуссия о том, в какой степени специфика семейных отношений в американском обществе в 1950-е годы была реальной, хотя и не достижимой полностью, моделью, а в какой — аномальным явлением, ставшим

следствием исключительно политических и социально-экономических потрясений первой половины XX в. Известный социолог, специалист по семейным отношениям проф. А. Школьник утверждала, что идиллическая семья 1950-х годов была отнюдь не венцом «семейной нормальности, от которой все последующие тенденции — это отклонение; скорее, наоборот: девиантной явилась сама семейная модель 1950-х годов» [Skolnick, pp. 51–51]. Другой видный специалист по институту семьи, С. Кунц, заняла более уклончивую позицию, считая, что в эволюции семейных отношений в американском обществе не просматривается ярко выраженных закономерностей, поскольку «американские семьи всегда были разнообразными, и модель «мужчина — добытчик, женщина — домохозяйка», т. е. идеал нуклеарной семьи, который у большинства людей ассоциируется с традиционной семьей, преобладала лишь на протяжении небольшой части американской истории» [Coontz, p. 11].

Все последующие дискуссии и изыскания американских социологов, демографов и политологов на темы кризиса института семьи и семейных ценностей проходили и проходят в разрезе этих двух основных точек зрения на эволюцию семейных отношений в Америке.

Кризис американской семьи: масштабы и симптоматика

Видный американский социолог, проф. Калифорнийского университета (во Фресно) Дж. Рэнделс в своей основополагающей статье для Энциклопедии семейных исследований о кризисе семьи в США достаточно рельефно определила его истоки. По ее мнению, кризис проистекает от того, что «большинство американцев в настоящее время не следуют традиционным моделям формирования семьи, ставящим брак на всю жизнь в центр семейной и общественной жизни. В подрыве брака как социального института прежде всего обвиняется чрезмерный индивидуализм». Иными словами, в американском обществе на протяжении длительного периода накапливалось действие множества факторов, которые привели к отклонению от модели «идеальных» семейных отношений.

Этой точке зрения, которую в США иногда называют ностальгической, противопоставят многочисленные гендерные теории и модели семейных отношений, исходящие из представлений о закономерной прогрессивной эволюции института семьи, выражающейся в том, что «американцы теперь женятся в более старшем возрасте, рожают больше внебрачных детей, чаще разводятся и вступают в повторный брак и с большей вероятностью живут в приемной семье» [Randels]. Разделяющие эти концепции эксперты оспаривают мнение, что Соединенные Штаты переживают острый кризис семьи, утверждая при этом, что брак не ухудшается, а просто меняется, «чтобы приспособиться к изменению гендерных ролей, экономической реструктуризации и растущему социальному приятию различных форм семьи, в том числе семей с одним родителем и однополых семей» [Randels]. После потрясений 1970-х годов, которые нанесли колоссальный удар по модели идиллической семьи, в США все большую роль стала играть гендерная идеология, поборники которой начали целенаправленно бороться

с системой семейных «ценностей и привязанностей 1960-х годов», пытаюсь при этом возродить модели, характерные для первых десятилетий XX в. Как указывали в этой связи в середине 1980-х годов американские психологи К. Ньюбергер, Л. Мелникоэ и Э. Ньюбергер, тенденции в изменении института американской семьи, обозначившиеся в 1980-е годы, представляли собой продолжение тенденций, прерванных Второй мировой войной: «Если мы сравним нашу семейную модель с формой семейных отношений наших родителей, то эти различия будут колоссальными, но если мы будем сравнивать нашу семейную модель с семейной моделью наших бабушек и дедушек, то эти отличия не будут носить столь драматичного характера» [Newberger, p. 674].

В 2022 г. официальная американская статистика насчитывала немногим более 84 млн семей; при этом за предыдущие 10 лет их численность увеличилась сравнительно ненамного (80,5 млн семей в 2012 г.) [Duffin. Number of families...]. Средний численный состав американской семьи в 2022 г. составил 3,13 человека, и на этом уровне этот показатель находится примерно с конца 1980-х годов (в 1989 г. — 3,16) [Duffin. Average number...]. В 2018 г. в среднем на одну американскую семью приходилось 1,73 ребенка, в то время как в 1960 г. — на пике эпохи «производства детей» — 3,62 ребенка [Population Connection...]. Таким образом, за последние 60 лет численность детей в расчете на одну семью уменьшилась в два раза, что очевидным образом свидетельствует о кризисе репродукционной функции института семьи.

Кардинальное изменение назначения семьи может быть подкреплено и данными о доле в распределении бездетных семей и семей с детьми. В 2022 г. почти 60%, или 50,3 млн, американских семей не имели детей; немногим более 17%, или 14,5 млн, семей имели всего одного ребенка в возрасте до 18 лет; почти 15%, или 12,5 млн, семей имели двух детей, и немногим более 6%, или 7,0 млн, семей имели трех и более детей [Duffin. Number of families...].

Фундаментальная причина доминирования бездетных семей в современном американском обществе кроется в том, что на протяжении последних нескольких десятилетий претерпело изменение отношение американцев к браку как основной форме социальной жизни взрослого населения. Согласно данным социологической службы «Пью Рисерч Сентер», если в 1990 г. 67% взрослого населения США в возрасте от 25 до 54 лет жило в браке, то спустя 30 лет — в 2019 г. — эта доля сократилась до 53%. Соответственно, увеличилась доля незамужних женщин и неженатых мужчин (с 29 до 38%), а также доля мужчин и женщин, находящихся в гражданском браке (возросла за этот период более чем в два раза — с 4 до 9%) [Fry, Parker].

Отношение к браку осложняется и ростом количества американцев, живущих в однополых семьях. Согласно официальной статистике, в 2021 г. в США насчитывалось 1,2 млн однополых семей, при этом 710 тыс. пар официально зарегистрировали свои отношения, в то время как 500 тыс. семей жили «гражданским браком». На протяжении последних 15 лет количество однополых семей увеличивалось взрывными темпами; в частности, в 2008 г. в США насчитывалось всего 540 тыс. семей подобного рода [Ring].

В США также нарастают настроения трактовать брак как отмирающий атрибут, который вступил в острые противоречия с требованиями и спецификой социальной жизни современного общества. В настоящее время подобного рода взглядов придерживается 26% американцев [Сох, р. 4].

Следует указать еще на один фактор ослабления семейных уз в современном американском обществе. Специфика института семьи традиционно состояла в том, что брак был освящен религией, главным образом в христианстве, которое считало создание семьи и последующее рождение детей реализацией христианских заповедей. Как отмечал в свое время видный американский социолог К. Хитон, «ни один социальный институт не имеет более тесных связей с религией, чем семья» [Heaton, Goodman, p. 343]. Американские исследователи считают, что важнейшим цементирующим фактором модели идиллической семьи выступала именно религия — вернее, тот факт, что супруги придерживались одной веры. В частности, до начала 1970-х годов 81% вступавших в брак в США имели одну религию, тогда как в настоящее время таковых лишь немногим более половины — 52%. Стремительно выросла доля светских браков, увеличившись за полвека более чем в пять раз — с 3 до 16%. [Сох, pp. 6–7].

Фактически хранителями «семейных очагов» в современном американском обществе выступают только «ортодоксальные» религиозные конфессии, такие как мормоны (87% супружеских пар которых имеют аналогичные религиозные верования), протестанты-евангелисты (83%), протестанты (72%), католики (65%) и иудеи (59%) [Сох, р.6]. На протяжении последних десятилетий в США был запущен межпоколенческий механизм разрушения института семьи и семейных ценностей, в рамках которого секуляризация брачных отношений оборачивалась падением интереса родителей к религиозному воспитанию своих детей. Это приводило к тому, что новое поколение американцев все в большей степени воспринимало институт семьи как «рудимент и пережиток» прошлых исторических периодов. Как указывает в этой связи политолог и социолог Д. Кокс, «межрелигиозные союзы стали более распространенными, однако они привели к более низкому уровню религиозности как таковой. Американцы в религиозно смешанных браках демонстрируют меньшую религиозную активность, чем в семьях с аналогичными религиозными верованиями» [Сох, р.6].

Согласно данным социологических обследований, 44% американских семей с супругами одного вероисповедания посещают церковные службы по меньшей мере один раз в неделю, в то время как 81% семей, заключивших светские браки, никогда не посещают церковных служб, и только 1% подобного рода семей посещают церковные службы один раз в неделю [Сох, pp. 6–7]. В итоге в США религиозные семьи «воспроизводят» религиозно настроенное потомство, в то время как семьи, не причисляющие себя к верующим американцам, порождают атеистов и агностиков, причем в разных пропорциях. В настоящее время у 63% верующих американцев в возрасте от 13 до 17 лет доля верующих родителей составляет 72%, в то время как у 36% подростков этого возраста, считающих себя атеистами, доля родителей-агностиков составляет 24% [U.S. teens... p. 30]. Иными словами, пропорция между верующими и неверующими меняется в пользу последних.

Одним из наиболее острых проявлений кризиса института семьи в современном американском обществе явился взрывной рост числа детей, рожденных вне брака. В частности, в начале 1960-х годов в США вне брака рождалось примерно 7–8% от общего числа младенцев, однако уже к началу 1970-х годов доля внебрачных детей удвоилась [VerBruggen R.]. К XXI в. вне брака рождалась уже треть всех американцев, а в самый разгар финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг. их доля возросла до 40% и с тех пор устойчиво находится на этой отметке [Michas]. В абсолютном выражении в 2021 г. из общего числа 3,7 млн новорожденных американцев 1,5 млн появились на свет вне брака [Births... pp. 21, 27]. В целом по состоянию на 2021 г. из общего числа в 75 млн детей и подростков в возрасте младше 18 лет [Duffin. Number of children...] порядка 22 млн человек, или 30%, проживало в неполных семьях или вообще без родителей [Davidson].

Исследования американских психологов и психотерапевтов убедительно свидетельствуют о том, что «дети из неполных семей чаще сталкиваются с эмоциональными и поведенческими проблемами, такими как агрессия или рискованное поведение, по сравнению со сверстниками, выросшими в семьях с двумя родителями. Научные исследования также связывают медицинские проблемы детей этой категории с такими факторами, как родительский стресс, потеря социальных связей, предрасположенность к конфликтам, частая смена мест проживания и хронические социально-экономические трудности» [Child Well-Being...]. Можно отметить, что в настоящее время, особенно на фоне коронавирусной пандемии, психическое состояние подрастающего поколения американцев является самой острой проблемой для их родителей. Такой точки зрения придерживалось 40% опрошенных социологами исследовательской организации «Пью Рисерч Сентер» [Minkin, Horowitz, p. 5].

В порочном круге бедности

Итогом развала нуклеарной семьи и семейных отношений в современном американском обществе стали семьи, в которых дети проживают с одним родителем, будь то мать или отец. В настоящее время в США насчитывается около 11 млн таких семей, при этом 80% из них (или 8,8 млн) возглавляются матерями-одиночками, а 20% (2,2 млн) — отцами-одиночками. По состоянию на 2019 г., США занимали первое место среди 130 стран мира по численности детей, проживающих в семьях с одним родителем (23%) [Kramer].

Принципиально важно, что данный феномен является порождением моделей семейных отношений и социально-экономических условий, сформировавшихся в последние 40 лет. Если говорить о матерях-одиночках, более 60% из них родились в 1981 г. и позже; еще 36% — женщины, родившиеся в период с 1965 по 1980 г. [Davidson], т. е. тогда, когда в Америке закончилась эпоха идиллической семьи и «производства детей». Примерно аналогичная картина прослеживается и в случае отцов-одиночек, хотя в этой группе доминируют мужчины, родившиеся в 1965–1980 гг. (их доля составляет почти 50%) [ibidem].

Значительная часть семей во главе с родителями-одиночками — это многодетные семьи. В частности, 46% матерей-одиночек и почти 37% отцов-одиночек воспитывают двух и более детей [Davidson]. Статистические данные говорят также о том, что решающую роль при формировании неполной семьи играет отношение к браку и семейной жизни как таковым. Больше половины матерей-одиночек (52,3%) никогда не были замужем, почти 30% разведены, почти в 15% случаев мать с детьми проживают отдельно от отца и только в 4% случаев одинокая семья возглавляется вдовой [Ibidem]. Среди отцов-одиночек никогда не женились 41,1%, разведены 38%, раздельно с женой проживают около 17%, и только 4,3% — вдовцы [Ibidem].

Систематические обследования неполных семей показывают, что их материальное положение имеет тенденцию к относительному и абсолютному ухудшению, особенно в сравнении с нуклеарными семьями. Такого рода семьи сравнительно быстро оказываются в порочном круге социально-экономических лишений. Хронические материальные затруднения, в свою очередь, ведут к воспроизводству новых поколений, которые воспринимают неполные семьи как данность и норму, имеющую, как это ни парадоксально звучит, свои достоинства.

По мнению некоторых американских социологов, к числу таких положительных сторон могут быть отнесены более тесные связи отца или матери-одиночки со своими детьми, поскольку по определению о них больше некому заботиться. В многодетных семьях одиночек старшие братья и/или сестры нередко с ранних лет вынуждены помогать своему родителю заботиться о младших членах семьи и быстрее усваивают круг семейных обязанностей. Дети с раннего возраста приучаются переносить трудности и при прочих равных условиях оказываются лучше приспособленными к взрослой жизни, «лучше справляются с разочарованиями и эмоциональными потрясениями» [Brennan].

Тем не менее неполные семьи «постоянно рискуют оказаться «в тройном капкане: дефицита ресурсов, безработицы и недостаточной государственной поддержки» [Maldonado, Nieuwenhuis, p. 305].

Обобщенным показателем социально-экономического положения неполных семей является их доля среди американцев, живущих на доходы ниже официального уровня бедности. В 2021 г. к таковым относилось 8,8% американских семей; при этом среди семей с двумя родителями доля бедных составляла всего 4,8%, среди неполных семей во главе с мужчиной — 12%, а среди неполных семей во главе с женщиной — 23% [Poverty in the United States... p. 8].

Применительно к последним широко распространенная бедность часто была следствием безработицы — порядка 30% матерей-одиночек не имели работы в течение года. Треть неполных семей во главе с женщиной тратит больше половины доходов на оплату жилищных услуг; из всех бездомных семей в США на матерей-одиночек с детьми приходится свыше 60%. [Single Mother Statistics]. Около 25% неполных семей,

возглавляемых женщиной, ведут полуголодное существование, полагаясь на продовольственные талоны, получаемые по линии федеральной программы социального вспомоществования. В настоящее время 62% таких семей получают подобную продовольственную помощь. Немногим более 30% охвачены государственной программой медицинской помощи малоимущим семьям [Ibidem]. В таких условиях у матерей-одиночек не остается средств и возможностей для повышения своего образовательного и квалификационного уровня. 14% из них не имеют законченного среднего образования, и всего порядка 35% имеют высшее и неполное высшее образование [Ibidem].

Таким образом, большая часть неполных семей оказывается в порочном круге бедности, когда абсолютная или относительная нехватка всех видов жизненно необходимых материальных благ лишает родителей-одиночек доступа к лифтам вертикальной мобильности, основанным на росте образовательного и профессионально-квалификационного уровня.

Коронавирусная пандемия в 2020–2022 гг. создала дополнительные социально-экономические барьеры как для образования новых, так и для роста благосостояния имеющих семей, особенно неполных. Ее непосредственным эффектом явилось закрытие тысяч детских садов и яслей во всех штатах, а также свертывание иных программ поддержки семей с детьми в возрасте до 3 лет. Если средняя годовая стоимость пребывания малыша в детском учреждении к началу 2020 г. составляла немногим более 10 тыс. долл., или примерно 10% доходов семей с двумя родителями и 35% доходов неполных семей [Demanding Change... p. 41]., то к концу 2022 г. она возросла в два раза, не в последнюю очередь из-за рекордно высокой инфляции. [Melillo]. Согласно расчетам аналитиков, потери для американской экономики от растущей стоимости содержания в детских учреждениях увеличились с 2018 по 2022 г. вдвое и достигли 122 млрд долл., из которых 78 млрд пришлось на долю родителей, вынужденных пожертвовать заработками, перспективами служебного роста и даже рабочими местами ради заботы о своем малолетнем потомстве в домашних условиях [\$122 Billion... p. 03].

Стратификационная модель прогрессирующего распада семьи и семейных отношений

В середине 2010-х годов авторитетные американские экономисты — проф. Калифорнийского университета в г. Санта Барбара Ш. Лундберг и Р. Поллак — выдвинули обобщенную экономическую модель прогрессирующего распада семейных отношений, основанную на соотношении издержек и выгод сохранения семьи по сравнению с другими формами взаимоотношений мужчин и женщин, в том числе и в сфере деторождения. Их теоретическую модель семейных отношений можно охарактеризовать как «социально-стратифицированную»; ее смысл сводится к тому, что семейные отношения в классической форме нукlearной семьи присущи преимущественно экономически благополучным социальным группам и слоям, так сказать — элите, в то время как девиантные формы — неполные и бездетные семьи — являются уделом сравнительно малообеспеченных слоев общества и деградирующего американского среднего класса.

В интерпретации американских экономистов, «традиционные модели супружеской жизни и деторождения становятся частью жизни высокообразованных американцев, в то время как разводы и внебрачные дети становятся делом лиц, не имеющих высшего образования. Для выпускников колледжей более частое совместное проживание является частью стратегии отсроченных браков и деторождения на время получения высшего образования, чему также способствовали контроль над рождаемостью и изменение в социальных нормах, касающихся добрачного секса. Для остальных социальных групп сожителство стало прямой заменой брака» [Lundberg, Pollak, Stearns, pp. 5–6]. Рассмотренная выше модель нуклеарной семьи 1950-х годов базировалась на том, что «брак рассматривался преимущественно как пожизненный союз между мужчиной и женщиной, в рамках которого муж обеспечивал доход от работы вне дома, а жена занималась исключительно домашним хозяйством, включая готовку еды, уборку и уход за детьми. Разводы были дорогостоящими и редкими, а на «жизнь во грехе» и производство «незаконнорожденных» детей было наложено жесткое социальное табу» [ibidem, p. 6]. Семья, понимаемая как наличие домовладения и детей, считалась благом для обоих родителей, независимо от их образовательного уровня и роли в росте семейного благосостояния.

Можно указать на интересный факт, связанный с особенностями формирования семей в первые послевоенные десятилетия. В тот период «высокооплачиваемые мужчины женились на женщинах с невысоким уровнем образования, которые работали секретаршами или администраторами и легко покидали свои рабочие места ради ведения домашнего хозяйства и воспитания детей» [Khachaturyan, Peterson... p. 1]. Именно по этой причине женщины чрезвычайно редко выступали в качестве инициаторов развода — этому препятствовали как их невысокий образовательный уровень, так и отсутствие в американской экономике значительного числа высокооплачиваемых рабочих мест для женской рабочей силы.

Ключевым фактором последующего заката нуклеарной семьи американские экономисты считают изменение социально-экономического положения женщины. Научно-технический прогресс резко повысил производительность женского труда, увеличив их заработки и спрос на женщин с высоким уровнем образования. В частности, в 1960 г. оплата труда женщин составляла 56% от оплаты мужской рабочей силы в категории с высшим образованием, 53 и 54% от заработной платы мужчин в категориях с незаконченным высшим и средним образованием. Через 50 лет это соотношение стало кардинально иным: 68% для женщин и мужчин с высшим образованием и 74% для женщин и мужчин с неполным высшим и средним образованием [Lundberg, Pollak, Stearns, pp. 9–10].

Сокращение различий в оплате повысило привлекательность работы вне дома для женщин и понизило экономические выгоды домашнего труда. Большая занятость женщин в экономике способствовала резкому снижению рождаемости, что в еще большей степени ослабило семейные связи и привязанность супругов к семье. Все эти изменения в социально-экономическом положении женщин способствовали уменьшению

издержек и побочных эффектов от разводов, фактически сняв традиционные социальные запреты на расторжение брака и внебрачное рождение детей: «...По мере того, как сожителство, внебрачное воспитание детей и разводы становились все более распространенными, женщинам становилось все проще отказываться от брака с мужчинами, с которыми они имели интимные отношения, сожительствовали, от которых рожали детей, и идти на разрыв отношений, если они считали их не приносящими существенной пользы...» [Lundberg, Pollak, Stearns, p.97]

Выравнивание социально-экономического положения мужчин и женщин в современном американском обществе кардинальным образом изменило «производственную функцию» семейных отношений: семья стала рассматриваться с точки зрения увеличения как собственного человеческого капитала, так и человеческого капитала своих детей. Но оценить все возможные материальные и нематериальные выгоды от «инвестиций в детей» могут только родители с высоким уровнем образования, которые стали рассматривать «брак как совместный инвестиционный проект. Что касается менее образованных людей, то их неспособность в полной мере оценить возможную отдачу от инвестиций в человеческий капитал — в детей — фактически лишает семью статуса привлекательной формы для подобного рода инвестиций и отношений» [Lundberg, Pollak, Stearns, p. 15].

В итоге широко распространенный в современном американском обществе образ преуспевающей семьи сводится к стереотипу: «домовладение с высоким уровнем доходов, в котором живет полноценная семья, состоящая из двух врачей, двух юристов или двух профессоров университета, оба из которых имеют высокие заработки, а на другом полюсе социальных отношений — домовладение с невысоким уровнем доходов, в котором сожительствуют двое взрослых со средним уровнем образования и детьми, являющимися биологическим потомством только одного из родителей» [Khachatryan, Peterson... p. 2].

«Бегство от гетеросексуального брака» как новая нормальность: кредо гендерной идеологии

В 1970-е годы эрозия семейных ценностей в американском обществе была выведена на уровень общенациональной политики. В предвыборной платформе Республиканской партии на президентских выборах 1976 г. проблеме семьи был посвящен небольшой раздел. В нем, в частности, говорилось, что «современная жизнь, привнося изменения в американское общество, порождает серьезные стрессы для семей, пытающихся приспособиться к новым реалиям и сохранить при этом традиционные ценности. Экономическая неопределенность, безработица, жилищные трудности, опасения женщин и мужчин по поводу их меняющихся и часто конфликтующих ролей, высокий уровень разводов, угрозы соседей и проблемы в школе, публичные скандалы — все это создает враждебную атмосферу, которая разрушает семейные структуры и семейные ценности» [Republican Party Platform of 1976]. В тот период разрушение института семьи связывалось в основном с числом разводов, резко возросшим под влиянием

социально-экономических потрясений. В общем и целом этот посыл не был услышан американскими избирателями, отдавшими предпочтение кандидату Демократической партии Дж. Картеру.

Однако в 1980-е годы, прошедшие под знаком «революции Р. Рейгана», в предвыборных платформах Республиканской партии (1980, 1984 и 1988) проблемам семьи уделялось гораздо большее внимание, с акцентом на экономические аспекты. Впрочем, республиканцы достаточно определенно заявили, что «сильные семьи создают сильные сообщества». «Такие семьи, — говорилось в программе 1988 г., — придают нам уверенность в своих силах, делают нас заботливым обществом, формируя такие ценности и черты личности, как честность, ответственность, взаимопомощь и альтруизм, необходимые для выживания демократии. Место Америки в XXI веке будет определяться сегодняшним местом семьи в государственной политике» [Republican Party Platform of 1988].

В предвыборной платформе Республиканской партии 1992 г., уже после окончания холодной войны, проблеме семьи было уделено центральное место. Более того, институту семьи отводилась центральная роль в формировании «нового мирового порядка», что следовало уже из самого названия документа: «Общее видение: Республиканская платформа, объединяющая нашу семью, нашу страну и наш мир» [Republican Party Platform of 1992]. Как отмечал в середине 1990-х годов видный британо-американский историк Л. Стоун (1919–1999), «не будет преувеличением сказать, что с 1980 по 1992 г. республиканцы приходили к власти на платформе семейных ценностей, несмотря на то, что все данные говорили о том, что эти ценности рушатся» [Stone, p.69].

В 1980-е годы в Западной Европе возникает феминистское движение, которое начинает формировать гендерную идеологию. Она строится на тонком, преимущественно антиклерикальном, противопоставлении понятия пола, лежащего в основе традиционных семейных ценностей, и понятия гендера, которое постепенно становится символом антисемейных ценностей. В качестве аналитической категории термин «гендер» «начинает внедряться в сферу политики, принятия политических решений и государственной политики», имея в качестве важнейшей цели изменить взаимоотношения полов и создать формы, альтернативные базовой семейной модели. Причем, если в 1980-х — начале 1990-х годов Республиканская партия придала традиционным семейным ценностям глобальное измерение, то и поборники гендерной идеологии использовали аналогичный подход, трактуя гендер как кодовое слово общемирового движения, нацеленного на ниспровержение традиционных ценностей, и навязывая миру свои извращенные ценности и ценности сексуальных меньшинств [Bracke, Paternotte, p.144].

В 1990 г. проф. Калифорнийского университета г. Беркли Дж. Батлер (1956 г. р.), открытая лесбиянка, опубликовала работу «Гендерное беспокойство: феминизм и подрыв идентичности», которая с тех пор стала манифестом и своего рода библией гендерной идеологии и гендерного движения во всем мире. Надо отдать должное Дж. Батлер — в своей работе она предельно ясно и весьма доходчиво изложила проблему женской

идентичности, основанную на различиях в понятиях «пол» и «гендер». В ее интерпретации «пол» имеет биологическую природу, в то время как «гендер» является «культурно конструированным понятием», и поэтому «гендер ни в коей степени не является ни причинным следствием половой идентификации, ни столь же жестко детерминированным, как биологический пол» [Butler, p. 9]. В достаточно парадоксальной форме Дж. Батлер подвела к тому, что мужчинами или женщинами не рождаются, а становятся в ходе социализации: «Когда сконструированный гендерный статус рассматривается как принципиально независимый от пола, сам гендер становится свободно плавающим понятием, и, следовательно, мужское начало может означать как мужское тело, так и женское, а женское начало — воплощаться как в женском теле, так и в мужском» [Butler, p. 10].

То есть, гендер, в отличие от биологического пола, является продуктом «социального конструирования», и если общество определяет, что считать мужским, а что женским, то оно же может это изменить. Согласно теории гендера, никто не должен быть заперт в фиксированных категориях пола, и любой человек волен определять свою гендерную идентичность по собственному усмотрению.

Применительно к семейным отношениям «конструктивистский» подход означал, что традиционная гетеросексуальная семья из двух родителей является скорее отклонением от нормы, а подлинной семьей является культурно, социально или психологически сформированная семья, состоящая из двух супругов одного пола, лесбийская или гомосексуальная. Более того, утверждается, что однополая семья воплощает в себе «различные новые формы гендерного равенства, появившиеся в свете трансгендеризма и транссексуальности, исполнения родительских обязанностей лесбиянками и гомосексуалистами, а также новых форм идентичности мужского и женского начал» [Butler, p. XI].

То, что базовые тезисы гендерной идеологии, сформулированные Дж. Батлер, противоречат здравому смыслу и внутренне нелогичны, было продемонстрировано, в частности, американским психологом профессором М. Масколо, который указал, что если «гендер относится к социально-культурным нормам.., если это произвольное создание общества, то как гендерная идентичность может быть «внутренним» и «неотъемлемым» самоощущением? Гендер не может быть одновременно произвольным продуктом культуры и неотъемлемым опытом индивидуума. Если пол исходит из культуры, как он может быть неотъемлемым свойством отдельного человека?» «Гендерная идентичность, — делает вывод автор, — не может быть одновременно самовыбором и продуктом социализации... Идея о том, что гендер социально сконструирован, а гендерная идентичность является продуктом социализации, противоречит идее о том, что гендерные идентичности возникают в процессе самоидентификации — что именно индивидуум принимает решение о гендерной идентичности». [Mascolo].

Тем не менее на протяжении последующих 30 с лишним лет, прошедших после публикации «Гендерного беспокойства» Дж. Батлер, гендерная идеология пустила

глубокие корни как в американском обществе, так и по всему миру. И причины этого кроются в гендерной политике, которая поставила во главу угла принцип «гендерного равенства». В то время как утверждения о равенстве биологических полов противоречат самой сути биологии, «социально сконструированный гендер» делает этот вопрос правомерным и актуальным. Как указала в этой связи американская исследовательница Э. Корредор, гендерная идеология, «выступая в качестве риторического мобилизатора, оказалась чрезвычайно успешной на всем земном шаре» [Corredor]. В качестве примера можно указать на результаты опроса социологической службы «Пью Рисерч Сентер», проведенного в конце 2022 г., согласно которому 61% опрошенных американцев считали, что законодательное разрешение однополых браков на федеральном уровне благоприятно скажется на развитии американского общества [Borelli].

В условиях нестабильных социально-экономических общественных отношений можно прогнозировать, что процессы разрушения института семьи и семейных отношений в американском обществе в ближайшем будущем будут проявлять себя с еще большей силой и интенсивностью.

* * *

В настоящее время США переживают кризис самоидентификации американской нации, сопоставимый по своим масштабам и последствиями с первым периодом существования Америки после войны за независимость 1776–1783 гг. [Tierney]. Среди мозаики составляющих этого кризиса все большее значение приобретают поиски семейной и половой идентичности, которые могут определить на целый исторический период облик и суть американской цивилизации. Неопределенность этих поисков во все большей степени начинает проявлять себя как в области внутренней, так и внешней политики США, порождая синдром «смутного времени», который делает невозможным выявление постоянно меняющегося знака алгебраической суммы отрицательных и положительных черт американского национального характера.

Литература

\$122 Billion: The Growing, Annual Cost of the Infant-Toddler Child Care Crisis. Impact on families, businesses, and taxpayers has more than doubled since 2018. Ready Nation. Council For A Strong America. Report // Council for a strong America. 02.12.2023. — URL: strongnation.org/articles/2038-122-billion-the-growing-annual-cost-of-the-infant-toddler-child-care-crisis (date of access: 29.03.2023).

Amadeo K. Historical US Unemployment Rate by Year. Compare unemployment to inflation and GDP since 1929 // The Balance. 06.12.2022. — URL: thebalancemoney.com/unemployment-rate-by-year-3305506 (date of access: 29.03.2023).

Births: Final Data for 2021 // National Vital Statistics Report. 31.01.2023. pp. 21, 27. (date of access: 29.03.2023).

Borelli G. About six-in-ten Americans say legalization of same-sex marriage is good for society // Pew Research Center. 15.11.2022. — URL: [pewresearch.org/fact-tank/2022/11/15/about-six-in-](https://pewresearch.org/fact-tank/2022/11/15/about-six-in-ten-americans-say-legalization-of-same-sex-marriage-is-good-for-society/)

- ten-americans-say-legalization-of-same-sex-marriage-is-good-for-society/ (date of access: 29.03.2023).
- Bracke S., Paternotte D.* Unpacking the Sin of Gender // Religion and Gender. February 2016. Pp. 143–154.
- Brennan D.* How Does Single Parenting Affect a Child? // MediceNet. 08.12.2021. — URL: [medicinenet.com/how_does_single_parenting_affect_a_child/article.htm](https://www.medicinenet.com/how_does_single_parenting_affect_a_child/article.htm) (date of access: 29.03.2023).
- Butler J.* Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. N.Y. 1999.
- Castilli G.* Cold War at the Home Front. The Soft Power of Midcentury Design. Minneapolis. 2010.
- Chartbook of Social Inequality // Russell Sage Foundation. Real Mean and Median Income, Families and Individuals, 1947-2012, and Households, 1967-2012 (Reported in \$2012). 11 pp. — URL: russellsage.org/research/chartbook/welcome-page-description-detailed (date of access: 29.03.2023).
- Child Well-Being in Single-Parent Families // The Annie E. Casey Foundation. 01.08.2022. // — URL: aecf.org/blog/child-well-being-in-single-parent-families (date of access: 29.03.2023).
- Coontz S.* The way we weren't: The myth and reality of the "traditional" family // National Forum: The Phi Kappa Phi Journal. Summer 1995. Pp. 11-14.
- Corredor E.* The Right-Wing Myth of "Gender Ideology" // Logos. A journal of modern society & culture. Winter 2023. — URL: logosjournal.com/2022/the-right-wing-myth-of-gender-ideology/ (date of access: 29.03.2023).
- Cox D.* Emerging Trends and Enduring Patterns in American Family Life. Washington. 2022. p. 4.
- Csiszar J.* Here's How Much a New Home Cost the Year You Were Born // GO Banking Rates. 13.10.2017. — URL: gobankingrates.com/investing/real-estate/how-much-new-home-cost-year-were-born/ (date of access: 29.03.2023).
- The Culture of the 1950s // American History. From Revolution to Reconstruction and beyond. — URL: let.rug.nl/usa/outlines/history-1994/postwar-america/the-culture-of-the-1950s.php (date of access: 29.03.2023).
- Davidson L.* Single Parent Statistics in 2023 (Mothers vs. Fathers Data) // Parentingmode. 04.02.2023. — URL: parentingmode.com/single-parent/ (date of access: 29.03.2023).
- Demanding Change: Repairing our Child Care System // Child Care Aware® of America. 08.12.2022. — URL: childcareaware.org/demanding-change-repairing-our-child-care-system/ (date of access: 29.03.2023).
- Duffin E.* Average number of people per family in the United States from 1960 to 2022 // Statista. 12.12.2022. — URL: [statista.com/statistics/183657/average-size-of-a-family-in-the-us/](https://www.statista.com/statistics/183657/average-size-of-a-family-in-the-us/) (date of access: 29.03.2023).
- Duffin E.* Number of children in the United States from 1950 to 2050 (in millions) // Statista. 18.01.2023. — URL: [statista.com/statistics/457760/number-of-children-in-the-us/](https://www.statista.com/statistics/457760/number-of-children-in-the-us/) (date of access: 29.03.2023).
- Duffin E.* Number of families in the United States by number of children under 18 living in the household from 2000 to 2022 // Statista. 12.12.2022. — URL: [statista.com/statistics/183790/number-of-families-in-the-us-by-number-of-children/](https://www.statista.com/statistics/183790/number-of-families-in-the-us-by-number-of-children/) (date of access: 29.03.2023).
- Duffin E.* Number of families in the United States from 1960 to 2022 (in millions) // Statista. 12.12.2022. — URL: [statista.com/statistics/183659/number-of-families-in-the-us/](https://www.statista.com/statistics/183659/number-of-families-in-the-us/) (date of access: 29.03.2023).
- The Evolution of American Family Structure // CSP Global. 10.07.2020. — URL: online.csp.edu/

- resources/article/the-evolution-of-american-family-structure/ (date of access: 29.03.2023).
- Fry R. Millennials overtake Baby Boomers as America's largest generation // Pew Research Center. 28.04.2020.— URL: [pewresearch.org/fact-tank/2020/04/28/millennials-overtake-baby-boomers-as-americas-largest-generation/](https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/04/28/millennials-overtake-baby-boomers-as-americas-largest-generation/) (date of access: 29.03.2023).
- Fry R., Parker K. Rising Share of U.S. Adults Are Living Without a Spouse or Partner // Pew research Center. 05.10. 2021. — URL: [pewresearch.org/social-trends/2021/10/05/rising-share-of-u-s-adults-are-living-without-a-spouse-or-partner/](https://www.pewresearch.org/social-trends/2021/10/05/rising-share-of-u-s-adults-are-living-without-a-spouse-or-partner/) (date of access: 29.03.2023).
- Hanson M. Average Cost of College by Year // Education Data Initiative. 09.01.2022. — URL: [educationdata.org/average-cost-of-college-by-year](https://www.educationdata.org/average-cost-of-college-by-year) (date of access: 29.03.2023).
- Hafetz J. "A Man's Home is His Castle?": Reflections on the Home, the Family, and Privacy During the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries // William & Mary Journal of Race, Gender, and Social Justice. 12.02.2002. Pp. 175 — 242.
- Heaton T., Goodman K. Religion and Family Formation // Review of Religious Research. June 1985. Pp. 343-359.
- Jacobsen L., Mather M., Dupluis G. Household Change in the United States // Population Bulletin. September 2012. Pp. 1-14.
- Khachatryan M., Peterson W. Economic Inequality and Changing Family Structure. University of Nebraska. Lincoln. 20.07.2016. — URL: agecon.unl.edu/cornhusker-economics/2016/economic-inequality-and-changing-family-structure.pdf (date of access: 29.03.2023).
- Kramer S. U.S. has world's highest rate of children living in single-parent households // Pew Research Center. 12.12.2019. — URL: [pewresearch.org/fact-tank/2019/12/12/u-s-children-more-likely-than-children-in-other-countries-to-live-with-just-one-parent/](https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/12/12/u-s-children-more-likely-than-children-in-other-countries-to-live-with-just-one-parent/) (date of access: 29.03.2023).
- Labor Force Participation Rate — Women // FRED Economic Data. 10.03.2023. — URL: fred.stlouisfed.org/series/LNS11300002 (date of access: 29.03.2023).
- Lundberg Sh., Pollak R., Stearns J. Family Inequality: Diverging Patterns in Marriage, Cohabitation, and Childbearing // Journal of Economic Perspectives. Vol. 30. №. 2. Spring 2016. Pp. 79-102. — URL: [aeaweb.org/articles?id=10.1257/jep.30.2.79](https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/jep.30.2.79) (date of access: 29.03.2023).
- Maldonado L., Nieuwenhuis R. Dual-Earner Family Policies at Work for Single-Parent Families // Nieuwenhuis R., Van Lancker W. (Editors). The Palgrave Handbook of Family Policy. Palgrave Macmillan. 2021. Pp. 303-330.
- Mascolo M. Time to Move Beyond "Gender Is Socially Constructed". Contradictions of sex and gender // Psychology Today. 31.07.2019. — URL: [psychologytoday.com/us/blog/old-school-parenting-modern-day-families/201907/time-move-beyond-gender-is-socially-constructed](https://www.psychologytoday.com/us/blog/old-school-parenting-modern-day-families/201907/time-move-beyond-gender-is-socially-constructed) (date of access: 29.03.2023).
- Melillo G. What's behind the US's worsening child care crisis? The pandemic exacerbated challenges faced by an already struggling industry // The Hill. 12.02.2023. — URL: thehill.com/changing-america/enrichment/education/3852987-whats-behind-the-uss-worsening-child-care-crisis/ (date of access: 29.03.2023).
- Michas F. Percentage of births to unmarried women in the United States from 1980 to 2021 // Statista. 23.03.2023. — URL: [statista.com/statistics/276025/us-percentage-of-births-to-unmarried-women/](https://www.statista.com/statistics/276025/us-percentage-of-births-to-unmarried-women/) (date of access: 29.03.2023).
- Minkin R., Horowitz J. Parenting in America Today. Mental health concerns top the list of worries of patterns; most say being a parent is harder than they expected // Pew research Center. 24.01.

2023. — URL: pewresearch.org/social-trends/2023/01/24/parenting-in-america-today.pdf (date of access: 29.03.2023).
- Newberger C., Melnicoe L., Newberger E.* The American family in crisis: implications for children // *Current Problems in Pediatrics*. December 1986. Pp. 674-721.
- O'Neill A.* Total fertility rate in the United States from 1800 to 2020 // *Statista*. 21.06.2022. — URL: statista.com/statistics/1033027/fertility-rate-us-1800-2020/ (date of access: 29.03.2023).
- Poverty in the United States in 2021. Congressional Research Service. R47354. 27.12.2022. — URL: sgp.fas.org/crs/misc/R47354.pdf (date of access: 29.03.2023).
- Population Connection. Average Number of Children Per U.S. Family (Historic). — URL: populationeducation.org/wp-content/uploads/2020/04/average-number-children-per-us-family-historic-infographic.pdf (date of access: 29.03.2023).
- Randels J.* Family Crisis in the United States. Theories. Abstract // *Encyclopedia of Family Studies: Wiley Online Library*. 2016. — URL: onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9781119085621.wbefs112 (date of access: 29.03.2023).
- Republican Party Platform of 1976 // *The American Presidency Project*. 18.08.1976. — URL: presidency.ucsb.edu/documents/republican-party-platform-1976 (date of access: 29.03.2023).
- Republican Party Platform of 1988 // *The American Presidency Project*. 16.08.1988. — URL: presidency.ucsb.edu/documents/republican-party-platform-1988 (date of access: 29.03.2023).
- Republican Party Platform of 1992 // *The American Presidency Project*. 17.02.1992. — URL: presidency.ucsb.edu/documents/republican-party-platform-1992 (date of access: 29.03.2023).
- Ring T.* More Than 1 Million Same-Sex Couples Live in the U.S., Census Says // *Advocate*. 01.11.2022. — URL: advocate.com/news/2022/12/01/more-1-million-same-sex-couples-live-us-census-says (date of access: 29.03.2023).
- Single Mother Statistics. 02.02.2023. — URL: singlemotherguide.com/single-mother-statistics/ (date of access: 29.03.2023).
- Skolnick A.* *Embattled paradise: The American family in an age of uncertainty*. N.Y. 1991.
- Scott-Smith G.* Transatlantic Cultural Relations, Soft Power, and the Role of US Cultural Diplomacy in Europe // *European Foreign Affairs Review*. 15.08.2019. Pp. 21-42.
- Smith R.* The Baby Boomer Generation—Birth Years, Characteristics, and History // *FamilySearch Blog*. 25.10.2020. — URL: familysearch.org/en/blog/baby-boomer-generation-characteristics (date of access: 29.03.2023).
- Sociology. *Understanding and Changing the Social World*. Minneapolis. 2016.
- Stone L.* Family Values in a Historical Perspective // *The Tanner Lectures on Human Values*. Harvard University. 1994. Pp. 65-110. — URL: tannerlectures.utah.edu/a-to-z/Stone95.pdf (date of access: 29.03.2023).
- Tierney J. Identity: The Key to America's Problems, Now ...and Before // *The Institute of World Politics*. 14.10.2022. — URL: iwp.edu/articles/2022/11/14/identity-the-key-to-americas-problems-now-and-before/ (date of access: 29.03.2023).
- U.S. Teens Take After Their Parents Religiously, Attend Services Together and Enjoy Family Rituals // *Pew Research Center*. 10.09.2020. — URL: pewresearch.org/religion/2020/09/10/religious-affiliation-among-american-adolescents/ (date of access: 29.03.2023).
- VerBruggen R.* How We Ended Up With 40 Percent of Children Born Out of Wedlock // *Institute for Family Studies*. 18.12.2017. — URL: ifstudies.org/blog/how-we-ended-up-with-40-percent-of-children-born-out-of-wedlock (date of access: 29.03.2023).

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI 10.32726/2411-3417-2023-1-93-108

УДК 930 (85); 316.7; 94

Яков Шемякин

Постколониальные проблемы межцивилизационного диалога

Аннотация. Одним из наиболее значимых феноменов в духовном космосе современного человечества является постколониальный дискурс. Его экзистенциальную основу составляет столкновение двух качественно различных процессов — глобализации и акцентировки своеобразия отдельных человеческих общностей, приводящее к «фронтализации» пространства всех культур. Идеологи и сторонники постколониального дискурса, как правило, находятся в «пограничной» ситуации, в центре зоны чрезвычайно напряженных контактов различных традиций. Многие из них зеркально воспроизводят в своих работах свойственный Западу «исключающий» дискурс, в соответствии с которым «другой» (весь «незападный» мир) ставился и ставится в иерархии бытия на место неизмеримо более низкое, нежели «фаустовская» цивилизация, что приводит в ходе взаимодействия с неевропейскими культурами к монолоогизации диалога. Постколониальные критики переворачивают это соотношение, отвергая не только европоцентризм, но и диалог с западной традицией; Запад оказывается на самой низкой ступени, а высшие — отводятся цивилизациям Востока и доколумбовой Америки. Эта инверсия обуславливает главный когнитивный предел постколониальных исследований. Однако часть представителей постколониального дискурса сумели преодолеть «исключающий» подход. Причем их подход к проблеме межцивилизационного диалога, как показывается в статье, обнаруживает прямые аналогии с российской традицией, прежде всего — с «диалогикой» русского философа и культуролога М.М. Бахтина.

Ключевые слова: постколониальный дискурс, экзистенциальная основа, когнитивный предел, диалог, «исключающий» дискурс, «включающий» дискурс, «пограничная» ситуация, «пограничная» цивилизация, субэкумены.

Постколониальный дискурс — один из наиболее значимых феноменов духовного космоса современного человечества¹. Специфику этого понятия лучше всего выразил, на мой взгляд, И.М. Бобков, полагающий, что приставка «пост» ориентирует вовсе не во времени, но «обозначает определенную ситуацию, определенный ракурс виде-

1 В том, что касается общей характеристики постколониальных исследований, [см., например: Post-Colonial Studies... McLeod; Ионов, с. 151–213].

Сведения об авторе: Шемякин Яков Георгиевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра культурологических исследований Института Латинской Америки РАН, hemyakinx3@gmail.com.

ния, из которого опознаются и анализируются разноаспектные проблемы: протоколониальные, колониальные и постколониальные. Приставка «пост» играет роль жеста, с помощью которого очищается (в деконструктивистском смысле «опустошается») для теоретической рефлексии и теоретической практики пространство, до сих пор донельзя заполненное как колониальными номинациями и деноминациями, так и антиколониальной борьбой. Рядом с двумя привычными фигурантами — колонизатором и колонизованным — появляется еще один персонаж: постколониальный критик. Именно ему мы обязаны появлением постколониального дискурса.

В связи с этим под постколониальностью обычно понимается определенное пространство субъектных позиций, в которых и из которых разворачиваются рефлексивно-критические проекты и программы, принципиально отличные как от направленных на колонизацию, так и продуцируемых с позиций уже колонизированных» [Бобков, с. 776–777].

Здесь следует уточнить, что постколониальный дискурс гораздо ближе к антиколониальной позиции, которая стала первичной основой его формирования. Между ними сохранилась и содержательная связь. По словам И.М. Бобкова, все постколониальные исследования предполагают осуществление двух проектов: «1) проект деконструкции Запада как субъекта имперского дискурса... Запад рассматривается при этом как великий колонизатор» и «2) проект легитимации противодискурсов, программа выработки и рефлексии различных антиколониальных стратегий» [Бобков, с. 776].

Чтобы обозначить контуры экзистенциальных основ постколониального дискурса, надо прежде всего определить, каковы общие черты, которые объединяют всех представителей этого направления. Следуя первому правилу Декартова научного метода, начну с «простого и очевидного» [Декарт, с. 89]: все постколониальные критики и идеологи (в том числе и в «деколониальном» варианте) — это представители неевропейских цивилизаций, как правило, живущие в странах Запада и осуществляющие свою деятельность в рамках западной интеллектуальной и социально-политической среды. Все они находятся в «пограничной» ситуации чрезвычайно интенсивного взаимодействия качественно различных цивилизационных традиций, которая, в свою очередь, является конкретным проявлением общей ситуации на планете. Как отмечали многие исследователи [Социокультурное пограничье... с. 11–99; Шемякин Цивилизации... с. 138–141; Бауман; Земсков Образ... с. 168–174], на рубеже второго и третьего тысячелетий наблюдается переход «мира людей» в нестабильное, лишенное устойчивости состояние. Главная отличительная черта этого состояния — нарушение целостности духовных основ всех наличествующих к настоящему времени социокультурных общностей, прежде всего великих цивилизаций Востока и Запада («субэкумен», как их называл Г.С. Померанц [Померанц Диалог... с. 338–345; Померанц Выход... с. 445–456]) — западной, южноазиатской индо-буддийской, восточноазиатской конфуцианско-буддийской, мира ислама. Этот процесс наиболее точно может быть охарактеризован как «фронтонизация» (то есть «опограничивание») смыслового космоса практически всех культур [Шемякин Граница... с. 111–124; Шемякин Феномен... с. 23–45]. Представители

постколониального дискурса являются одним из наиболее ярких и значимых персональных воплощений данного процесса.

Возникновение подобной «пограничной» ситуации, характеризующей состояние всего человечества в целом, было обусловлено, в свою очередь, столкновением качественно различных по своей онтологии, противоположно направленных процессов: глобализации и того, что Нобелевский лауреат, мексиканский поэт и мыслитель О. Пас охарактеризовал как «мятеж исключений», которые не только не считают себя исключениями, но и пребывают в убеждении, что именно они являются единственной подлинной реальностью [Paz One Earth... p. 100–101]. Речь идет об усиленной акцентировке на всех уровнях бытия и сознания своеобразия конкретных человеческих общностей самого различного уровня, типа и масштаба — культурных, языковых, религиозных, этнических, территориальных, политических, экономических, социальных и др.

Самыми масштабными и значимыми проявлениями «мятежа исключений» являются цивилизации. Причем круг великих цивилизаций планеты отнюдь не ограничен субэкуменами Померанца. Пожалуй, наиболее мощным проявлением «мятежа исключений» на глобальном уровне явилось возникновение «пограничных» цивилизаций планетарного масштаба — России и Латинской Америки, о чем мне неоднократно приходилось писать и говорить¹.

Специфика современной «пограничной» ситуации в мире в решающей мере обусловлена определенным соотношением ключевых структурообразующих начал единства и многообразия. А именно, доминантой многообразия при парадоксальном сохранении единства *sui generis* (единственный в своём роде). Эта черта «является главной отличительной чертой цивилизаций «пограничного» типа на всем протяжении их исторического существования... К их числу в настоящее время относятся Россия-Евразия, Латинская Америка и Балканская культурно-историческая общность, определенные черты «пограничности» сохраняет до сих пор и Иберийская Европа, несмотря на преобладающую в ней тенденцию к интеграции в западную субэкумену...» [Шемякин О пределах... с. 391–392].

Современный этап глобализации отличается резким увеличением «силы общения» (Ф. де Соссюр), то есть чрезвычайным усилением интенсивности взаимодействия различных традиций в мировом культурном пространстве. Появление постколониального дискурса — прямой результат подобного увеличения: вне контекста глобализации он немислим. Поэтому именно глобализация является важнейшей составляющей его экзистенциальной основы. Важнейшей, но отнюдь не единственной.

Еще одна значимая неотъемлемая черта авторов всех постколониальных исследований — активное, во многих случаях прямо-таки яростное утверждение права на со-

---

1 [См., например: Шемякин Европа...; Шемякин Вера... Миры миров; Шемякин Универсальное... Шемякин О пределах...]

хранение и утверждение собственной идентичности неевропейских культур и цивилизаций. И здесь проявляет себя другая важнейшая составляющая экзистенциальной основы постколониального дискурса. Обе части неразрывно взаимосвязаны, но связь эта в высшей степени противоречивая. Противоречивость проявляется в идеологии и деятельности представителей постколониального дискурса, обуславливая и существование когнитивных пределов в их теоретических построениях.

Постколониальные критики, как правило, сходятся во мнении, что все ныне существующие социокультурные образования носят гибридный характер, будучи полем взаимодействия самых различных цивилизационных начал. Наиболее полно эту концепцию обосновал видный теоретик данного направления — живший в США индийский парс Х. Баба (Bhabha) [Bhabha, 2005]. И в этой черте, несомненно, проявляет себя та часть экзистенциальной основы постколониального дискурса, которая была обозначена как «мятеж исключений».

Однако остановиться на констатации гибридности существующих человеческих обществ исследовательская мысль не могла. Преодоление европоцентризма — главная цель и основная мотивация постколониальных исследований — необходимым образом предполагало поиск новых оснований единства, целостности как всего человечества, так и отдельных культур. И как раз в подходе к решению этой проблемы обнаруживаются когнитивные пределы постколониального дискурса.

Чтобы понять причины появления этих пределов, полезно вспомнить о специфике гуманитарного знания в трактовке русского философа и культуролога М.М. Бахтина [Бахтин Собр.соч., т.5] [3]. По его словам, предмет гуманитарных наук — человек в той из своих ипостасей, в которой он выступает как «выразительное и говорящее бытие. Это бытие никогда не совпадает с самим собой и потому неисчерпаемо в своем смысле и значении» [Бахтин Собр.соч., т.5, с. 8]. Поэтому «критерий здесь не точность познания» (в том смысле, как этот термин понимается в естественных науках), «а глубина проникновения» [Бахтин Собр.соч., т.5, с. 7]. «В гуманитарных науках точность — преодоление чуждости чужого без превращения его в чисто свое...» [Бахтин Эстетика... 2013, с. 392].

Подобного рода точность может быть достигнута лишь в процессе диалога. В термин «глубина» Бахтин вкладывает вполне определенный смысл: речь идет об основе, на которой разворачивается процесс творения «человеком разумным» его собственного, специфически человеческого мира. И основа эта — не что иное, как диалогическое общение, которое следует рассматривать, по Бахтину, как синоним жизненного процесса в «мире людей»: «Жизнь по природе своей диалогична. Жить — значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться и т.п. В этом диалоге человек участвует весь и всю жизнь: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками» [Бахтин Эстетика... 1986, с. 366].

Отличие между двумя основными выделенными выше типами цивилизаций — классическим и пограничным — обусловлено принципиально различными подхода-

ми к формированию диалогической основы человеческой социальности. А именно — отношением к «другому» (т.е. к иному участнику межкультурного и внутрикультурного взаимодействия).

Одной из ключевых черт классических цивилизаций является ключевая роль «исключающих» дискурсов: «другой» включен «в картину мира осуществляющей самоидентификацию цивилизации, но лишь в качестве реальности, абсолютно ей чуждой и в любом случае занимающей неизмеримо более низкое место, чем она, в иерархии бытия...» [Шемякин Идентичность... с. 60]. Хорошо известные примеры: противопоставление «варваров» «эллинам» в античной Греции и соответствующие дискурсы в последующей (в том числе современной) истории Запада¹; восприятие других народов как «варваров» в китайской «Срединной империи», представляемой эталоном организации общества; обозначение всех немусульман понятием «дар-аль-харб» («территория войны») в истории мусульманского мира [Шемякин Еще раз... с. 168–169]. Как свидетельствует исторический опыт, «исключающий» дискурс с наибольшей силой проявился в западном социокультурном контексте.

Пограничным цивилизациям свойственен существенно иной подход. «Другой», каким бы ни было отношение к нему, включен в жизненное пространство всех субъектов межкультурного взаимодействия в качестве неотъемлемой части, и потому воспринимается как необходимая и естественная составляющая такого взаимодействия. Причем в условиях «пограничья» его участники проникли в том числе и внутрь человеческих душ: межкультурные контакты здесь — это не только контакты между конкретными людьми, носителями тех или иных традиций, но и взаимодействие (как правило, крайне напряженное) качественно различных начал в их внутреннем мире. Многолетние сравнительные цивилизационные исследования привели автора этих строк к выводу, что охарактеризованное отношение к «другому» — *conditio sine qua non* (непременное условие) возникновения, а впоследствии — сохранения и воспроизводства (вопреки всем разрушительным тенденциям) цивилизаций «пограничного» типа².

Свойственный цивилизационному «пограничью» подход к проблеме «другого» непосредственно определяется главной его структурной характеристикой, уже отмеченной выше, а именно — доминантой многообразия при (парадоксальном!) сохранении единства *sui generis*. Этот тип единства, обусловивший возникновение совершенно особого вида социокультурной системности, принципиально отличного от того, который сформировался в великих «классических» цивилизациях, обеспечивается механизмом достижения и сохранения целостности цивилизационной системы в условиях доминанты многообразия, в основе которого — повышенная (по сравнению с субэкуменами) способность к оперированию знаковыми структурами различного происхождения и характера [Кофман Латиноамериканский... Шемякин Европа... с. 83–116, 233–

1 [См., например: Фергюсон]

2 Из публикаций последних лет см., [например: Шемякин Идентичность... С. 33–66; Шемякин Культурный трансфер и диалог... С. 110–127].

272; Шемякин Вера... с. 78–92; Шемякин, Шемякина, с. 58–77; Земсков О литературе... Земсков Образ...]. Едва ли не наиболее яркими иллюстрациями здесь могут служить метаморфозы, происходившие с христианством (соответственно, в католической и православной версиях) в Латинской Америке и в России. Сформироваться и реализоваться названная способность могла только в ходе и в результате интенсивного диалогического общения.

Линия водораздела между «исключающими» дискурсами «классических» цивилизаций, в первую очередь Запада, и «включающими» дискурсами цивилизационного «пограничья» особенно ясно видна в трактовке самого феномена диалога.

Преобладающее в западной интеллектуальной традиции понимание диалога, как мне уже приходилось отмечать [Шемякин Культурный трансфер как взаимодействие...], восходит к платоновской концепции. Платон, как известно, стоял у истоков философской разработки проблематики диалога. Однако, при всем безусловно непреходящем значении его наследия, интерпретация Платоном понятия диалога имела существенные ограничения, «связанные, прежде всего, с жестким утверждением приоритета принципа единства (в т.ч. единого, «единственно верного» понимания той или иной проблемы) над принципом многообразия» [Шемякин Универсальное... с. 464]. Полемизуя с таким подходом, М.М. Бахтин подчеркивал, что в платоновском диалоге «множественность голосов погашается в идее. Идея мыслится Платоном не как событие, а как бытие. Быть причастным идее — значит быть причастным ее бытию. Но все иерархические взаимоотношения между познающими людьми, создаваемые различной степенью их причастности идее, в конце концов погашаются в полноте самой идеи» [Бахтин Эстетика... 1986, с. 197].

Предельно ясно сформулировал свое резко критическое отношение к платоновской трактовке диалога С.С. Аверинцев: «Диалог как литературный жанр! Это греческое изобретение едва ли не наиболее отчетливо выявило коренную недиалогичность греческой литературы. Как известно, лучший цвет литературного диалога — это диалоги Платона, а их главный герой, самый непременный персонаж и самый яркий образ — Сократ. Но что такое платоновский Сократ? Это идеал радикально недиалогического человека, который не может быть окликнут, задет и сдвинут с места словом собеседника, который в пылу спора остается всецело непроницаемым, неуязвимым, недостижимым для всякого иного «я», а потому в состоянии манипулировать партнерами в беседе, двигать ими как вещами, сам ничем не движимый» [Аверинцев, с. 215].

Здесь явно прослеживается исток той тенденции монологизации диалога (то есть, по сути дела, превращение его в собственную противоположность, в монолог), которую всесторонне проанализировал Бахтин [Бахтин К философским... с. 209, 212–213; Бахтин Эстетика... 2013, с. 336] и которая оказалась весьма типичной для западного цивилизационного сознания. «Цивилизационный монолог» Запада, который вообще практически «не слышал» голосов иных культур и цивилизаций, продолжался на протяжении XVIII–XIX вв. Ситуация стала постепенно меняться в XX в. Однако даже в случае при-

знания значимости принципа диалога во взаимоотношениях различных человеческих миров сам диалог, как правило, понимался «как постепенное приближение незападных цивилизационных традиций к западному социокультурному стандарту плюрализма, т.е. добровольное принятие соответствующего западным представлениям «единственно правильного» понимания диалога» [Шемякин Универсальное... с. 460]. Говоря словами Бахтина, если «роль другого и учитывалась, то как слушателя, который только пассивно понимает говорящего» [Бахтин Эстетика... 2013, с. 259].

«Включающий» дискурс цивилизационного «пограничья» в наибольшей степени воплотился, на наш взгляд, в бахтинской концепции диалога. По словам Бахтина, полноценное диалогическое общение предполагает «активность в отношении чужого живого и полноправного сознания. Это активность вопрошающая, провоцирующая, отвечающая, соглашающаяся, возражающая и т. п. ...», это взаимодействие «многих равноправных и полноценных сознаний» [Бахтин Эстетика 2013, с. 329–329]. Бахтин подчеркивает «несамодостаточность, невозможность существования одного сознания. Я осознаю себя и становлюсь самим собою, только раскрывая себя для другого, через другого и с помощью другого... я должен найти себя в другом, найдя другого в себе (во взаимоотражении, во взаимоприятии)» [Бахтин Эстетика 2013, с. 329–330]. «Важнейшие акты, конституирующие самосознание, определяются отношением к другому сознанию (*к ты*). Отрыв, отъединение, замыкание в себя как основная причина потери себя самого. Не то, что происходит внутри, а то, что происходит на *границе* своего и чужого сознания, на *пороге*. И все внутреннее не довлеет себе, повернуто вовне, диалогизовано, каждое внутреннее переживание оказывается на границе, встречается с другим, и в этой напряженной встрече — вся его сущность. Это высшая степень социальности (не внешней, не вещной, а внутренней). ... Само бытие человека (и внешнее и внутреннее) есть *глубочайшее* общение. *Быть* — значит *общаться*. ... Быть — значит быть для другого и через него — для себя. У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит *в глаза* другому или *глазами другого*» [Бахтин Эстетика 2013, с. 330]. Подлинный диалог, постоянно подчеркивает Бахтин, это взаимодействие равноправных сознаний, он ни в коем случае не предполагает обязательного, благостного согласия по всем спорным вопросам. «Активное согласие — несогласие (если оно не предрешено догматически) стимулирует и углубляет понимание, делает чужое слово более упругим и самостоятельным, не допускает взаимного растворения и смешения» [Бахтин Эстетика 2013, с. 366]. Соответственно и целостность, единство понимается как «диалогическое *согласие* неслиянных двоих или нескольких» [Бахтин Эстетика 2013, с. 332].

В бахтинской «диалогике» отождествление с «другим» ни при каком случае не означает растворения в нем, отказа от собственной индивидуальности. Диалогическое общение предполагает одновременно «проникновение в другого (слияние с ним) и сохранение дистанции (своего места), обеспечивающее избыток познания», «взаимопроникновение с сохранением дистанции» [Бахтин Собр. соч., т. 5, с. 8–9]. По убеждению Бахтина, «чистое вживание вообще невозможно, если бы я действительно потерял

себя в другом (вместо двух участников стал бы один — обеднение бытия)...» [Бахтин Человек... с. 30–31].

Принципиально важно, что все перечисленные выше принципы бахтинской концепции распространяются в том числе и на сферу взаимодействия различных культур: «Существует очень живучее, но одностороннее и потому неверное представление о том, что для лучшего понимания чужой культуры надо как бы переселиться в нее и, забыв свою, глядеть на мир глазами этой чужой культуры... Конечно, известное вживание в чужую культуру, возможность взглянуть на мир ее глазами есть необходимый момент в процессе ее понимания; но если бы понимание исчерпывалось одним этим моментом, то оно было бы простым дублированием и не несло бы в себе ничего нового и обогащающего. Творческое понимание не отказывается от себя, от своего места во времени, от своей культуры и ничего не забывает... Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже (но не во всей полноте, потому что придут и другие культуры, которые увидят и поймут еще больше)... Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответы на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины... При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и целостность, но они взаимно обогащаются» [Бахтин Эстетика 2013, с. 353–354].

Аналогичный по сути своей подход к решению проблемы «другого» (на личностном уровне) обнаруживается в творчестве Ф.М. Достоевского (что убедительно показал в своих книгах сам Бахтин) [Бахтин Избранное] и Л.Н. Толстого [Бочаров, с. 54–55; Шемякин Еще раз... с. 150–152].

Другим ярким примером «включающего» дискурса цивилизационного «пограничья» является восходящее к С. Боливару и Х. Марти направление латиноамериканской мысли, которое рассматривало Латинскую Америку как совершенно новый человеческий мир, отличный от всего, что существовало на планете до его появления, возникший в результате взаимодействия самых разных начал и традиций, являющий собой, говоря словами Боливара, «человечество в миниатюре» [Боливар, с. 54]. Базовую идентичность этого мира определил процесс расовой и культурной метисации. Как убедительно показал в своем фундаментальном исследовании А.Ф. Кофман [Кофман Под покровительством...], метисация была «запрограммирована» восприятием вновь открытого мира, нашедшим свое отражение в булле папы Александра VI, содержание которой, в свою очередь, определил дневник Христофора Колумба [Кофман Под покровительством... с. 15–21]. «В интерпретации Колумба индейцы — носители почти что христианских добродетелей: им недостает только имени Христа на устах» [Кофман Под покровительством... с. 20]. В булле была «ясно указана главная цель свершенных и еще грядущих открытий — христианизация. Де факто индейцы были признаны людьми и получили право спасти свои души в лоне христианства... Объявив туземцев людьми, способными принять слово Божие, а христианизацию — главной целью и оправданием испанской власти, папа настроил испанских монархов на всесторонний

контакт с индейцами..., что, в конечном счете, и привело к формированию метисных латиноамериканских этносов. И от такой линии поведения Испания уже не отступала никогда» [Кофман Под покровительством... с. 20–21].

Здесь следует оговориться, что эта линия иберокатолической традиции пробивала себе дорогу в борьбе с иной тенденцией, которая отстаивалась теми идеологами конкисты, которые стремились сделать из Америки простое продолжение Европы, отрицая человеческую полноценность индейцев. Спор представителей этих тенденций, представленных именами Б. де Лас Касаса и Х. Хинеса де Сепульведы в ходе знаменитой полемики XVI в. о Новом Свете, завершился победой тех, кто основывался на идеях буллы Александра VI [Земсков Конкиста... с. 132–151].

Характеризуя специфику социально-политической структуры испанских колоний, О. Пас отмечал, что в Испанской Америке «были классы, касты, рабы, но не было парий, людей, поставленных вне общества, лишенных определенного юридического, морального или религиозного статуса» [Paz El laberinto... p. 93]. Крещение гарантировало принадлежность к социуму, пусть и у основания социальной пирамиды [Paz El laberinto... p. 92–93]. В данном случае испанская колонизация являла собой очевидный контраст с англо-пуританской колонизацией Северной Америки, базирующейся на принципе исключения аборигенов из формирующегося нового общества, предполагаемого Нового Иерусалима, лишенного язвы греховности, поразившей Старый Свет [Paz El laberinto... p. 93; Sea, с. 142–155].

Установка на контакт с автохтонной реальностью, ставшая решающим фактором, способствовавшим началу процесса метисации, была обусловлена определенными чертами испанской культуры, которая несла в себе опыт многовекового сосуществования (*convivencia*) и различных типов взаимодействия качественно отличных друг от друга религиозно-цивилизационных традиций: иберокатолической, исламской и иудейской [Mitre Fernández; Convivencia...; Martínez García].

Упомянутый испанский термин дословно означает «совместное житье». Однако в действительности слово это включает множество смыслов — от простой констатации факта соседства на протяжении исторически долгого времени различных конфессиональных и этнических общностей «до особого духа открытости «другому» и готовности сосуществовать с ним, признавая его инаковость как факт» [Шемякин Феномен... с. 36]. Многие исследователи [Варьяш, с. 62–64] подчеркивали, что полностью адекватного перевода данного термина на другие европейские языки, который охватывал бы весь спектр реально наличествующих в нем значений, не существует.

С возникновением единого испанского государства, в котором в эпоху контрреформации возобладала религиозная нетерпимость, обозначенная термином «*convivencia*» традиция была, казалось бы, отодвинута на задний план, однако она сохранилась в «культурном бессознательном» и была перенесена испанцами в Новый Свет. Без нее, без ее актуализации в ходе взаимодействия различных культур в колониях Испании,

были бы невозможны ни метисация, ни само возникновение Латинской Америки как «человечества в миниатюре».

Отношение к «другому» определяет структуру диалогической ткани человеческого существования на всех уровнях социальной действительности, от цивилизационного до индивидуального, включая содержание и направленность научных исследований. Для представителей постколониального дискурса «другой» — это Запад, который в любом случае является постоянным участником взаимодействия, в том числе и на личностном уровне.

Характер отношения к этому главному «другому» и определяет подход постколониальных идеологов и критиков к проблеме диалога. Здесь четко прослеживаются две основные тенденции.

Представители одной из них считают необходимой предпосылкой преодоления европоцентризма либо полный отказ от диалога с западной традицией, либо отведение ей такого же места в иерархии бытия, какое носители западного «исключающего» дискурса отводили (и отводят) всем неевропейским народам и культурам (неизмеримо более низкого по сравнению с осуществляющими свою самоидентификация носителями незападных цивилизационных традиций).

Следовательно, в данном случае имела место инверсия, точнее — инверсионная перекодировка сторон противоречия («Запад-Незапад»), которые меняются местами, но характер соотношения между ними при этом не меняется: он определяется «исключающим» дискурсом.

Приведу несколько особенно выразительных, на мой взгляд, примеров подобной инверсии.

А. Абдель-Мале́к, один из первых постколониальных критиков, египетский социолог и философ, в противовес европоцентризму утверждал идею безусловного духовного и исторического доминирования Востока над Западом, выдвигал в качестве позитивного идеала будущего Египта возрождение «культуры фараонов». Вся культура «фаустовской цивилизации» для него не более чем «прошлое бытие», заслуживающее внимания лишь как объект для музеефикации [Abdel Malek *La dialéctica ...* p. 74, 80, 192, 227].

Э.В. Саид, арабский интеллектуал, профессор Колумбийского университета, а также палестинский активист, член Палестинского национального совета — пожалуй, самый известный представитель постколониального дискурса, автор знаменитой книги [Саид Эдвард], от которой многие ведут превращение этого дискурса в значимое явление глобального масштаба, — по сути дела, продолжил ту же линию (он непосредственно опирался на работы Абдель-Малека), хотя и в несколько смягченном варианте. Тем не менее у него четко прослеживается демонизация Запада. По утверждению Саида,

«каждый европеец, что бы он ни пытался писать о Востоке, неизбежно оказывался расистом, империалистом и почти всегда этноцентристом» [Саид Эдвард с. 315]. Диалог с такого рода социокультурным субъектом изначально лишен смысла.

Как справедливо отмечали критики постколониального дискурса [Spencer, p. 18–20, 29], его сторонники, основываясь на выводах Э. Саида, заранее уверены, что в западной среде их неправильно поймут, поэтому они склонны замыкаться в своей собственной среде. Так, видные представители этого направления, исследователи индийского происхождения филолог Х. Баба и философ, теоретик литературы Г.Ч. Спивак абсолютизируют различие между Западом и Не-Западом и потому «отрицают возможность конструктивной коммуникации между различными обществами» [Spencer, p. 29].

Более того, в пылу полемики Э. Саид ставит под вопрос саму возможность мыслить западную традицию как нечто целостное в своей основе: «Разве можно сегодня говорить о «западной цивилизации» иначе как о некоей идеологической фикции, подразумевающей своего рода сепаратное превосходство горстки ценностей и идей, ни одна из которых не имеет смысла вне истории завоеваний, миграции, путешествий и смешения народов, придавших западным нациям их нынешнюю смешанную идентичность?» [Саид Эдвард, с. 536].

Видный постколониальный критик, индийский историк Д. Чакрабартти создает собственную концепцию всемирной истории, в которой Европе и Западу в целом отведена малопочтенная роль периферии, в то время как главные ее центры находятся, разумеется, на Востоке [Chakrabarty].

Пожалуй, с наибольшей силой описываемая тенденция проявилась в «деколониальном» повороте, который воплотился прежде всего в творчестве аргентинского философа, специалиста по семиотике В. Миньоло. В его «деколониальной» версии латиноамериканской и всеобщей истории центрами мира оказываются Куско и Теночтитлан — столицы крупнейших держав доколумбовой Америки и центры автохтонных цивилизаций, соответственно, Андского региона и Мезоамерики [Mignolo The Idea...].

Охарактеризованные проявления «исключающего» дискурса ведут, как и в случае с западными его представителями, к монологизации диалога, превращению его в собственную противоположность. Следует оговориться, что данная тенденция у разных авторов этого направления проявляется с разной интенсивностью. Некоторые из них все же оставляют место для возможного взаимодействия с западной традицией и даже вступают в прямой диалог с западными авторами. Наиболее яркий пример здесь — аргентинский философ Энрике Дуссель, непосредственно взаимодействовавший с европейскими философами К.О. Апелем и Пьером Рикёром [Dussel]. Но как справедливо отмечал, в частности, И.Н. Ионов, «в своей попытке преодолеть колониальный дискурс Дуссель задержался на стадии его формальной инверсии, простого и нехитрого перевертывания, и лишь отчасти попытался сделать шаг вперед, дав в своей книге место диалогу с западными учеными» [Ионов, с. 200–201].

«Исключающий» дискурс коренным образом противоречил свойственному практически всем представителям данного направления стремлению положить в основу собственной самоидентификации идею «продуктивной культурной гибридности» (Х. Баба) [Bhabha *Interrogating Identity*; Толстанова, с. 19, 36], осознать себя носителями пограничного мышления, альфой и омегой которого является доминанта многообразия [Саид Эдвард, с. 536; Mignolo *Local Histories...* p. 20–21]. Все перечисленные постколониальные критики и идеологи натолкнулись в своем творчестве на это противоречие и не смогли его преодолеть. Именно здесь и обнаруживается первый (и главный) когнитивный предел, обусловленный неспособностью преодолеть логику инверсии.

* * *

Этот предел сумели преодолеть представители другого направления постколониальных исследований, самым ярким представителем которого являлся виднейший мексиканский мыслитель Л. Сеа, творчество которого по своему значению далеко выходит за региональные рамки. Сеа утверждает и убедительно отстаивает необходимость диалога с западной традицией, и именно на этом пути он видит возможность преодоления европоцентризма: «Сегодня европоцентристский монолог должен уступить место диалогу между теми, кто осуществлял экспансию, и теми, кто страдал от нее» [Сеа, с. 31]. При этом «здесь следует говорить об отрицании, но об отрицании диалектическом». Имеется в виду «отрицание в гегелевском понимании, отрицание как утверждение нового» [Сеа, с. 38, 298]. По словам Сеа, «необходимо использовать выстраданный опыт в интересах самой Латинской Америки... С одной стороны, Европа и Запад вообще научили мир, бывший объектом их алчности, думать о себе самом, осознавать себя самого, а с другой — проклинать своих угнетателей, восставать против них и судить их. В этом видится суть философии, которая возникает в ответ на натиск западной культуры как в Латинской Америке, так и в Азии и Африке» [Сеа, с. 38–39]. Причем Сеа очень ясно сознает, что западная традиция на протяжении истории стала неотъемлемой частью той сложнейшей системы взаимодействий, которую являет собой латиноамериканская культура. По его словам, «Европа, или так называемый западный мир, — источник и центр латиноамериканской культуры» [Сеа, с. 29], откуда исходят импульсы не только угнетения, но и освобождения. Господствующая идеология навязана западным миром, «и именно из нее и вопреки ей должна возникнуть идеология освобождения. Многие уже осуществлено в этом направлении, и это многое является следствием ассимиляции самой господствующей идеологии» [Сеа, с. 37]. «Европа, западный мир должны быть ассимилированы в сознании народов, традиционно отчуждаемых от истории этого мира» [Сеа, с. 38]. Критическое усвоение западного опыта в ходе напряженного диалога-спора с европейской традицией — обязательное условие осуществления «проекта самообретения» (*proyecto asuntivo*) [Сеа, с. 42–43, 296–328], утверждения собственной цивилизационной идентичности, в основе которой лежит свойственное цивилизационному «пограничью» приятие «другого» как равноправного участника того многостороннего процесса взаимодействия разнородных начал и традиций, которое было и остается идентификационным стержнем-инвариантом латиноамериканской истории [Сеа, с. 37]. Перу Л. Сеа принадлежит замечательная формула, в нескольких

словах выражающая специфику решения проблемы «другого» в латиноамериканском «пограничье»: «Проблема нашей расовой и культурной метисации столь сложна, что, утверждая одну культуру, с тем чтобы отвергнуть другую, мы тем самым отрицаем самих себя» [Сеа, с. 38].

Сеа — один из наиболее ярких представителей того, восходящего к С. Боливару и Х. Марти, направления латиноамериканской мысли, приверженцы которого рассматривают Латинскую Америку как особый, не похожий на другие человеческий мир, диалогическая ткань основы которого базируется на «включающем» дискурсе. К данному направлению наиболее близки, пожалуй, представители современного творческого марксизма, которые подходят к проблеме цивилизационной идентификации региона к югу от Рио-Гранде-дель-Норте (и, соответственно, к решению проблемы «другого») с аналогичных позиций. В качестве показательного примера здесь можно назвать латиноамериканского мыслителя Б. Эчеверрию [Echeverría La múltiple... p. 57–70; Echeverría Tres versiones... p. 9].

Как нетрудно заметить, практически полностью совпадают и подходы к этой проблеме крупнейших мыслителей российского и латиноамериканского цивилизационных «пограничий» — М.М. Бахтина и Л. Сеа. Это свидетельствует о сущностной близости мировоззренческих позиций последователей бахтинской традиции в России и той части сторонников постколониального дискурса, которые являются единомышленниками и/или последователями Л. Сеа и его школы.

Решение проблемы диалога в духе отказа от логики инверсии — бесспорно, выдающееся достижение, особенно значимое в контексте той ситуации, которая сложилась на планете в последние десятилетия. Только опираясь на это достижение, можно наметить возможные пути преодоления еще одного когнитивного предела, перед которым, по моему мнению, остановилась мировая гуманитарная мысль. Имеется в виду отсутствие сколько-нибудь удовлетворительного теоретического решения проблемы соотношения универсального и локального измерений человеческой реальности. Важнейшим здесь является вопрос о культурной эквивалентности смыслов диалога в свете поставленной американским логиком У.О. Куайном проблемы «радикального перевода», то есть понимания иной культуры, основанной на существенно отличном решении ключевых вопросов человеческого существования [Куайн, с. 138].

Литература

- Аверинцев С.С. Греческая литература и ближневосточная «словесность» (противостояние и встреча двух творческих принципов) // Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. 1971. С. 206–266.
- Бауман З. Текущая современность. С-Пб. 2008.
- Бахтин М.М. Избранное. Том 2. Поэтика Достоевского. М.; С-Пб. 2020.
- Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук. М.: Книга по требованию, 2013.
- Бахтин М.М. К философским основам гуманитарных наук // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5. 1997. С. 386–400.

- Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т.5. М. 1997.
- Бахтин М.М. Человек в мире слова. М. 1995.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. 1986.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. 2013.
- Бобков И.М. Постколониальные исследования // Новейший философский словарь / Под ред. А.А. Грицанова. Минск. 2003. С. 776–777.
- Боливар С. Избранные произведения (речи, статьи, письма, воззвания). М. 1983.
- Бочаров С. «Война и мир» Л.Н. Толстого // Три шедевра русской классики. 1971. С. 7–106.
- Бхабха Х. Местонахождение культуры // Перекрестки: Журнал исследований восточноевропейского пограничья. 2005. №3–4. С. 161–191. — URL: ru.ehu.lt/wp-content/uploads/2017/10/CrossRoad_3-4_2005.pdf (дата обращения: 04.06.2022).
- Варьяш О.И. Проблема границы в пограничной культуре (пиренейский вариант) // Пограничные культуры между Востоком и Западом: Россия и Испания. 2001. С. 62–69.
- Декарт Р. Избранные произведения. М. 1950.
- Земсков В.Б. Конкиста, судьбы американских культур и полемика о Новом Свете // История литератур Латинской Америки. От древнейших времен до начала Войны за независимость. 1985. С. 132–151.
- Земсков В.Б. О литературе и культуре Нового Света. М.; С-Пб. 2014.
- Земсков В.Б. Образ России в современном мире и другие сюжеты. М.; С.-Пб. 2015.
- Ионов И.Н. Мировая история в глобальный век: Новое историческое сознание. М. 2015.
- Кофман А.Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. М. 1997.
- Кофман А.Ф. Под покровительством Сантьяго. Испанское завоевание Америки и судьбы знаменитых конкистадоров. С-Пб. 2017.
- Куайн У.О. Слово и объект. М. 2000.
- Миры миров: В поисках идентичности. Россия и Латинская Америка в сравнительно-исторической перспективе. М. 2016.
- Померанц Г.С. Диалог культурных миров // Лики культуры. Альманах. Т. 1. 1995. С. 445–455.
- Померанц Г.С. Выход из трансa. М. 1995.
- Саид Эдвард В. Ориентализм. Западные концепции Востока. С.-Пб. 2006.
- Сea Л. Философия американской истории. Судьбы Латинской Америки. М. 1984.
- Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций. М. 2008.
- Следзевский И.В. Диалог цивилизаций как смысловое поле мировой политики // Диалог в полицентричном мире: философско-культурные, исторические, политические и коммуникативные проблемы. 2010. С. 136–174.
- Толстановa В.М. Постсоветская литература и эстетика транскультурации. Жить нигде, писать ниоткуда. М. 2004.
- Фергюсон Н. Цивилизация: чем Запад отличается от остального мира. М. 2014.
- Шемякин Я.Г. «Пограничные» цивилизации планетарного масштаба. Особенности и перспективы эволюции // Латинская Америка. 2007. №7. С. 75–84.
- Шемякин Я.Г. Вера и разум в духовном космосе латиноамериканской цивилизации // Латинская Америка. 2007. №3. С. 78–92.
- Шемякин Я.Г. Граница: процесс перехода и тип системности // Общественные науки и современность. 2009. №5. С. 111–124.
- Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М. 2001.

- Шемякин Я.Г.* Еще раз к вопросу о специфике гуманитарного знания в свете проблематики сравнительных цивилизационных исследований // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 12. 2021. № 8 (106). — DOI 10.18254/S207987840016465-0.
- Шемякин Я.Г.* Идентичность как способ бытия культуры // Ибероамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации. 2019. С. 34–66.
- Шемякин Я.Г.* Конфликт интересов и конфликт ценностей. Миграционная проблематика в контексте проблемы цивилизационной идентичности // Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе. М. 2018. С. 348–402.
- Шемякин Я.Г.* Культурный трансфер и диалог культур в российском и латиноамериканском цивилизационных «пограничьях» // Перспективы. 2021. №1. С. 110–127.
- Шемякин Я.Г.* Культурный трансфер как взаимодействие идентичностей: опыт различных цивилизационных типов в универсальном контексте // Цивилизации. 2021. № 12. С. 137–184.
- Шемякин Я.Г.* О пределах процесса глобализации // Общественные науки и современность. 2018. № 1. С. 143–157.
- Шемякин Я.Г.* Универсальное и локальное измерения человеческого бытия и полюса смыслового поля цивилизационного исследования // Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога. М. 2017. С. 441–466.
- Шемякин Я.Г.* Феномен «пограничности»: социокультурное содержание и исторические типы // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М. 2013. С. 23–45.
- Шемякин Я.Г.* Цивилизации «пограничного» типа: формирование концепции // Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций. М. 2008. С. 138–141.
- Шемякин Я.Г., Шемякина О.Д.* Соотношение веры и рацио в цивилизационном «пограничье»: российские параллели латиноамериканского опыта // Латинская Америка. 2007. № 11. С. 58–77.
- Abdel Malek A.* La dialéctica social. México. 1975.
- Abdel Malek A.* Orientalism in Crisis // Diogenes. 1963. Vol. 44. P. 107-112.
- Bhabha H.* Interrogating Identity // Anatomy of Racism / Ed. D. Goldberg. Minneapolis. 1990.
- Bhabha, H.* The Location of Culture. London, 1994.
- Chakrabarty D.* Provincializing Europe. Postcolonial Thought and Historical Difference. Princeton. 2000.
- Convivencia: Jews, Muslims and Christians in Medieval Spain.* N.Y. 1992.
- Dussel E.* The Underside of Modernity: Apel, Ricoeur, Rorty, Taylor and the Philosophy of Liberation. N.Y. 1995.
- Echeverría B.* Tres versiones de las Tesis sobre la modernidad capitalista // Contrahistorias. 2016. №26. P. 23–42.
- Echeverría B.* La múltiple modernidad de América Latina // Contrahistorias. La otra mirada del Clío. 2005. №4. P. 57–70.
- Martínez García P.* Alteridad Iberica: el otro en la Edad Media. Sociedad Española de Estudios. Murcia. 2021.
- McLeod, J.* Beginning Postcolonialism. Manchester. 2010.
- Mignolo W.* Local Histories / Global Designs. Coloniality, Subaltern Knowledges and Border Thinking. Princeton. 2000.
- Mignolo W.* The Idea of latin America. Wiley. 2005.

Mitre Fernández E. Cristianos, musulmanes o hebreos. La difícil convivencia de la España medieval. Madrid. 1988.

Paz O. El laberinto de soledad. Mexico. 1981.

Paz O. One Earth, Four or Five Worlds. Reflections on Contemporary History. San Diego. — N.Y.; London. 1986.

Post-Colonial Studies: the Key Concepts / Ed. B. Ashoroft, G. Griffiths, H. Tiffin. London; N.Y. 2004.

Spencer R. The Price of Silence: Intellectual Communication in the Age of Globalization // Global Fissures: Postcolonial Fusions (Cross Cultures 85) / Ed. C.A.B. Joseph, J. Wilson. Amsterdam; N.Y. 2006.

Authors

Natalia NAROCHNITSKAYA — President of the Foundation for Historical Outlook; Foreign Member of the Serbian Academy of Sciences and Arts; Member of the Civic Chamber of the Russian Federation; Doctor of History; nn@stoletie.ru.

Ivan SAFRANCHUK — Director of the Center of Euroasian Research, Institute for International Studies, MGIMO University; Associate Professor, Department of International Affairs, National Research University Higher School of Economics (HSE University); i.safranchuk@inno.mgimo.ru.

Yakov SHEMYAKIN — Chief Researcher, Center for Cultural Research, Institute of Latin America (ILA), Russian Academy of Sciences; Doctor of History; shemyakinx3@gmail.com.

Natalia TRAVKINA — Chief Researcher, Head of the Center for Domestic Politics Studies, Institute of USA and Canada, Russian Academy of Sciences; Doctor of Political Science; uspolitika@gmail.com.

Vadim TRUKHACHEV — Associate Professor, Russian State University for Humanities; Ph.D. in History; vadimvts@mail.ru.

Petr YAKOVLEV — Chief Researcher, Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences; Professor, Plekhanov Russian University of Economics; Doctor of Economics; petrp.yakovlev@yandex.ru.

Ella ZADOROZHNYUK — Head of the Department of Central and South-Eastern Europe, Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences; Doctor of History; elzador46@mail.ru.

Abstracts and Keywords

Natalia NAROCHNITSKAYA

RUSSIA AND SERBIA IN A TIME OF CHANGE. III. SERBS AND RUSSIANS IN THE SOCIAL EXPERIMENTS AND GEOPOLITICAL CATAclysms OF THE TWENTIETH CENTURY

Abstract. *The analysis of the key milestones in the last century history reveals close interconnections among the aspirations and destiny of the Serbs and other Balkan peoples, European geopolitics and Russia's international role. The geopolitical developments of both the past and the present clearly prove that Serbia has little chance to avoid being drawn into the confrontation between the West and Russia. The United States in latest decades took over the old British strategy: to push Germany against Russia and to keep the Balkan peoples fragmented to prevent the emerging of homogeneous Slavic states, which, contrary Anglo-American interests, could eventually bring "Latin" Slavs into the Pax Germanica, and Orthodox — into the Pax Rossica. The national aspirations of the Serbs were subject to condemnation and containment. With the collapse of the SFRY, the Serbs were all the more condemned and doomed to fragmentation — a remarkable parallel with the fate of the historical Russian statehood and the Russian people in and after the communist experiment. The new postmodernist and technocratic concept of the future being implemented by the West leaves no prospects for continuous cultural and historical life of nations and ruins the civilizational cores of both Russian civilization and Serbian people. At present, the Serbian nation is being again drawn into a dramatic conflict with global implications, confirming the dependence of the post-Byzantine space on the position of Russia.*

Keywords: *Serbia and Russia, Serbian statehood, European geopolitics (early 20th century), Bosnian crisis (1908), Serbian nation, Serbian people, SFRY.*

Ivan SAFRANCHUK

THE DECLINE OF AMERICAN HEGEMONY: CHARACTERISTICS OF THE GLOBAL SYSTEM IN TRANSITION

Abstract. *American opportunities for global supremacy are running out and multipolarity is becoming a reality. The world order remains in a state of transition, but the essential qualitative parameters of the ongoing transition have been changing. Leading international actors are shaping the new rules of interaction. This process cannot be easy, especially since the renewed composition of the leading powers includes actors with very different cultures and different domestic systems that they hold dear. Rivalry takes two main forms — first, competing actors try to weaken each other through indirect ways, second, they tend to be ready for controlled clashes of interests in important regions. All of this leads to constant international tension and complicates the emergence of common rules and principles. Yet, at the same time such modality of competition prevents, at least for now, even the harshest contradictions from erupting into a big war.*

Keywords: *world order, world system, multipolarity, global actors, modes of international competition, international rivalry, conflicts.*

Yakov SHEMYAKIN**POSTCOLONIAL PROBLEMS OF INTER-CIVILIZATIONAL DIALOGUE**

Abstract. *Postcolonial discourse is one of the most significant phenomena in the spiritual cosmos of contemporary humanity. The underlying basis for this is the clash of two qualitatively different processes — globalization and enhanced accentuation of the originality of specific human communities, — which has led to the “frontierization” of the semantic space of all human cultures. Ideologists and supporters of postcolonial discourse are, as a rule, in a “borderline” situation, in the middle of extremely tense contacts between different traditions. Many of them reproduce in their own way the Western exclusive discourse which has placed the Other (that is, the entire non-Western world) immeasurably lower, in the hierarchy of being, than the Faustian Civilization, and therefore has led to a “monologization of dialogue” in the West’s interaction with non-European cultures. Postcolonial critics turn this relation upside down, rejecting not only Eurocentrism but also dialogue with Western tradition, placing the West at the lowest level and the civilizations of the East and of pre-Columbian America at the highest ones. This inversion determines the main cognitive limit of a significant part of postcolonial studies. However, some postcolonialist thinkers could avoid such exclusive attitude. Interestingly, their approaches to inter-civilizational dialogue show direct parallels with the Russian tradition, primarily with the “dialogic” of the Russian philosopher and cultural scientist Mikhail Bakhtin.*

Keywords: *postcolonial discourse, existential basis, cognitive limit, dialogue, exclusive discourse, inclusive discourse, borderline situation, borderline civilization, subecumenics.*

Natalia TRAVKINA**THE DEVELOPING CRISIS OF THE AMERICAN FAMILY**

Abstract. *The article analyzes several aspects of the developing crisis of the institution of family in contemporary American society. The evolution of family relations over the past 70 years can be described as a steady move away from the two-parent model of the “ideal” large family with many children toward childless and single-parent families. Social and economic reasons played a major role in this evolution in the 1970s. However, subsequently the “move away from marriage” has received the status of a “new normal” due to extremist gender ideology, which has casuistically substituted a socially determined category of gender for the biological notion of sex.*

Keywords: *nuclear family, baby boomer generation, demographics, fertility rate, family values, female labor force, individualism, gender ideology, changing family function, same-sex family, marriage and religion.*

Vadim TRUKHACHEV**RUSSIA — SWEDEN: A DEADLOCK IN RELATIONS?**

Abstract. *Sweden has taken over the Presidency of the Council of the European Union for the first six months of 2023. This country has a long history of tensions with Russia, and recently it played a major role in the events of the Ukrainian Euromaidan. Today, when historical context is overshadowed by geopolitics, disagreements over Ukraine, interference in Russia's internal affairs and Sweden's intention to join NATO have come to the forefront. There is a variety of opinions, amongst the Swedish political elite, concerning Russia, Ukraine and NATO membership. The most anti-Russian and Atlanticist hawks do not enjoy the support of the majority of the population, nevertheless, no major political party shows understanding for Russia's actions. Therefore, the prospects for Russian-Swedish relations do not look bright, although Sweden cannot be listed among the most ardent opponents of Russia.*

Keywords: *Russian-Swedish relations, Swedish political parties, attitude towards Russia, Eastern Partnership, NATO, sanctions, Russia's Special military operation in Ukraine, Carl Bildt.*

Petr YAKOVLEV**COULD SPAIN BECOME THE ENGINE OF ECONOMIC GROWTH IN THE EUROPEAN UNION? (ON THE RESULTS OF THE DAVOS FORUM 2023)**

Abstract. *The 53rd World Economic Forum, held in Davos, Switzerland, on January 16–20 2023, under the slogan "Cooperation in a Fragmented World", predicted the end of globalization and a decade of geoeconomic and geopolitical turmoil. The countries of the European Union, teetering on the brink of economic recession, are among the states with the greatest losses at the turning point in the world order. The states of United Europe are facing new economic challenges and risks, which reflect, on the one hand, a change in the balance of world power and, on the other hand, an intensification of competition within the Western camp itself. In the first case, it is a conflict with Russia, which the collective West is trying to push out of the global economy, and the deepening contradictions with China. In the second case, these are trade and economic disagreements with the United States, including in alternative energy and high technology. In these conditions Brussels is feverishly looking for those EU members that demonstrate comparatively high growth rates and could become the EU's economic motors. Spain, in particular, aspires to such a role. How justified are these expectations?*

Keywords: *World Economic Forum, Davos Forum 2023, global economic slowdown, European Union, recession, Russia, change in the balance of power, China, competition, USA, Spain, reforms and modernization.*

Ella ZADOROZHNYUK**COMING INTO POWER UNDER THE BANNER OF HAVELISM**

Abstract. *Since the end of 2021, the Czech Republic has been ruled by political forces whose actions and narratives are visibly or invisibly underpinned by the spirit of Havelism. Havelism, the legacy of Václav Havel, can be characterized as a combination of anti-Russian stance, in foreign policy, with manipulation of notions of democracy and “the good” coupled with disregard for concrete concerns of society, domestically. These were inherent in Havel and are evident in his followers. Havelism was already at its beginnings a postmodernist project, based on the principle “to seem and not to be”. It is also a style with elements of theater of the absurd and of political buffoonery, which have been adopted by some of the West European leaders of today. The current version of Havelism has an especially strong negative impact on relations with Russia and on international affairs in general.*

Keywords: *Havelism, Czech politics, Russia, Czech Republic, Czech-Russian relations, coalition government, democratic values, postmodernism.*

Научный сетевой журнал

«Перспективы. Электронный журнал»

2023

№ 1 (32)

(январь — март)

E-journal «Perspectives and prospects»

2023

№ 1 (32)

(January — March)

journal.perspektivy.info

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-61061 от 5 марта 2015 г.

Дизайн обложки Ирина Гортинская

Дизайн-макет Ирина Гортинская

Техническое редактирование и компьютерная верстка Ирина Гортинская

Фонд исторической перспективы

Центр исследований и аналитики

Адрес редакции и издателя: 127051, Москва, Большой Каретный переулок, д. 7.

тел./факс: +7 (495) 626-30-26